

Девушка
из
ПИСЬМА

Она сбежала от своего прошлого, но, чтобы
освободиться, ушла вся ее жизнь

Эмили Гуннис

Душераздирающее письмо. Запертая девушка. Загадка, которую нужно решить.

1956 год. Когда выясняется, что Айви Дженкинс ждет ребенка, ее с позором отправляют в обитель Святой Маргарет, темный, мрачный монастырь для незамужних матерей. Ребенка против ее воли отдают на усыновление. Айви никогда не покинет стен монастыря.

Наши дни. Саманта Харпер — журналистка, отчаянно ищущая счастливый шанс.

Когда она случайно натывается на письмо из прошлого, содержание шокирует и волнует ее. Письмо от молодой матери, умоляющей о спасении из обители Святой Маргарет. Пока не слишком поздно.

Сэм втягивается в трагическую историю и обнаруживает череду необъяснимых смертей, окружающих женщину и ее ребенка. Обитель Святой Маргарет собираются снести, и у Сэм лишь считанные дни, чтобы собрать вместе кусочки загадки, которой уже шестьдесят лет. Иначе правда, что так тревожаще близка, навсегда исчезнет...

Захватывающе. Мучительно. Волнующе.

Переверните страницу. Узнайте историю Девушки из письма.

Эмили Гуннис

Девушка из письма

Переводчик: Аура Лопус

Редактор и оформитель: Александра Кузнецова

Глава 1

Суббота, 4 февраля, 2017

— Ты еще это не решила?

Сэм нажала на ручной тормоз своей потрепанной «Воксхолл-Новы», желая, чтобы это была петля на шее ее редактора новостей.

— Нет, еще нет. Я только что приехала. Вы не забыли, что мне пришлось ехать от самого Кента?

— Кто еще там? — рявкнул Мюррей в трубку.

Сэм вытянула шею, разглядывая репортеров, столпившихся под морозящим дождем возле ряда прелестных коттеджей с террасами, отделенных от дороги идеально ухоженными садами.

— М-мм, Джонеси, Кинг... и Джим тоже. Почему я вообще здесь, если Джим уже в деле? — Она посмотрела на одного из самых опытных писак агентства «Южных Новостей», пытающегося просунуть ногу через дверь. — Он не решит, что я наступаю ему на пятки?

— Думаю, здесь нужна женская рука, — сказал Мюррей.

Сэм взглянула на часы. Четыре часа дня. Близилось время отправки национальной прессы в печать, и она легко могла представить, что творилось сейчас в офисе. Мюррей, вцепившись в свой мобильный, выкрикивает всем приказы, одновременно любуясь своим отражением в стекле, закрывающем композицию из обложек «Южных Новостей». Куп, должно быть, печатает, в беспокойстве проводя руками по взъерошенным волосам, окруженный чашками с холодным кофе и засохшими сэндвичами, а Джен жует свою жвачку «Никоретте» и неистово названивает знакомым, пытаясь заполнить бреши в своем экземпляре. После того, как повесит трубку после разговора с ней, Мюррей, должно быть, сразу же позвонит в «Зеркало» или «Солнце», чтобы бесстыдно солгать, рассказав им, что Сэм уже работала над этим делом и попросить придержать тираж для нее.

— На самом деле, не уверена, что я подходящий человек для этого дела, — произнесла она, изучая свое отражение в зеркале заднего вида, бросив взгляд на букет цветов на день рождения бабушки, вянущих на заднем сиденье. Предполагалось, что еще час назад она будет в квартире бабушки, чтобы заняться Эммой и приготовить бабушке праздничный ужин.

— Ну, все ведущие журналисты уже ушли на сегодняшнее вручение премий для прессы. Так что придется это сделать тебе.

— Великолепно. Приятно осознавать себя в агентстве мусором, — пробормотала Сэм.

— Позвони, когда что-то добудешь, — и Мюррей отключился.

— Придунок.

Сэм бросила свой потрепанный телефон на соседнее сиденье. Она была почти уверена, что часы, которые она отработала сегодня за свою крошечную зарплату, приравнивались к рабскому труду, и теперь от нее ждали смертельного удара.

Она прижала пальцы к глазам, массируя их. Она-то думала, что знает, что такое усталость, пока не стала матерью. Новоиспеченным родителям лгали, упорно рассказывая, что в полтора месяца дети спят, а это явно было неправдой. Постепенно это сместилось к моменту, когда их отнимали от груди, потом — когда им исполнялся год. Эмме сейчас было четыре, и было чудом, если она спала днем. Прежде Сэм могла бы пожаловаться на

усталость, если удавалось поспать шесть часов вместо восьми, тащась на работу в похмельном тумане после ночи в клубе. Теперь, в возрасте двадцати пяти лет, она чувствовала себя старухой; четыре года накопленного недосыпа поразили каждую мышцу в ее теле, повлияв на умственные способности и ослабив ее до такой степени, что порой она едва могла сформулировать предложение. Когда с Эммой был Бен, она могла спать, по крайней мере, до семи. Но теперь, когда его заботы ограничивались двумя днями в неделю под предлогом того, что ему нужно больше времени на поиск работы, ей в основном приходилось вставать в шесть, чтобы проснуться самой и разбудить дочь и выйти вовремя, чтобы успеть отвезти ее в детский сад.

Она вздохнула, глядя, как унылый Джим идет обратно по неровной каменной дорожке, чтобы присоединиться к другим репортерам под большим зонтом. Она знала правила игры, понимала, что топтание у порога было необходимым злом в ее профессии, но это была худшая часть принадлежности к репортерам. Хотя ей нравился каждый из этих несчастных, столпившихся возле дорожки, ведущей к дому бедной женщины, они всегда напоминали ей стервятников, кружащих над своей раненой добычей.

Она отрегулировала зеркало, вытащила свою косметичку, оценивая, что можно предпринять, чтобы прилично выглядеть. Должно быть, ей нужен строительный мастерок, чтобы разгладить эту хмурую складку на лбу. Слегка прикоснувшись к ней, она закрыла глаза, и тотчас стремительно нахлынули воспоминания о вчерашней ссоре с Беном. Между ними всегда было напряжение, когда она забирала Эмму из квартиры Бена, но они пытались сдерживаться в присутствии дочери. Но вчера это вышло из-под контроля. Ссора не вела ни к чему хорошему, и она хорошо это знала. Обычный обмен оскорблениями в результате сменился такими громкими криками, что Эмма заплакала. Сэм ненавидела себя за то, что втянула Эмму в их спор, и ненавидела Бена, даже не пытавшегося скрыть свое презрение к ней.

Отшатнувшись при виде своих вьющихся волос, она потянулась в сумочку за портативными щипцами. По утрам она разрывалась между одеванием Эммы и приготовлением завтрака, так что побаловать себя времени почти не хватало. Свои рыжие вьющиеся волосы она обычно просто зачесывала назад, а пять минут, что были у нее в запасе, уходили на то, чтобы высушить феном тяжелую челку. Каблуки были ее форменной одеждой, а, учитывая уровень дохода, eBay [1] стал ее лучшим другом. Она не представляла себе ни дня без туфель от Лубутен [2] или Диор [3], чтобы поддерживать ее в мире мужчин, хотя часто слышала смешки за спиной, пробираясь на высоченных каблуках через грязные поля или затопленные автомобильные парковки.

— Привет, Сэм! — окликнул заметивший ее Фред и отделился от толпы, споткнувшись о край вымощенной брусчаткой дорожки, в стремлении добраться до нее. Он смущенно засмеялся, отбросив назад свисающую челку, глядя на девушку влюбленным взглядом, который обычно приберегал для нее.

— И тебе привет. Сколько ты уже здесь? — Сэм выдвинула пассажирское сиденье вперед и потянулась, чтобы достать сзади свое пальто, сумочку и бабушкины цветы.

— Не долго. Сегодня у меня выходной, и я занимался скалолазанием в Танбридж-Уэллс [4], так что только что приехал, — в своей непромокаемой вошеной куртке Фред выглядел так, словно только что вернулся с фазаньей охоты, решила Сэм, туго заворачиваясь в свой черный макинтош [5].

— Почему Мюррей позвонил тебе в твой выходной? Это не порядочно, — возмутилась

она, проверяя по пути свой телефон.

— Знаю, и я был слегка опустошен. Конфликты вызывают тошноту, — сказал Фред, улыбаясь.

— Тебя тошнило? О, Боже, — Сэм слегка отодвинулась.

— Нет, все хорошо; тошнота — это же хорошо, — смущенно сказал Фред.

— Тошнота не бывает хорошей, когда у тебя есть четырехлетний ребенок. А сколько здесь пробыли остальные? — спросила Сэм, когда они подошли к собравшейся в кучу толпе.

— Несколько часов. Она упрямая; мы все пытались. «Хранитель» и «Независимость» тоже были, но ушли. Не думаю, что даже ты, Саманта, сможешь с этим справиться, — произнес Фред в своей обычной манере выпускника частной школы, за что в команде «Южных Новостей» его постоянно безжалостно поддразнивали.

Сэм улыбнулась ему в ответ. В свои двадцать три Фред был лишь на два года моложе ее, но как человек без обязательств, новоиспеченный выпускник, полный героических идеалов, он казался частью другого поколения. Для большинства сотрудников «Южных Новостей» было очевидно, что он страстно увлечен Сэм. Несмотря на то, что он был высоким, привлекательным и забавным, с бесконечным запасом синих замшевых ботинок и очков всех цветов радуги, ей было трудно воспринимать его всерьез. Он был одержим альпинизмом, и, насколько она знала, проводил каждый выходной, взбираясь на горы, а потом пил со своими друзьями. Она понятия не имела, почему он заинтересовался ей. Она была изнуренной, угрюмой брюзгой, чьей самой большой фантазией в спальне было восемь часов непрерывного сна.

Они приблизились к толпе журналистов.

— Удивлен, что Мюррей прислал тебя, — бросил Джим через плечо Сэм.

Сэм вежливо улыбнулась старожилу «Южных Новостей». Ему тяжело было скрыть свои мысли; он считал, что девушка должна вернуться в офис заваривать чай.

— Как и я, Джим. Я прилично выгляжу? — спросила она, повернувшись к Фреду.

Фред слегка вспыхнул.

— Да, определенно. Берегись старой ведьмы по соседству, — торопливо добавил он, стремясь сменить тему. — Она выглядит так, будто собирается атаковать всех нас своими ходунками фирмы «Зиммер».

Все глаза были обращены на Сэм, когда она прошла по дорожке мимо толпы, прижимая к груди букет, словно испуганная невеста. Когда она достигла входной двери, то поймала взгляд старушки в окне соседнего дома. Та отдернула свои тюлевые шторы и пристально наблюдала. Фред был прав, она выглядела похожей на ведьму. Глаза дикие, длинные седые волосы рассыпались по плечам, костлявые пальцы побелели, так сильно она вцепилась в штору. Сэм глубоко вздохнула и нажала на звонок.

Прошло добрых две минуты прежде, чем Джейн Коннорс открыла дверь. Ее лицо было пепельно-серым.

— Мне так жаль беспокоить вас в это трудное время, — Сэм посмотрела прямо в покрасневшие глаза женщины. — Меня зовут Саманта, я представляю «Южные Новости». Мы бы хотели предложить наши искренние соболезнования...

— Вы можете просто оставить нас в покое? — резко произнесла женщина. — Будто это и так не достаточно тяжело. Почему бы вам всем просто не уйти?

— Я так сожалею о вашей потере, миссис Коннорс.

— Вы не сожалеете. Если бы вы сожалели, вы бы этого не делали... в худший момент

нашей жизни, — ее голос задрожал. — Мы просто хотим, чтобы нас оставили в покое. Вам всем должно быть за себя стыдно.

Сэм, дождавшись нужных слов, опустила голову. Женщина была права. Ей должно быть стыдно. И было.

— Миссис Коннорс, я ненавижу эту часть своей работы. Хотелось бы, чтобы мне не приходилось этого делать. Но я по опыту знаю, что иногда люди хотят отдать дань своим любимым. Поговорить с кем-то, кто может поведать миру их историю. Например, вы можете рассказать, как храбро вел себя ваш отец, пытаясь спасти вашего сына.

Слезы потекли из глаз женщины, когда она дернулась, чтобы закрыть дверь.

— Не говорите о них так, словно вы их знали. Вы ничего о них не знаете.

— Нет, не знаю, но, к сожалению, это моя работа — узнавать. У всех этих репортеров там, снаружи, включая и меня, очень несговорчивое начальство. И нам не позволят вернуться домой к нашим семьям, пока вы не поговорите с одним из нас.

— А если я откажусь? — миссис Коннорс выглянула из полузакрытой двери.

— Они будут говорить с другими членами вашей семьи или владельцами местных магазинов. Или напишут репортаж, основанный на потенциально неточной информации от исполненных благих намерений соседей, — Сэм помедлила. — Читатели надолго его запомнят. А для вас в будущем это может стать еще более неприятным.

Женщина теперь смотрела в землю, ее плечи поникли. Она была разбита. Сэм ненавидела себя.

— Это для вас. — Она положила цветы на порог. — Ну, на самом деле они были для моей бабушки — сегодня ее день рождения. Но она бы хотела, чтобы их получили вы. Пожалуйста, еще раз примите мои искренние извинения за вторжение. Та белая «Нова» — моя машина, а это моя визитка. Я подожду полчаса, потом уеду. Не буду больше докучать вам, — она двинулась обратно по вымощенной булыжником дорожке, надеясь, что не споткнется на своих каблуках на виду у скучающей толпы.

— Смогу ли я сначала проверить, что вы написали? — голос миссис Коннорс был слабым.

Сэм обернулась.

— Само собой. Вы сможете прочитать каждое слово, прежде чем я это отправлю. — Она мягко улыбнулась женщине, изучающей зажатый в ладони промокший носовой платок.

Сэм заметила, что старушка из соседнего дома теперь стояла у открытой двери, по-прежнему наблюдая. Должно быть, ей за девяносто. На что это похоже — быть настолько старой, прожить так много? Женщина почти согнулась вдвое над своими ходунками, возрастное пятно выделялось на ее руке, словно большой синяк. Ее сердцевидное лицо было бледно, лишь губы горели темно-красной помадой.

— Ну, полагаю, тогда вам лучше войти, — сказала миссис Коннорс, открывая дверь шире.

Сэм оглянулась назад, на толпу, потом перевела взгляд на старушку, которая уставилась на нее своими бледно-голубыми глазами. В присутствии журналистов соседи нередко подключались к делу, но их присутствие обычно сопровождалось кучей ругательств. Она улыбнулась женщине, но та не ответила. Но когда Сэм повернулась, чтобы закрыть за собой дверь, она подняла взгляд, и их глаза встретились.

Суббота, 4 февраля, 2017

Китти Кэннон смотрела вниз, на Кенсингтон-Хай-Стрит, со стофутовой высоты «Руф Гарденс»^[1] Глядя, как жители пригородов спешат домой в суровую февральскую ночь, она перегнулась через ограждение балкона, сделала глубокий вдох и представила, что прыгает вниз. Рев ветра в ушах от стремительного движения вперед, вытянутые руки, склоненная голова; сперва полная невесомость, потом — всевозрастающая тяжесть, когда гравитация бесповоротно притянула бы ее вниз. Когда она достигла бы земли, сила удара, должно быть, повредила бы каждую кость в ее теле, и какое-то время она, вероятно, лежала бы, подергиваясь, пока вокруг нее не собралась бы толпа зевак, вздыхающих и таращащих глаза, недоверчиво хватаясь друг за друга.

Насколько же ужасное нечто должно было произойти, сказали бы они, если кто-то решился на подобное? Это ужасно, такая трагедия.

Китти представила себе, как она лежит там, тонкие струйки крови стекают по ее лицу, легкая улыбка застыла на губах, сформировавшись в момент последнего дыхания при мысли, что наконец-то она сможет обрести свободу.

— Китти?

Она отступила назад и повернулась, обнаружив свою молодую помощницу. Рэйчел стояла от нее в нескольких шагах, ее белокурые волосы были аккуратно уложены, во взгляде зеленых глаз читалась легкая тревога. Она вся была одета в черное, за исключением неоновых-розовых туфель и кожаного пояса в тон. Юбка-карандаш и пиджак так плотно прилегали к ее узкой фигуре, что не двигались, когда двигалась она. В руках помощница держала планшет, судорожно вцепившись в него длинными побелевшими пальцами.

— Они вас ждут, — произнесла Рэйчел, поворачиваясь к лестнице, что вела в банкетный зал.

Китти знала, что там находилась ее производственная группа, а также множество звезд сцены и экрана, с которыми она успела побеседовать за двадцать лет существования своего ток-шоу. Она представила акустику комнаты, голоса, повышаемые, чтобы быть услышанными среди лязга столовых приборов и звона бокалов. Голоса, которые стихнут, стоит ей войти.

— Китти, мы должны идти, — Рэйчел, слегка нервничая, уже направлялась к лестнице. — Скоро будут подавать ужин, а вы хотели сказать несколько слов.

— Я не хочу говорить, но должна, — отрезала Китти, перемещая вес с одной ноги на другую в попытке унять пульсирующую боль.

— Китти, вы восхитительны, как всегда, — произнес позади них мужской голос, и обе женщины повернулись. Это был Макс Хестон, исполнительный продюсер всех шоу Китти.

Высокий и стройный, он был облачен в прекрасно сидящий синий костюм и розовую рубашку; чисто выбритое лицо было красиво, как всегда. «Мужчина без возраста», — подумала Китти, когда он широко ей улыбнулся; сейчас он выглядел так же, как и в их первую встречу более тридцати лет назад, — на самом деле, даже лучше. Когда Макс направился к ним, она перевела взгляд на Рэйчел. Щеки молодой женщины вспыхнули, голова слегка наклонилась, и, когда он приблизился, она подняла руку, игриво коснувшись

челки, проверяя, что она лежит ровно. В присутствии Макса Рэйчел всегда напоминала школьницу, и это сильно раздражало Китти.

— Все в порядке? — спросил он тоном, который привык использовать, когда Китти была на съемках. Зная, что ей нужна поддержка, он выдавал комплименты и похвалы, помогая ей избавиться от неловкости, заставляя смеяться, точно зная, как ее успокоить.

Хотя сегодня вечером он ее не успокаивал; он бесил ее отсутствием внимания. С заключительного шоу предыдущего сезона его верность, бесспорно, поколебалась. Он в последнюю минуту отменял ланчи с ней, проигнорировал несколько телефонных звонков и даже не прислал ни цветов, ни простой открытки, когда свалились новости об ее отставке. Она чувствовала, что руководство «Би-би-си» ^[2] потеряло к ней интерес: не было разговоров о дате выхода новых серий, несмотря на то, что ее агент несколько раз звонил руководству. Она предполагала, что ее скоро пригласят на ланч, чтобы сообщить, что следующий сезон будет последним, и именно это подозрение побудило ее уйти. Она сама, не Макс, должна решать, что пришло время уступить дорогу более молодым и привлекательным телеведущим, наступающим ей на пятки. Она почти ждала, что он не появится на этом ужине, но в последнюю минуту он позвонил и согласился, вероятно, когда обнаружил, сколько влиятельных гостей будет присутствовать.

— Думаю, у меня начинается мигрень. Где я сижу? — поинтересовалась Китти, крепко ухватившись за перила, осторожно спускаясь по ступенькам в белых туфлях от Диор, этикетка нового розового шифонового платья царапала ей шею. Она поймала свое отражение в огромном зеркале, висящем на лестнице, и отпрянула. На розовый ее уговорила нахальная молодая продавщица в «Дженни Пэкхем» ^[3]. Она подсознательно чувствовала, что платье было слишком молодежным для нее, но позволила столь необходимой лести девушки ударить ей в голову. Рэйчел, в отличие от нее, без усилий выглядела ошеломляюще и, идя рядом с ней, Китти чувствовала себя, словно незамужняя тетушка на свадьбе.

— Столик номер один. Как вы и просили, рядом с Джоном Питерсом из «Би-би-си Паблицити» и Сарой Уилдон, руководителем отдела развития «Уорнэр Бразерс» ^[4] — поспешила ответить Рэйчел, торопясь за ней.

— Я не помню, чтобы просила сажать меня рядом с Джоном. Он ужасно утомителен, — резко бросила Китти, пока Рэйчел нервно проверяла свои бумаги.

Зал был наполнен теплым светом изящных ламп и свечей, а белые льняные скатерти оттеняли огромные букеты любимых цветов Китти — розовых пионов.

— А где сидишь ты, Рэйчел? — спросил Макс, поворачиваясь к ней.

Щеки Рэйчел снова вспыхнули, пока она рассматривала план расстановки столиков.

— О, я не уверена, что для меня есть место. Думаю, мне нужно быть наготове, — пробормотала она, отводя взгляд от Макса и улыбаясь Китти, которая проигнорировала ее взгляд.

— Глупости. Уверен, мы сможем найти тебе место за нашим столиком. Я могу познакомить тебя кое с кем, — произнес Макс.

Рэйчел снова занялась своей челкой. В это время первые хлопки эхом разнеслись по комнате, медленно превращаясь в бурю оваций. Зал был полон тех, кто помогал Китти взойти на вершину: актеры, редакторы, продюсеры, агенты, журналисты, деятели спорта. Сегодня вечером все здесь, но вскоре уйдут и они: как и Макс, устав от нее теперь, когда она больше не представляет для них интереса. Люди, которые бежали с другого конца комнаты, чтобы поговорить с ней, будут смотреть мимо нее, при случае прерывая короткую беседу,

чтобы помчаться к новой, более молодой Китти — кем бы она ни была — тихо поздравляя себя, уходя, что сделали попытку со старой.

Китти улыбнулась и взглянула на Рэйчел.

— Не могла бы ты съездить ко мне домой и привезти темно-синее шерстяное платье и туфли? Я собираюсь переодеться после ужина.

Рэйчел взглянула на Макса, ее плечи поникли, потом она повернулась и направилась мимо столиков к выходу, ее щеки пылали от смущения. Когда аплодисменты, наконец, стихли, Китти откашлялась.

— Большое спасибо вам всем, что пришли. И особенное спасибо моей многострадальной команде за то, что терпели меня последние пятнадцать сезонов: моей прекрасной помощнице Рэйчел, без которой я бы не справилась, и, конечно, моему исполнительному продюсеру Макс Хестону, который был со мной с первого дня.

Макс широко ей улыбнулся.

— Осторожней с тем, что говоришь, Кит. Я еще помню те навеянные «Династией»^[5] накладные плечи.

Китти рассмеялась.

— Спасибо, что напомнил нам, и за то, что организовал такой прекрасный и незаслуженный ужин для меня. Как многие из вас знают, я не стремлюсь быть центром внимания и предпочитаю быть той, кто задает вопросы. Но я все же скажу. С того момента, как я увидела Джона Фримена^[6], берущего интервью у Гилберта Хардинга в «Лицом к лицу»^[7] в 1960, я попала на крючок. Это была невероятная личность — один из немногих людей, кто мог заставить моего отца трястись от смеха в «Чем я занимаюсь?»^[8] — доводя до слез, когда человек снимал маску. Мне было только десять лет, но уже остро осознавала, что мне придется играть роль, и когда я сидела, приклеенная к черно-белому телевизору в гостиной своих родителей, было прозрением осознать, что я не одна такая.

Она оглядела комнату, взгляды, направленные на нее.

— Люди очаровывают меня. То, что видишь снаружи, на самом деле, очень редко совпадает с тем, что есть внутри. И я всегда старалась использовать телевидение как платформу для правды. Кто-то из нас получил «Оскар»^[9] или золотую олимпийскую медаль, но большинство, в той или иной степени, знают о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться нашим кумирам. Порой очень сильных, а иногда и ведущих к одиночеству. Но эти трудности зажгли в них пламя, ведущее к успеху.

Она взяла бокал шампанского у официанта, стоящего рядом с ней, и любезно улыбнулась ему.

— Я бы хотела поднять бокал за всех достаточно смелых, чтобы снять свои маски и разделить боль с остальными. Я очень горжусь теми из моих гостей, кто смог это сделать и затронул людские сердца. Некоторые из вас получили лучшие рейтинги в истории «Би-би-си». Мне, конечно, жаль спускаться с этой прекрасной платформы, но, думаю, лучше так, чем ждать, пока меня скинут.

— Никогда! — прозвучало сзади, и Китти слегка улыбнулась.

— Как дочь полицейского, выросшая около Брайтона^[10] я, конечно, никогда не мечтала, что буду находиться в подобной компании. Большое спасибо вам всем, что пришли. Теперь, прошу вас, наслаждайтесь ужином и напитками и ведите себя ужасно.

Когда стихли аплодисменты, Китти повернулась, чтобы пройти к своему столику, но

остановилась, когда услышала звон ножа о бокал. Макс встал и тепло улыбался гостям.

— Впервые я встретил Китти, когда был почти новичком. Насколько я помню, меня тогда только назначили продюсером «Би-би-си», и я был молодым, привлекательным щеголем.

— И ты прекрасно об этом знал! — произнесла Китти, заставив Макса нахмуриться.

— Теперь все те, кто знаком с Китти, могут подтвердить, что она обладает обезоруживающей способностью убедить вас, что то, чего она хочет, как раз то, что вам нужно. Мой коллега из отдела «легких развлечений» [\[11\]](#) в 1985 спросил, могу ли я взять на работу стажера, который целый год ежедневно забрасывает его письмами, доводя до безумия.

Легкая волна смеха пробежала через комнату, а Макс продолжил:

— Мне нужен был исследователь по Паркинсону [\[12\]](#), поэтому я согласился. На следующий день появилась эта темноволосая, темноглазая, потрясающе умная девушка и приняла дела. — Он улыбнулся Китти, которая подняла в ответ ему свой бокал. — Несколько следующих лет она достаточно уверенно двигалась вперед, в конечном счете предложив идею своего собственного шоу. Так родился «Снаряд Кэннон» [\[13\]](#). Для тех, кто не знает, этот термин означает искусство Китти расслабить интервьюируемого, а потом метнуть в него уникальный снаряд ее собственного изобретения. Я думал, что знаю смысл исследования, пока не встретил Китти. Она знает о своих гостях то, о чем не подозревают даже их супруги. Мгновенно она стала национальным сокровищем, и я невероятно горжусь тем, что больше тридцати лет сопровождал ее в этой поездке на американских горках. Китти, ты добрая и щедрая, и тебя никогда не забудут. Я горжусь, что могу называть тебя своим другом.

Когда ужин был подан, Китти прошла между столиков, приветствуя по пути гостей, раздавая комплименты их внешности и заводя разговор о малоизвестных достижениях, что было ее специальностью.

Когда она добралась до своего места, то почувствовала, как жужжит телефон в кармане куртки. Рэйчел прислала сообщение, что будет через пять минут с ее платьем. Китти быстро набрала ответ:

«Не беспокойся о платье, милая, уже все в порядке. Должно быть, ты устала. Езжай домой. Доброй ночи. Хх»

Суббота, 4 февраля, 2017

Лифт снова был сломан. Сэм взбежала по лестнице жилого дома в пригороде Уайтхок^[14], перепрыгивая через ступеньку, и вошла в квартиру бабушки, где они с Эммой укрылись после бури, разразившейся во время очередной ссоры с Беном пару месяцев назад.

— Бабушка? — прошептала Сэм, пытаясь выровнять дыхание после быстрого подъема.

Ответа не было. Она прокралась по мягкому коричневому ковру в гостиную, где горел газовый камин. Бабушка спала в кресле-качалке, а Эмма свернулась под одеялом на диване. Свет был приглушен, и знакомый запах выпечки тотчас заставил девушку почувствовать себя дома. Вся стена была увешана фотографиями, они стояли даже на подоконнике. Бабушка с дедушкой в турпоходах, Эмма гольшом и Эмма, строящая с дедом песочные замки. Однако на большинстве смущающих фотографий была изображена сама Сэм — юная, чем-то похожая на беззубого Мика Хакнелла^[15] с острыми коленками.

Пока она осторожно пробиралась среди книжек с кроссвордами и газет, позабытых чашек с холодным чаем, цветных карандашей и недоеденных пирожков с рисом, ее взгляд упал на написанное от руки письмо, лежащее на полу рядом со свисающей бабушкиной рукой, — будто бы она уснула, читая его.

Что-то в косом выцветшем почерке и старой кремовой бумаге сразу привлекло ее внимание, но, когда она склонилась ближе, чтобы прочитать его, бабушка открыла глаза и улыбнулась. Сэм улыбнулась ей в ответ, позабавленная тем, что одни очки сидели у бабушки на носу, а другие покоились в седых волосах.

— Привет, милая, как ты? — сонно спросила бабушка, и в уголках ее добрых голубых глаз появились морщинки.

При виде двух своих любимых девочек Сэм почувствовала, как ее накрывает волной спокойствия. Бабушка, как обычно, выглядела великолепно в сиреновом платье и белом кардигане, который связала сама во время бесконечных повторов «Пуаро»^[16]. Ее волосы были собраны на макушке, и, несмотря на холодный февральский день, румянец играл на морщинистых щеках. А сияющая улыбка скрывала, что ей пришлось тащиться под ледяным дождем, опираясь на больное бедро, чтобы забрать уставшую четырехлетнюю девочку, а потом кормить, развлекать ее и укладывать спать. Сэм внезапно почувствовала прилив раздражения к Бену.

— Бабуль, надо было мне сказать, что лифт опять не работает. Я бы, по крайней мере, зашла за продуктами и принесла их домой. — Сэм поцеловала обеих в лоб.

— Все в порядке, милая, мы хорошо провели время. Эмма помогла мне подняться по лестнице. Она такая хорошая девочка, Сэмми; в самом деле, это ваша с Беном заслуга.

— Прости, что Бен повесил ее на тебя. Мне это не нравится.

— У него было собеседование, — сообщила бабушка, нежно глядя на Эмму.

— В субботу? — нахмурилась Сэм.

Бабушка пожала плечами.

— Он сказал что-то о сети ресторанов. Тебе бы порадоваться за него.

Сэм покачала головой.

— Я просто не знаю, что с нами будет дальше... Найдется чашка чаю? — бабушка

кивнула, и Сэм направилась в кухню. — Она нормально заснула? — поинтересовалась оттуда.

— В конечном счете. Хотя, боюсь, было уже довольно поздно. Она хотела подождать тебя. Я пыталась убедить ее пойти в кровать, но она уснула здесь. Ты, должно быть, устала, милая.

Сэм вернулась с двумя кружками, которые поставила на кофейный столик.

— Я раздобыла эксклюзивный материал для одного из национальных изданий, так что, полагаю, оно того стоило. — Она опустилась на диван рядом с Эммой, коснувшись рукой ее спины, которая поднималась и опадала в такт ровному дыханию ребенка.

— Так держать, милая. Это означает, что, наконец-то, твое имя выйдет в свет? — бабушка подвинулась на стуле.

— Нет, авторство принадлежит самому изданию, но все это поможет мне составить портфолио. Не думаю, что ты пропустила хоть слово из того, что я написала, — Сэм взглянула на стопки газет вокруг.

— Конечно, нет, — подтвердила бабушка. — Я невероятно горжусь тобой, моя милая.

— Рада, что хоть кого-то это волнует. Бен так часто обижает меня, что едва ли следит за этим, — Сэм сделала глоток чая.

— Все будет хорошо. Молодым женщинам тяжело справляться со всем сразу. Похоже, такова участь вашего поколения. И тебе просто досталась большая куча дымящегося дерьма.

Сэм издала смешок, из тех, что так нравились Бену, и тут же прикрыла рот рукой, чтобы не разбудить Эмму.

— Как бы то ни было... — она потянулась к своей сумке и достала маленький сверток и огромную коробку шоколада для бабушки. — С днем рождения, бабуль.

— Ох, непослушная девчонка, что же ты творишь? — шутливо рассмеялась бабушка, вынимая прелестный серебряный браслет с цифрой 60 и инициалами «С», «А» и «Э», свисающими с него рядом с маленьким серебряным чайничком и бабочкой. Ее глаза повлажнели. — Все, что я так люблю, — прошептала она, посылая внучке воздушный поцелуй. — Это прекрасно, милая, спасибо.

— Мне так жаль, что меня не было здесь в твой первый день рождения без дедушки. Обещаю, на следующей неделе приглашу тебя на ужин.

— Не глупи. Сейчас ты здесь, и со мной была Эмма. В любом случае, дедушка духовно был здесь. Знаешь, что я нашла сегодня?

— Что? — Сэм потянулась за кусочком солодового хлеба.

— Эмма уронила игрушку рядом с нашей кроватью, и когда я поднимала ее, то обнаружила большую вмятину в стене.

Сэм нахмурилась.

— А мне так важно знать о большой вмятине в стене около вашей с дедушкой кровати?

Бабушка рассмеялась.

— Она появилась там потому, что дедушка обычно слушал радио в соседней комнате. Он включал его так громко, что я часто била тростью в стену спальни. — Она ненадолго замолчала, чтобы успокоиться, а потом продолжила: — После его смерти я привыкла включать радио на полную громкость. Так я могла сделать вид, что он все еще там. Кажется, что скучают только по-хорошему в человеке. Но нет, не хватает всего.

Сэм улыбнулась бабушке и послала ей воздушный поцелуй. Дедушка, умерший в 75 лет, был на пятнадцать лет старше бабушки. В один судьбоносный дождливый воскресный

полдень осенью 1980 она бродила по его антикварному магазину, и это была любовь с первого взгляда. Он сбил ее с ног, и вскоре они стали неразлучны, поженившись в брайтонском загсе всего год спустя. Всю жизнь дед был опорой для бабушки, особенно когда они получили звонок из социальной службы с сообщением, что Кристина, единственная дочь бабушки, от которой она отдалилась, умерла, и что у нее есть двенадцатилетняя внучка, которую они никогда не видели. Дедушка обнимал Сэм, словно она была ему родной. Они втроем счастливо обитали в своем воздушном пузыре, пока тринадцать лет спустя он не лопнул — у дедушки обнаружился неоперабельный рак легких.

Бабушка вытерла глаза носовым платком деда.

— Что это? — спросила Сэм, указав на письмо на полу. — Похоже, ты читала его до того, как я пришла домой.

Бабушка посмотрела вниз. Казалось, она слегка помедлила, прежде, чем поднять исписанные страницы.

— Это письмо, милая.

— От кого?

— Не знаю. Я нашла его в документах дедушки. — Она съежилась на стуле.

— Любопытно. Могу я на него взглянуть? — спросила Сэм.

Бабушка колебалась, глядя на листы бумаги в своей руке, потом протянула их Сэм.

— Ты в порядке, бабуль?

— Все хорошо, милая, просто устала, — бабушка встала. — Зов природы. Вернусь через минуту.

Сэм осторожно разгладила два тонких листа пожелтевшей бумаги. Они оба были покрыты идеально ровными строчками, написанными черными чернилами аккуратным и решительным почерком. Дата сверху гласила: 12 сентября 1956.

Любимый,

мне страшно, потому что от тебя нет вестей. Все мои тревоги подтвердились. Я на третьем месяце беременности. Слишком поздно что-то делать; Божья воля на то, чтобы наш ребенок родился.

— Думаю, я пойду спать, милая, — объявила бабушка, возвращаясь в комнату и выдергивая Сэм обратно в настоящее. — Эмма так мирно спит на диване. Может, оставим ее здесь?

Сэм взглянула на свою спящую дочь, потом обратно на письмо.

— Его написала молодая девушка своему возлюбленному. Сообщает ему, что беременна. Похоже, она очень боится. — Бабушка принялась убирать со стола. — Откуда у дедушки взялось подобное письмо?

— Я не знаю, Сэм. Вероятно, оно завалилось в одном из ящиков антикварной мебели из его магазина.

Сэм осторожно перевернула вторую страницу и прочитала подпись в конце.

— А есть еще письма от этой девушки, Айви? Не знаешь? — спросила она.

Бабушка помедлила минуту, потом отвернулась.

— Точно не скажу. Возможно.

Она вышла в кухню, и Сэм услышала звон тарелок в раковине.

И продолжила чтение.

— Бедная девушка. Похоже, ее семья в ярости. Они планируют отправить ее в некое место, носящее имя Святой Маргарет, чтобы родить ребенка. Я и не знала, что подобное происходило здесь. Думала, такое было только в Ирландии. Заметно, что она убита горем. Она умоляет этого человека, кем бы он ни был, вернуться и жениться на ней.

— Пятидесятые годы были не самым подходящим временем для незамужних матерей, — бабушка тяжело вздохнула. — Я пойду спать, милая, прости.

— Ты же не думаешь, что это письмо было адресовано дедушке? Ну, до того, как он встретил тебя...

Бабушка взглянула на нее.

— Нет, Саманта, не думаю. И можешь сейчас не устраивать мне допрос на эту тему?

Сэм почувствовала, как ее щеки покраснели.

— Конечно, прости, мне не стоило этого говорить. Просто голова все еще забита работой. Мне действительно жаль, бабуль.

— Все в порядке, милая, я просто устала. Этот антикварный магазин принадлежал дедушке большую часть жизни, и он всегда находил в выдвижных ящиках столов и туалетных столиков безделушки и письма других людей. Они позволяли проникнуть в чужие жизни, и порой мы часами изучали их. Просто сегодня я сильно по нему скучала, поэтому залезла в его личные вещи.

— Конечно. И еще раз прости, что я так задержалась на работе, и тебе пришлось присматривать за Эммой... И что я пропустила твой день рождения, и что мне вообще пришлось остаться с тобой... В общем, прости, что я родилась.

— Не стоит, я бы без тебя пропала, — бабушка поцеловала Сэм и Эмму, потом исчезла в коридоре.

Сэм подняла Эмму и понесла ее в свою комнату. Опустила в маленькую кроватку и включила ночник.

— Я люблю тебя, — прошептала она и вышла, стараясь не шуметь.

Вернувшись в гостиную, она включила ноутбук и открыла «Гугл», напечатав в строке поиска: «Детский дом Святой Маргарет Суссекс^[17]. На экране появилась черно-белая фотография с изображением готического викторианского ^[18] особняка. Какое-то время она изучала снимок, заметив двух монахинь в полном облачении. Заголовок под фотографией гласил: «Монастырь Святой Маргарет для незамужних матерей, Престон ^[19], январь, 1969».

Читая историю дома матери и ребенка и рассказы о женщинах, пытающихся годами отыскать следы детей, насильно отданных на усыновление, она была шокирована до глубины души. Парам, неспособным иметь детей, похоже, некуда было обратиться за ЭКО ^[20], и они были готовы платить за ребенка огромные деньги. Это продолжалось до тех пор, пока обитель Святой Маргарет не закрылась в середине семидесятых.

Она подумала об Эмме, мирно спящей в соседней комнате. Мысль, что кто-то заберет ее силой, казалась невозможной. Но, сосредоточенно изучая письмо Айви и рассказы дюжин женщин, Сэм понимала, что если бы она сама забеременела в 1956-м, семья выбросила бы ее на улицу как незамужнюю женщину, и монастырь Святой Маргарет мог бы стать ее единственным выходом.

Продолжая прокручивать ссылки, она заметила, что один и тот же заголовок появляется вновь и вновь. Наконец она уделила ему внимание. «ОСТАНКИ ПРОПАВШЕГО СВЯЩЕННИКА НАЙДЕНЫ НА СТРОИТЕЛЬНОЙ ПЛОЩАДКЕ БЫВШЕГО Д

МАТЕРИ И РЕБЕНКА». Она бегло просмотрела статью, появившуюся в «Таймс» всего лишь на прошлой неделе. «Суд засвидетельствовал смерть Отца Бенджамина в заброшенном викторианском особняке».

Заинтригованная, Сэм вернулась обратно к письму.

Доктор Джейкобсон собирается в воскресенье в церкви поговорить с Отцом Бенджамин о том, чтобы скоро отослать меня. Думаю, все решится в считанные дни. Я не знаю, о чем думать или что делать. Пожалуйста, любимый, умоляю, я сделаю тебя счастливым, и мы будем семьей. Пожалуйста, поскорей приезжай за мной. Я боюсь будущего.

— Отец Бенджамин, — произнесла Сэм вслух, глядя на статью на экране. Она проверила авторство и взяла мобильник.

— Привет, Карл, это Сэм. На этой неделе работаешь допоздна? — она слышала в трубке шум припозднившихся работников, неясный окрик Мюррея на заднем плане. Никто не сможет отдохнуть пока национальная пресса не отправится спать или пока у Мюррея не пропадет голос — что бы ни случилось первым.

— Ты не знаешь, кто на прошлой неделе писал о следствии по делу священника из Престопа, что в Сассексе, по имени Отец Бенджамин? Он исчез в 2000 году, его останки были найдены в 2016 на строительном участке. — Она налила еще чаю и поджала под себя ноги.

Карл почти кричал, чтобы быть услышанным в шуме, что производили в офисе ночные уборщики.

— Дай мне минуту, и я выясню. Отец Бенджамин... звучит знакомо... Вот так, готово. Репортаж делал Кевин. Дело освещалось во всех национальных изданиях. Священник умер на месте бывшего монастыря Святой Маргарет. Решение суда: смерть в результате несчастного случая. «Слейд Хоумс» сносят здание, чтобы начать строительство элитных домов, но следствие их задержало. Должно быть, они в ярости. Я видел в местных новостях, что они больше десяти лет добивались переноса кладбища и планировали все это.

— Интересно, что Отец Бенджамин там делал. Что с ним случилось? — спросила Сэм.

— Понятия не имею. Я помню, Кевина больше заинтересовал тот факт, что на суде была Китти Кэннон.

— Кто? — Сэм едва слышала его сквозь гул пылесоса.

— Китти Кэннон, ведущая ток-шоу.

— Ты надо мной смеешься? — Сэм села.

— Да. И, похоже, она была расстроена. Ускользнула прежде, чем вынесли решение.

— Почему, черт возьми, Китти Кэннон была на суде по делу пожилого священника из Престопа? — Сэм подошла к окну, надеясь, что связь станет лучше. Ее сердце забилося быстрее. Если она сможет раздобыть эксклюзивный материал о ком-то столь выдающемся как Китти Кэннон, этого может быть достаточно, чтобы открыть для нее двери одного из национальных изданий. Она слишком долго топтала кофры в «Южных Новостях». С тех пор, как родилась Эмма, она не могла посвящать работе столько времени, как прежде, и Мюррей, кажется, решительно намерен был притеснять ее. Тем не менее, она блестяще справлялась почти с каждым делом, что ей поручали, так же, как и сегодня с Джейн Коннорс. Но, когда речь заходила о повышении, ее не замечали. Ей нужно начать зарабатывать нормальные

деньги; как бы сильно она не любила бабушку, им с Эммой необходим свой дом. Она знала, что на завтра Мюррей припас несколько скучных историй. Но ее смена начнется не раньше десяти, и она была совершенно уверена, что в свободное время сможет покопаться в этом деле о Китти Кэннон и обители Святой Маргарет.

— Я не в курсе. Кевин говорил об этом с Мюрреем — он подумал, что за этим может что-то скрываться — но не смог раздобыть фотографий, а в офисе Кэннон сказали, что это была не она. На этом все и кончилось.

— И он так просто сдался? Странно. Она знала Отца Бенджамина? — Сэм вытащил блокнот из сумки и начала быстро писать.

— Понятия не имею. На самом деле, Сэм, это не представляет общественного интереса. Она не сделала ничего незаконного, так что нет оснований ее преследовать.

— Но... Кевин там? Я могу с ним поговорить?

— Нет, уже ушел. Прости, меня Мюррей зовет. Нужно идти.

— Хорошо, спасибо, — произнесла Сэм, но телефон уже молчал.

Она взглянула на статью на экране ноутбука, затем открыла чистую страницу в блокноте и написала на верхней строчке «Отец Бенджамин».

Потом расправила письмо на коленях и снова принялась читать.

Среда, 12 сентября, 1956

Айви Дженкинс сидела на краю кровати, вонзив ногти глубоко в колени. Голос дяди Фрэнка доносился сквозь половицы. Она слышала, что приехал доктор Джейкобсон. Дверной звонок пронзил ее тело молнией ужаса, и девушка слегка приоткрыла дверь спальни, заметив, как мать спешит по выцветшему коричневому ковру в коридоре, чтобы встретиться с ним. Она напряглась, чтобы расслышать слова, голос ее матери звучал взволнованно и напряженно, пока она нервно суетилась возле доктора Джейкобсона.

— Добрый вечер, доктор, большое спасибо, что пришли.

Айви почти не слышала голос матери с тех пор, как несколько дней назад они посетили доктора Джейкобсона. Она сидела, глядя на доктора, замечая, как движутся его губы, выпуская слова, которые летели к ней по комнате, словно пули из ружья. И ей хотелось удержать то мгновение, что осталось от восемнадцати лет ее невинности, прежде чем знакомый с детства мир изменится навсегда.

— Итак, Айви, — произнес он после осмотра, предложив ей сесть на стул рядом со своим столом, — причина твоего недомогания в том, что у тебя будет ребенок.

Мать судорожно вздохнула и прижала ко рту затянутую в перчатку руку. В этот момент чистого шока Айви инстинктивно потянулась к другой ее руке, но мать ее отдернула.

После этого мать общалась только с доктором Джейкобсоном, спрашивая, что им делать. Что скажут соседи? Знает ли он, что Айви не замужем? Доктор Джейкобсон отвечал, что, если отец ребенка Айви не готов на ней жениться, есть только один выход. Доктор сказал, что нужно это обсудить, и что он придет к ним домой в среду вечером. После этого, во время долгой поездки на автобусе домой и за три дня, минувших с тех пор, мать с ней почти не разговаривала.

Дядя Фрэнк не заметил молчания матери. Как обычно, он продолжал жаловаться на невкусный обед, на сквозняк из задней двери, на шумных соседских детей. Но Айви все видела; она заметила, что плечи матери поникли больше, чем обычно, а глаза были пусты, без тени эмоций.

С самого первого момента, когда она узнала, что внутри нее растет ребенок Алистера, Айви отчаянно хотела его увидеть. Она рассказала ему о задержке, и хотя он улыбнулся и попросил не беспокоиться, его голос стал холодным.

В субботу он не приехал, чтобы, как и каждую неделю, отправиться с ней в деревню, а она возбужденно ждала его все утро. Айви сидела в гостиной, одетая в новую бледно-голубую хлопковую юбку и белую блузу, а дядя Фрэнк, покрикивая, слушал скачки по радио. В конечном счете, она признала, что любимый за ней не приедет.

В отчаянии следующей ночью она ускользнула в «Руки Престопа», паб, который, как она знала, посещал Алистер. Она прошла через дымную залу, застенчиво одергивая платье, пока не заметила подружку одного из игроков его футбольной команды. И набралась смелости попросить ее передать Алистеру, что ей срочно нужно его увидеть. Девушка улыбнулась и обещала, что все сделает. Но когда Айви повернула прочь, она услышала смех ее подруги.

— Ал завел очередного влюбленного щеночка. Заметно, что она сохнет по нему.

— Не говори так, — попросила девушка. — С каждым может случиться.

Айви обернулась и, увидев, что они давятся от смеха, вышла из шумного бара на тихую улицу.

Голос дяди Фрэнка, доносившийся сквозь половицы, вернул ее обратно в настоящее.

— Подождите, я еще возьмусь за эту девчонку!

— Нет, Фрэнк! — Айви услышала, как мать пытается его успокоить, затем низкий голос доктора Джейкобсона.

В отчаянной попытке отвлечься она подошла к столу, вытянула из ящика лист бумаги и начала писать.

12 сентября 1956

Любимый,

мне страшно, потому что от тебя нет вестей. Все мои тревоги подтвердились. Я на третьем месяце беременности. Слишком поздно что-то делать; Божья воля на то, чтобы наш ребенок родился.

Когда доктор Джейкобсон подтвердил новости, я слышала, как мама плакала в своей комнате. Я поставила в вазу букет цветов и принесла к ее кровати, но она только отвернулась. Как можно в мгновение перестать любить свою собственную плоть и кровь? С того момента, как умер отец, мы были всем друг для друга. Дядя Фрэнк думает, что мама его любит, но я знаю, что это не так. Я видела, как мои родители танцевали в гостиной, когда думали, что я ушла спать; как мама улыбалась ему, когда он ее кружил... дяде Фрэнку она так никогда не улыбалась. Я вообще никогда не видела, чтобы она ему улыбалась. Она просто носит ему подносы с едой из кухни в гостиную. Он даже никогда не благодарит ее.

Теперь, когда мы живем с дядей Фрэнком, нам нельзя говорить о папе, но я знаю, что мама прячет его фотографию в коробке в чулане под лестницей, и дядя Фрэнк об этом не знает. Я иногда укрываюсь там, когда он зол, чтобы не попадаться ему на глаза, и беру с собой фонарь. И когда становится тихо, я могу достать фотографию и посмотреть на нее. Папа на ней в форме, и он такой красивый. Его волосы забраны назад под шапку, и он глядит вдаль, словно на горизонте виднеется кто-то ужасно важный.

Когда папа собирался вернуться на войну, а я умоляла его не уходить, он посадил меня к себе на колени. Прижав к себе, он сказал, если я буду скучать по нему, нужно только посмотреть на небо и найти самую большую, самую яркую звезду. И что он тоже каждую ночь будет на нее смотреть. Так мы оба будем знать, что загадали одной и той же звезде желание, чтобы он поскорей вернулся домой. И тогда оно сбудется. Но этого не случилось. После смерти папы я чувствовала себя мертвой изнутри. Пока не встретила тебя.

Почему я чувствую себя такой несчастной и испуганной? Где ты? Ты больше меня не любишь?

— Айви, сейчас же спускайся! — раздался на лестнице голос дяди Фрэнка.

Айви медленно убрала лист бумаги в ящик, положила ручку на стол и сглотнула поднимающуюся тошноту. Она вся дрожала. Пройдя через комнату и спустившись по лестнице, она направилась к гостиной.

— Где она? Айви! — снова крикнул дядя Фрэнк, пока она мялась в дверях.

— Она здесь, — спокойно проговорила мать, и Айви заставила себя перешагнуть порог

комнаты, где все собрались. Все взгляды были устремлены на нее. Воздух был тяжел от дыма. Дядя Фрэнк и доктор Джейкобсон сидели на выцветшей коричневой софе, держа сигареты, а мать неуклюже устроилась на стуле в углу.

— Да, дядя, — произнесла Айви.

— Не дядькай мне, ты, маленькая шлюшка.

— Фрэнк! Пожалуйста, у нас гость. — Мать Айви беспокойно крутила руки.

— Не защищай ее, Мод. Ты явно не сможешь наказать девчонку, так что придется это сделать мне самому. Ну, что скажешь в свою защиту?

Айви стояла, молча опустив голову. Слезы жалили глаза, а голова так кружилась, что рисунки на рыже-коричневом ковре под ногами начали двигаться. Она подумала, что может потерять сознание.

— Отец ребенка собирается на тебе жениться? — выплюнул дядя Фрэнк.

— Я не знаю, дядя, — прошептала она.

— Ну, ты с ним говорила?

Она моргнула, и слезы заструились вниз по ее щекам. Она протянула руку и смахнула их.

— Говори, девчонка, или тебе не поздоровится!

— Я не могу его найти, — призналась Айви.

Комната погрузилась в молчание, потом взорвалась мычащим смехом дяди Фрэнка.

— Держу пари, что и не сможешь.

Он встал и прошел к шкафу с напитками, где налил себе большую порцию виски.

— Не знаю, что заставило тебя думать, будто подобного парня может интересовать что-то еще, кроме желания проникнуть тебе в трусы. Запомни мои слова, ты больше о нем никогда не услышишь.

— Фрэнк, нет! — снова вмешалась мать Айви.

Фрэнк подошел к Айви и немного помедлил. Она не осмеливалась шевелиться, пока он кружил вокруг нее, его щеки пылали от ярости. Она напряглась всем телом, ожидая, что он ее ударит.

— Господь знает, я пытался идти по стопам твоего отца и делать доброе дело, воспитывая тебя, но, очевидно, потерпел неудачу. Ты только и ждала, чтобы обесчестить себя и навлечь позор на всю семью.

Айви взглянула на свою мать, и та всхлипнула.

Фрэнк же продолжал:

— Если бы не доктор Джейкобсон, который любезно предложил поговорить с Отцом Бенджамином о месте для тебя и ребенка в обители Святой Маргарет, ты бы оказалась на улице. Я недоволен тобой, Айви. Никогда в жизни не чувствовал такого разочарования. Я только надеюсь, что они смогут забрать тебя прежде, чем это станет заметно.

— Боюсь, Фрэнк, за это придется заплатить, — предупредил доктор Джейкобсон. — Они не возьмут ее просто так.

— Сколько? — спросил Фрэнк.

— Мне нужно в воскресенье обговорить это с Отцом Бенджамином, но примерно сотню фунтов.

— У нас нет таких денег! — прокричал Фрэнк.

— Тогда после того, как ребенка отдадут на усыновление, ей придется остаться и отработать свой долг.

— Как долго? — Айви взглянула на мать, которая побелела, как полотно.

— Думаю, три года, — спокойно объявил доктор Джейкобсон, словно бы он обсуждал погоду, а не выносил приговор о тюремном заключении.

Айви судорожно вздохнула и бросилась к матери, схватив ее за руку, в которой та держала промокший носовой платок.

— Мамочка, пожалуйста, не заставляй меня уходить.

Дядя Фрэнк шагнул ближе и оттолкнул ее.

— Не перекладывай это на свою бедную мать. Не думаешь, что ей уже достаточно досталось?

— Ты рад этому, потому что так ты сможешь избавиться от меня. — Айви вывернулась из захвата дяди Фрэнка.

— Айви, хватит! — предупредила мать, ее глаза покраснели от слез.

Девушка стояла, опустив голову, глядя на рябь на поверхности виски в стакане дяди Фрэнка, когда он сжал его еще сильнее. Внезапно он швырнул стакан в стену, и тот разлетелся на кусочки.

— Уходи с глаз моих! — прокричал он. — Твой отец, должно быть, переворачивается в могиле.

Айви, яростно вытирая слезы, побежала в свою комнату, вытащила из стола листок бумаги и продолжила писать.

Дядя Фрэнк говорит, что единственное, что позволит избавить семью от ужасного позора, который я на нее навлекла, — это отослать меня подальше, прежде, чем станет заметно, чтобы не узнали соседи. В Престоне есть монастырь, носящий имя Святой Маргарет, куда отправляются девушки, подобные мне, чтобы родить своих детей.

Я знаю, мама не хочет, чтобы я уходила, но она скажет, что это дом дяди Фрэнка, и нам повезло, что есть, где жить, когда отец оставил нас ни с чем. Я ненавижу, когда она так говорит об отце; он не виноват, что его отправили на войну умирать.

Доктор Джейкобсон говорит, мне придется провести там какое-то время, чтобы оплатить свое содержание. Еще три года, поскольку у нас нет ста фунтов, чтобы покрыть расходы. Учитывая наши ужины и подарки, что ты так любезно мне покупал, не думаю, что сто фунтов для тебя большая сумма. Я понимаю, что ты не хочешь скандала в газетах перед твоим первым сезоном в Брайтоне, но если бы ты заплатил сто фунтов и пообещал дяде Фрэнку, что однажды мы поженимся, я бы смогла вынести все, зная, что мы воссоединимся, когда родится наш ребенок.

Последние несколько месяцев и прекрасная ночь, что мы провели вместе в отеле «Роза», стали самыми счастливыми в моей жизни. Я ужасно по тебе скучаю. Я не могу ни есть, ни спать. Я боюсь того, что станет со мной и с ребенком, растущим внутри меня. Ночами я лежу в кровати, глажу свой живот и представляю, что, может, это мальчик, который вырастет таким же сильным и красивым, как его папочка.

Дядя Фрэнк считает, что я наивная, если думаю, что ты мог полюбить кого-то вроде меня. Он говорит, что ты уже получил, что хотел, и я больше никогда о тебе не услышу.

Пожалуйста, любимый, докажи, что он ошибается. Я сама брошу это письмо в твой почтовый ящик, чтобы быть уверенной, что ты его получишь.

Доктор Джейкобсон собирается в воскресенье в церкви поговорить с Отцом Бенджамином о том, чтобы поскорее отослать меня. Думаю, все решится в считанные дни. Я

не знаю, о чем думать или что делать. Пожалуйста, любимый, умоляю, я сделаю тебя счастливым, и мы будем семьей. Пожалуйста, поскорей приезжай за мной. Я боюсь будущего.

Со всей своей вечной любовью,
Твоя Айви хх

Она осторожно сложила письмо, положила его в конверт и запечатала. Ей придется подождать, пока мать и дядя Фрэнк отправятся спать, а потом ускользнуть и отнести его.

Она знала место, куда ее собирались отправить: монастырь Святой Маргарет в Престоне. Всегда, сколько она себя помнила, огромный особняк будоражил ее, когда они проезжали мимо него по воскресеньям по дороге в церковь. На расстоянии он выглядел похожим на подгоревший пряничный домик; высокий и вытянутый, с зубчатыми глазированными башенками, изогнутыми сахарными тросточками в виде колонн и окнами из цветного стекла. Тяжелые распятия на каждом крыле дома выделялись на фоне неба, а по шиферной крыше карабкался плющ, вступая во владения, словно незваный гость.

Ходили тайные слухи о двух девушках из школы, собирающихся туда, чтобы родить детей. Одна вернулась месяц спустя тенью прежней себя. Другую девочку с тех пор не видели. Айви должна убедить Алистера жениться на ней и сделать все, что в ее власти, чтобы ее туда не отправили. Как только она переступит порог обители Святой Маргарет, ее битва за ребенка будет проиграна.

Суббота, 4 февраля, 2017

После двух часов чтения душераздирающих рассказов о детях, отнятых у матерей (похоже, женщины так и не смогли от этого оправиться), Сэм поняла, что больше не вынесет. Девушки работали в прачечных, часто управляя тяжелыми механизмами, пока не наступало время родов. Детей у них забирали при рождении. Матерей заставляли подписать отказ от любых прав на их поиски.

Мысль об этом заставила Сэм заплакать, и пока она лежала, обнимая в кроватке Эмму, маленькое, теплое тельце малышки прижалось к ней. Это был такой непомерный инстинкт — защитить своего ребенка; как монахини смогли удержать стольких женщин? Убедить их не только отказаться от своих детей, но также подписать документ, который сделает для них незаконной попытку когда-либо в будущем отыскать ребенка. Это было варварство.

Она посмотрела на письмо и обвела пальцем скошенный почерк. Айви родилась на поколение раньше. Поскольку она и сама была матерью-одиночкой, Сэм шокировало, что обитель Святой Маргарет находилась совсем рядом, и до середины семидесятых там забирали детей у матерей.

Она должна отправиться туда, чтобы увидеть, как они жили, где спали малыши, где работали девушки, чтобы оплатить свое содержание. Потенциальная связь Китти Кэннон с этим местом заинтриговала ее. По какой-то неведомой причине она представляла себя в шкуре Айви, и это чувство вынуждало Сэм взглянуть на монастырь Святой Маргарет глазами девушки.

Она прочитала в интернете, что старый монастырь собирались снести во вторник, так что у нее было всего два дня, чтобы туда попасть. Ее пятидневная смена только началась, так что выходных до сноса дома не представится. Придется встать завтра на рассвете, если она собирается посетить это место, а в десять уже быть на работе.

Когда она погрузилась в беспокойный сон, ее разум снова вернулся к письму на прикроватном столике, неведомым образом оказавшемуся в вещах ее деда, и к испуганной молодой женщине, которая его написала.

Воскресенье, 5 февраля, 2017

Стоя на пороге лондонского дома Ричарда Стоуна, Китти ждала, пока он откроет двойной замок и распахнет дверь, жестом пригласив ее войти.

Охранная сигнализация пропищала тридцатисекундное предупреждение, и женщина, стоя в прихожей, наблюдала, как Ричард нажимал на цифры на панели. Его шишковатые руки, покрытые возрастными пятнами, слегка дрожали.

— Прости за это. С тех пор, как не стало моей жены, я всегда забываю по утрам выключить сигнализацию.

Китти улыбнулась.

— Я очень признательна, что ты согласился меня принять. Это крайняя необходимость. И я не знала, куда еще пойти.

— Конечно, для этого я здесь. Прости только, что так рано. Я всегда обедаю с сыном.

Ричард повесил ключи обратно на настенный крючок и направился по коридору, устеленному мягким ковром и увешанному черно-белыми фотографиями его двоих сыновей на различных праздниках.

— Не возражаешь, если я воспользуюсь уборной? — спросила Китти.

— Конечно, нет. Ты знаешь, куда идти. Я подожду тебя здесь, — произнес Ричард.

Когда Китти вернулась, он жестом указал на коричневый кожаный стул в углу.

— Прошу тебя, садись.

Китти оглядела комнату. Теперь здесь все было почти так же знакомо ей, как и в ее собственной гостиной. Она раздраженно вздохнула. Низкий столик с неизменной коробкой бумажных салфеток, безобидный рисунок на стене, кремовые шторы, пропускающие достаточно дневного света, чтобы побороть клаустрофобию. Она приходила к Ричарду уже несколько недель, осторожно рассказывая о своей работе, о том, что не спит по ночам. Ее тошнило от этой комнаты, тошнило от ожидания, что он будет давить на нее разговорами о прошлом, что сможет «проникнуть в нее», о чем так назойливо твердили все психиатры. И она увидит его реакцию.

— Могу я взять твою пальто? — поинтересовался Ричард, топчась рядом и тепло улыбаясь ей.

— Нет, спасибо, я еще не согрелась, — бросила Китти, стягивая серые кашемировые перчатки прежде, чем опуститься на стул.

Ричард тоже сел, скрестив ноги и откинувшись на спинку. Китти не смотрела на него. Убрав перчатки в сумочку на коленях, она с глухим стуком уронила ее рядом со стулом. Наконец, подняла взгляд, и, увидев, что его голубые глаза напряженно смотрят на нее, сразу же снова отвернулась.

— Как ты, Китти?

Она дважды сменила положение, прежде чем, наконец, откинуться назад, но плечи были напряжены. Она тяжело дышала. Вой сирены снаружи заставил ее подпрыгнуть.

— Не знаю, как ты можешь жить в центре города, — пробормотала она.

Ричард мягко улыбнулся.

— Так я чувствую себя молодым.

— Удивлена, что выслушивание людских жалоб стоит так дорого, что ты можешь себе это позволить.

Ричард сделал глоток воды.

— Я бы не называл это жалобами. Ты уверена, что тебе удобно в пальто?

— Да. И, прошу тебя, прекрати суетиться по пустякам. Я прихожу сюда, чтобы сбежать от подобного лицемерия.

— По-твоему, если люди беспокоятся о тебе, они лицемерят? — спросил Ричард.

Избегая его пристального взгляда, Китти снова отвела глаза, изучая его ботинки. Это были поношенные коричневые кожаные башмаки, но они блестели, а, значит, за ними хорошо ухаживали.

«Напоминают самого Ричарда», — подумала Китти.

Ему было за восемьдесят; он почти облысел, под глазами набухли тяжелые мешки. Однако его выцветшие джинсы были аккуратно отглажены, а мягкий шерстяной свитер — свежестыран. Вообще, все в комнате создавало впечатление, что, несмотря на недавнюю кончину жены, кто-то присматривал за ним — возможно, экономка, и, конечно, его любящие сыновья.

На Китти Ричард всегда производил впечатление человека, у которого все спланировано; того, кто провел свою жизнь с женой, ничего не тратившей понапрасну, ведя скромное существование: «Не выбрасывай этот стул, милый, я могу покрыть его лаком, и он послужит в комнате мальчиков». Она словно бы видела, как искренне они наслаждаются отдыхом в кемпинге вместо дорогих поездок за границу. Как, будучи молодыми, пытаются сберечь достаточно денег, чтобы купить дом в центре Лондона. Это позволило им уйти на пенсию, к спокойной жизни. Исключение составил лишь случайный, очень выгодный клиент.

— Ты хорошо выглядишь, — резко бросила она, словно пытаясь оскорбить. — Ты уезжал?

— Да, — подтвердил Ричард, — всего на пару дней, с сыном.

Он с отсутствующим видом крутил на пальце обручальное кольцо. Китти представила его вместе с любящим сыном. Как они сидят на живописной городской площади, порой улыбаясь друг другу, наблюдая, как движется мир. Наверное, Ричард хорошо воспитал мальчика, они понимали друг друга и не нуждались в постоянных беседах. Может, лишь случайно упомянули о том, как сильно его жена любила это место.

— Ты хочешь поговорить о том, что тебя беспокоит, Китти?

Женщина подергала ворсинку на пальто. Батарея позади нее испускала жар, и кожа откликнулась на это тепло. Расстегнув пуговицы и распахнув пальто, она почувствовала, как пламенеют щеки.

Ричард положил руку на колено.

— Как прошел твой ужин?

Китти поерзала на стуле и вздохнула.

— Отлично. Не считая того факта, что я чувствовала себя невидимой.

— Мне жаль. Но почему ты чувствовала себя невидимой?

Она начала ковырять кожу вокруг ногтей.

— Потому что все те люди, которых я уважаю, словно бы меня не замечали. Они всегда смотрели на меня, прекращая разговор, чтобы меня послушать. Я не знаю, когда это началось, но прошлым вечером все было иначе. Они смотрели на тех, кто моложе и

привлекательней меня, на тех, у кого вся жизнь впереди. Словно бы во мне погас свет, и они просто меня не видели.

Кончиком пальца она нарисовала круг на своих брюках, потом еще и еще.

Ричард помедлил немного, ожидая, что она продолжит.

— Возможно, тебе это только кажется. Может быть, они все еще видят в тебе этот свет.

Китти взглянула на часы. Похоже, их стрелки постепенно останавливались.

— Когда я ушла, одна, то чувствовала, словно покидаю свои собственные похороны. Я знала, что никто из них на самом деле не будет по мне скучать. Для тебя все иначе, Ричард. То, что есть у тебя, ты заслуженно заработал. Испытал настоящую любовь, добился в жизни того, что нужно. Твое сокровище — это семья. Работа для тебя на втором месте.

— Опасно сравнивать себя с другими, Китти. Лишь мы сами знаем правду о своей жизни.

— Ну, хватит, не принижай себя. Я — в твоём доме, и чувствую здесь счастье и довольство. Я просто говорю правду и считаю, что это комплимент. Я ревную к тому, что у тебя есть. Моя работа — это все, что было у меня, а теперь не станет и ее.

Ричард откашлялся.

— Ты говоришь, что работа — все, что у тебя было, но ты пошла на вечеринку, полную людей, желающих выразить тебе свою любовь и восхищение.

Китти посмотрела на него, покачав головой.

— Они были там ради самих себя.

— Думаю, ты очень жестока к себе. Ведь, может, все наоборот, и это они больше не представляют для тебя интереса и не заслуживают любви? Может, ты злишься на них за то, что они не такие, какими ты хотела бы их видеть?

— Потому что они не любят меня такой, какая я есть? Это немного избитая фраза. — Она отвела взгляд и встала, сняла пальто и направилась к балконным дверям, за которыми виднелся маленький, прекрасно ухоженный сад.

— Нет ничего избитого в желании чувствовать себя любимой. Но если ты не покажешь им настоящую себя, как они смогут тебя полюбить? Возможно, подобная работа заставляет постоянно носить маску, которую ты боишься снять, из-за страха быть отвергнутой. И, может, ты устала притворяться. У тебя есть кто-то, с кем можно поговорить по душам, Китти? Кроме меня, я имею в виду. Подруга? Родная душа?

— Была однажды, — произнесла Китти, скрещивая руки на груди и отворачиваясь.

— Что случилось? — спросил Ричард.

— Я ее потеряла, — тихо сказала Китти.

— Что ты подразумеваешь под «потеряла»? — морщась, он медленно подвинулся на стуле; спина или суставы явно причиняли ему боль.

Китти промолчала. В конечном счете, она вернулась обратно к стулу, сложила пальто и бросила его на пол рядом с сумкой. Затем, вздохнув, села.

— Ты прав, я устала. Может, стало бы легче, если бы, черт возьми, я смогла выспаться. Темазепам [\[22\]](#), что ты прописал, усыпляет, но два или три часа спустя я просыпаюсь. Этого достаточно, чтобы свести с ума любого.

— И что тебя будит? — поинтересовался Ричард.

Китти посмотрела на черную кошку, гонящую по лужайке белку, которая запрыгнула вверх на огромный платан.

Ричард не собирался сдаваться.

— Это периодически повторяющийся сон? Или, может, ночной кошмар?

Китти изучала браслет на запястье, крутя и поворачивая в пальцах каждый брелок.

— Я бегу по туннелю, через который сбежала она, но никогда не могу добраться до света в конце. Я бегу и бегу, но он не приближается.

— Твоя сестра? Туннель, через который сбежала твоя сестра? — спросил Ричард.

Китти кивнула.

— Сны — это нерешенные вопросы, действующие в твоем мозгу сами по себе, пока ты спишь. Они будут повторяться, пока ты не сумеешь понять, что они пытаются сказать тебе, — мужчина осторожно посмотрел на Китти.

— Я никогда не спрашивала отца, почему умерла моя сестра. Она была жива, когда я пошла за помощью, — тихо проговорила Китти. Она чувствовала, как пересыхает у нее во рту. — Я узнала, что ему солгали, и он поступил так же. — Она снова начала ковырять кожу вокруг ногтей, вызывая кровь и вздрагивая от боли.

— Кто ему солгал? Что, по-твоему, с ней случилось? — спросил Ричард.

— Думаю, они нашли ее и наказали за побег, — Китти в первый раз взглянула ему в глаза.

— Побег откуда? — Ричард медленно разогнул ноги и наклонился к ней. — Она была в каком-то учреждении?

Китти почувствовала, как напрягся каждый мускул в ее теле.

— Она жила в месте, носящем имя Святой Маргарет. Это был дом матери и ребенка в Суссексе.

Ричард пристально посмотрел на нее. Краски схлынули с его лица, а рука, лежащая на колене, побелела, так сильно он сжал ее.

— Они совершили ошибку, — продолжала Китти. — Они не знали, что она отыскиала меня, когда я вышла из церкви. Я была одна, без родителей. Она подала мне знак с кладбища. Они знали о ее побеге, но не знали, что она нашла меня и что я побежала за помощью. — Женщина замолчала и посмотрела на Ричарда, который дышал очень медленно и глубоко.

— Сколько тебе было лет, когда все это случилось, Китти? — спросил он наконец.

— Восемь. Мне было всего восемь, — она посмотрела на дрожащие руки Ричарда.

— Ты меня извинишь? — спросил он, испустив приглушенный стон, медленно поднимаясь со стула. Он слегка пошатывался, направляясь к двери.

— Ты в порядке, Ричард? — поинтересовалась Китти.

— Да, просто устал от поездки. Я всего на минутку.

Китти взглянула на часы. Оставалось полчаса.

Спустя пару минут Ричард вернулся в комнату со стаканом воды в руке.

— Пожалуйста, прости, что вот так ушел. Обычно я никогда не бросаю пациентов. В последнее время мне пришлось нелегко. Давай вернемся к тому, о чем мы говорили. Почему в тот день ты пошла в церковь одна?

Китти встала и подошла к книжному шкафу, сняла с одной из полок снежный шар и встряхнула его. На крошечную деревню внутри начал падать снег.

— Мой отец весь день был в больнице. Я знала, что мама серьезно больна. Я всю жизнь ходила в церковь по воскресеньям. Если отец работал, мы с мамой могли поехать на автобусе. Я знала, какой это автобус, и знала, что делать. Я весь день провела в одиночестве, слоняясь по дому, думая о маме в больнице, отчаянно желая выйти, сделать хоть что-то, что

угодно, чтобы помочь. Я пропустила утреннюю службу, но знала, что была также и дневная, потому что мама иногда на нее ходила.

Китти вернулась к стулу и села, положив шарик на колени. Снег теперь успокоился. Она представила себя внутри — ей восемь, и она стоит возле церкви в своем лучшем красном пальто.

— В тот день я едва не осталась дома. Решение пойти изменило всю мою жизнь. Я только хотела помолиться, чтобы Господь спас маму. Никогда не забуду, как было холодно. Лед хрустел под ногами громче, чем церковные колокола. — Китти посмотрела на Ричарда. Ее мысли рванулись назад, к автобусу, что катился по обледеневшей сельской дорожке в Восточном Суссексе, в первый раз в жизни сводя ее с сестрой.

Воскресенье, 15 февраля, 1959

Китти нервно теребила пуговицы на новом красном шерстяном пальто, пока автобус прокладывал путь по извивающимся дорожкам к деревне Престон. Обледеневшие изгороди вдоль дороги ограждали покрытые пятнами снега поля. Она села в автобус одна, передав мелочь, которую взяла с прикроватной тумбочки отца, и заняла место возле окна. Потом к ней присоединилась старушка, которую она иногда видела в церкви. Ее дыхание затуманивало стекло, и время от времени девочка протирала его руками в черных шерстяных перчатках. Когда она смотрела в окно, то видела монахинь, — рассеянных по полям, заглядывающих за изгороди, склонившихся над канавами. Их дыхание в морозном воздухе создавало облачка пара.

Она взглянула на женщину рядом с собой. Аккуратно одета, волосы собраны сзади в пучок. Китти решила, — чтобы заставить их так лежать, была сделана не одна попытка. К толстому коричневому пальто была приколотая черная стеклянная брошь. По мнению Китти, пальто выглядело так, словно было сделано из ковра. Автобус с трудом пробирался по ледяной дороге, и старушку подбросило на сиденье. Но она по-прежнему смотрела прямо вперед, лишь крепче сжала сумочку на коленях. Китти очень хотелось спросить ее, что же искали монахини в полях, но женщина ни разу не взглянула на нее с тех пор, как они вместе сели в автобус, а челюсть была так крепко сжата, словно у нее не было желания разговаривать.

Китти с силой прикусила губу, когда они остановились на перекрестке. Взгляд ее зацепился за дорожный указатель впереди с надписью: «Престонское шоссе». Они свернули на него, миновав глубокую тень престонского поместья, и направились к южным холмам, где на горизонте виднелся викторианский особняк. Сколько она себя помнила, четырехэтажное здание с двумя фасадами покоряло ее. Издалека оно напоминало ей заброшенный кукольный домик, пылящийся на старом чердаке. По десять скучных окон на каждом этаже, в них никогда не было света. Бежевый фасад с ползущим вверх плющом. Когда они подъехали ближе, его безликие цвета сменились оттенками серого, а углы загубели. Огромные распятия возвышались над каждым крылом дома, а башенки напомнили Китти историю плененной Рапунцель^[23], которую отец иногда ей читал.

Дорожку из гравия, ведущую к дому, окружал лес, и, медленно проехав по ней, они достигли поляны, где остановился автобус. Двери с шипением открылись, и молодая женщина с чемоданом в руке с трудом протиснулась по проходу. Ее огромный округлившийся живот прижимался к чемодану, и когда она волочила его вниз по ступенькам автобуса, Китти слышала, как старушка рядом с ней неодобрительно заворчала.

В тени деревьев, одетый в черное с головы до пят, за исключением белого воротничка на шее, стоял Отец Бенджамин. Китти знала его как священника из престонской церкви. Присмотревшись, она заметила нескольких девушек, бродящих взад-вперед по канаве, огибающей внешнюю кромку леса. Они были одеты в коричневые робы, а рядом стояли две монахини в полном облачении. Китти внимательно изучала ближайшую к ней девушку. Ее волосы были короткими, как у мальчика, а кожа такой же серой, как заснеженная земля.

Одна из монахинь помахала девушке, и Китти заметила, как она выбралась из канавы.

Потеряв равновесие, слегка пошатнулась, но потом медленно выпрямилась, прижав руку к поясице, открывая огромный живот.

Когда автобус тронулся, девушка подняла взгляд и уставилась прямо на Китти, ее пронизывающие глаза были черными, как уголь. Китти откинулась назад на сиденье, но не смогла отвести взгляд, пока монахиня, прикрикнув, не заставила девушку в снегу двигаться.

Китти съежилась на сиденье, яростно обкусывая кожу вокруг ногтей. Когда она была дома, то чувствовала, что должна выйти, что-то сделать. Но теперь, находясь в одиночестве здесь, в автобусе, в первый раз без родителей, она начала паниковать. Несмотря на работающий двигатель и включенное отопление, она почувствовала, как холод, проникающий из-под двери-гармошки и прямоугольных окон, пытается до нее добраться. Когда они остановились у церкви, и все направились к выходу, ее дыхание стало прерывистым.

Было только три часа дня, но дул ледяной февральский ветер, а зимний свет начал угасать. Стараясь не поскользнуться в своих лучших ботинках, Китти начала вылезать из автобуса.

— Вы в порядке, мисс? — спросил водитель, дергая за рычаг автобуса, готовый тронуться.

— Да, я встречаюсь в церкви с отцом, — ответила Китти, повторяя заранее подготовленную ложь.

— Хорошо. Ну, будьте осторожны на льду.

Двери позади нее глухо закрылись. Она стояла одна, глядя на скопление и суету у маленькой церкви. Она желала, чтобы отец на самом деле был здесь, рядом с ней, и его огромная рука сжимала бы ее ладонь. Когда она двинулась вперед, ноги захрустели на льду. Она представила его ботинки рядом со своими, как на его длинный шаг она делает два или три, чтобы не отстать.

Когда девочка прошла через ворота мимо покрытых снегом могильных камней и направилась ко входу в церковь, то слегка помедлила и огляделась. Оживленная толпа впереди нее исчезла в здании, и лишь карканье воронов, уставившихся на нее с обнаженных ветвей, нависающих над тропой, раздавалось в морозном воздухе.

Постепенно смолки и они. Внезапно Китти осознала, что кто-то на нее смотрит.

Пока она стояла, глядя на ряды надгробий, что-то шевельнулось вдали. Вороны взмыли в небо, снег с ветвей, на которых они сидели, снегопадом обрушился Китти на голову и спину ее нового красного пальто.

Она вздохнула, сбрасывая ледяные хлопья. В этот момент человек в длинном черном пальто начал закрывать двери церкви.

— Подождите! — крикнула она, поспешно бросаясь под защиту здания, пытаясь не поскользнуться на льду.

Лишь раз она оглянулась на кладбище, почувствовав, как руки покрываются мурашками. Потом вошла внутрь, и двери закрылись за ней.

Воскресенье, 5 февраля, 2017

Было еще рано, когда Сэм остановилась возле обители Святой Маргарет. Оставив бабушку и Эмму в теплых постелях, она выскользнула в ледяной рассвет, где ждала «Воскхолл-Нова», готовая провезти ее по извилистым дорожкам Престона и дальше, в туманную сельскую местность Суссекса.

Готический особняк, выступающий впереди на фоне неба, был намного больше, чем она ожидала, с рядами узких арочных окон под наклонной крышей, увенчанной распятиями. Природа уже заявила на него свои права. Стены были густо усеяны пятнами плесени, а плюш разросся так щедро, что трудно было определить, где заканчивался дом и начиналась земля. Он стоял совершенно один на огромном участке земли, приготовления к сносу явно шли полным ходом. Спереди повсюду виднелись лопаты и кучи строительного песка. Стофутовый подъемный кран «склонился» к дому, шар для сноса висел в воздухе, будто ведя обратный отсчет приближающемуся действию.

Поплотнее запахнув куртку, Сэм застыла у стальной изгороди, что ограждала стройплощадку. В ее воображении предстали все те девушки, что, должно быть, стояли здесь годы назад, положив руку на выпирающий живот, а в другой сжимая чемоданчик с вещами. Покинутые всеми, кого любили, без намека на то, что ждет впереди.

Она оглядела два тяжелых висячих замка, запирающих вход на стройплощадку, затем отступила назад, чтобы рассмотреть вывески:

«Уведомление о намеченном сносе»

«Предупреждение: запретная зона»

«Неуполномоченный вход строго запрещен»

Сбоку от нее на стойках расположился огромный архитектурный макет из семи отдельно стоящих семейных домов.

«Новые роскошные дома, отмеченные наградой: «Слейд Хоумс» — это смесь традиционной элегантности классической архитектуры с внутренним дизайном XXI века вблизи уединенной деревушки Престон в самом сердце сельской местности Суссекса».

Чуть выше рекламного лозунга огромные кроваво-красные буквы складывались в слово: «ПРОДАНО».

Сэм отвернулась и направилась вдоль изгороди, чуть касаясь ее затянутой в перчатку рукой. Она не замечала признаков жизни, но в отдалении слышался лай собаки. Пройдя немного, она заметила вагончик, в котором горел свет. Девушка направилась к нему, дважды споткнувшись о замерзшую грязь. Когда она подошла ближе, немецкая овчарка, привязанная на участке, поднялась, яростно залаяв. Сэм инстинктивно остановилась, несмотря на то, что та была на цепи, и их разделяла стальная изгородь. Ее сердце гулко забило в груди.

— Макс! — прокричал мужской голос. — Заткнись! — Свет, струящийся из хижины, обрисовал силуэт мужчины с забранными в хвост волосами, который направлялся к двери. — Что такое?

Он был высок и широкоплеч, с толстой шеей. Несмотря на мороз, на нем была только мягкая серая футболка. Его черные байкерские ботинки были расшнурованы. На левой руке, сжимающей жестяную кружку, над которой поднимался пар, Сэм заметила великолепное кольцо. Оглядевшись, он спустился по ступенькам, чтобы понять, что же побеспокоило собаку, которая все еще рвалась и рычала на Сэм.

Она перебрала множество вариантов того, с чем ей придется столкнуться в обители Святой Маргарет. При самом благоприятном исходе вокруг стройплощадки было бы подобие изгороди, никого вокруг, а в старом викторианском доме обнаружилось бы разбитое окно, через которое она смогла бы влезть. При ином раскладе верной ставкой были скучающие секретари, и, предположив, что здесь был офис, продающий будущее шикарное жилье, она могла бы притвориться потенциальным покупателем и попроситься на экскурсию, а потом просто извиниться. Даже охранника она, вероятно, смогла бы очаровать или проскользнуть мимо. Но она не ожидала, что здесь будет обитать здоровяк с оборотнем в качестве домашнего питомца.

— Привет! — она весело помахала рукой. — Простите, я не хотела пугать вашу собаку.

Он повернулся к ней, щурясь от солнечного света. Его густая козлиная бородка блестела, а дым из сигареты во рту поднимался к глазам. Сэм заметила надпись на его футболке: «Черт возьми, у меня день рождения» — и попыталась улыбнуться. Но он не спешил улыбаться. Тревожно долго он рассматривал ее. Собака снова начала лаять, и мужчина, наконец, отведя взгляд, пнул ее так сильно, что она завизжала.

— Почему ты шныряешь здесь, милашка? — спросил он с явным акцентом кокни^[24].

— Я не шныряла. Просто подошла, заметив свет. Хотела узнать, есть ли тут кто-нибудь.

— И зачем? — он глубоко затянулся, выдув дым в ее сторону, и направился к ней. Несмотря на стальную изгородь между ними, она ощутила волну паники, но снова улыбнулась.

— Потому что хочу увидеть этот дом изнутри прежде, чем его снесут. Можно мне сигаретку?

— С тех пор, как были найдены останки священника, многие интересовались этим домом, — он протянул ей сигарету и зажег ее зажигалкой через дыру в изгороди.

— Спасибо. Да, я видела это в газете. Поэтому я здесь.

Сэм всегда считала, что ключ ко лжи — это придерживаться простых фактов настолько близко к правде, насколько возможно. Она потянулась к сумочке и вытащила письмо Айви, держа его так, чтобы он мог увидеть выцветшие, исписанные от руки страницы.

— Мой дедушка умер совсем недавно, я нашла это в его вещах. Думаю, оно было написано его матерью, полагаю, он здесь родился. Когда прошлой ночью я прочитала, что дом собираются снести, то просто захотела приехать и увидеть место, где он провел первые недели своей жизни. Если кто-нибудь из монахинь, что присматривали за ним, еще живы, мне хотелось бы их поблагодарить. — Ее голос задрожал. Она не собиралась говорить о человеке, заменившем ей отца.

Мужчина сдавленно рассмеялся.

— Поблагодарить их? Это впервые.

— Что вы имеете в виду? — спросила Сэм, шурясь от лучей зимнего солнца.

— Ты ведь не из прессы? — спросил он, затянувшись сигаретой.

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Какое-то время они ошивались здесь, но теперь все на следствии. Разрешение на снос, наконец, получено. Этот дом рухнет через два дня, и никто и ничто не сможет этому помешать.

— Но вам все еще приходится здесь ночевать? Должно быть, это жестоко. Ведь холодно.

— Да, новые дома стоят по миллиону за штуку, так что без вариантов. Жду не дождусь, черт побери, чтобы убраться отсюда.

— Не сомневаюсь. Кстати, я Сэм. Рада, что встретила вас. — Девушка протянула руку через изгородь, и мужчина, слегка помедлив, пожал ее.

— Энди. Сэм, если я покажу тебе окрестности, ты выпьешь со мной сегодня вечером?

— он затаился сигаретой, не сводя взгляда с ее лица.

Сэм заставила себя улыбнуться.

— Вы празднуете свой день рождения?

Энди взглянул на свою футболку.

— Только вместе с тобой. — Он поколебался, потом качнул головой в сторону здания.

— Тогда пойдем внутрь, вреда не будет.

Когда тяжелая дубовая дверь обители Святой Маргарет захлопнулась за ними, Сэм остановилась в огромном холле. Широкая лестница вела наверх. Потрясенные пылинки танцевали в лучах почти весеннего солнца, проникающего через выцветшие витражные окна на лестничной площадке. На выщербленной черно-белой плитке она заметила сломанную табличку. Присев на корточки, Сэм стерла с нее пыль.

«Господи Боже, да позволено будет падшим вновь обрести Тебя через силу молитв и тяжкий труд. Обитель Святой Маргарет, Престон, Сестры Милосердия».

Она представила себе блестящую лестницу, беременных девушек, что неистово натирали ее под надзором монахинь. Монахинь, постыдно олицетворяющих собой подобные дома матери и ребенка, оказывая услуги семьям католиков, которые хотели закрыть глаза на происходящее. И вся общественность облегченно умывала руки. Для Сэм это было прообразом прошлых веков, а не всего лишь одного поколения.

— Милашка, глянь-ка сюда.

Она так глубоко задумалась, что почти забыла о своем провожатом. Разбитое стекло одного из окон хрустнуло под ногами, когда она подошла к двери и заглянула в огромную комнату, залитую светом из двух сводчатых окон. Огромные керамические раковины висели на стенах, а сбоку, в центре потемневшего пола, лежал огромный отжимной каток. Она стояла в дверях, представляя духов прошедших десятилетий, исчезающих в густом пару, отводящих волосы с лица тыльной стороной ладони, стирающих испачканные простыни в раковинах и отжимающих скатерти через каток.

На задней стене господствовало распятие, над раковинами висел изъеденный молью гобелен. Мурашки побежали по рукам Сэм, когда она прочитала причудливо вышитые слова:

*О, милосерднейший Иисус, приверженец душ,
заклинаю Тебя страданиями священного сердца Твоего*

*и скорбью непорочной Матери Твоей,
омой в крови Твоей грешников всего мира,
умерших в этот день.
Если в величии Твоем возрадуешься,
послав мне страдания в этот день взамен благодати,
что прошу для этой души,
тогда возрадуюсь и я, и возблагодарю Тебя, добрейший Иисус,
Пастырь и Приверженец Душ;
возблагодарю Тебя за случай проявить милосердие
в ответ на все благодати Твои, что были явлены мне. Аминь.*

— Это безумное место, — пробормотала Сэм. — Такое чувство, что девушки все еще заточены здесь.

— Ты и понятия не имеешь, милашка, — Энди наклонился так близко, что она могла почувствовать в его дыхании запах сигаретного дыма.

— Вы не знаете, кто-нибудь из монахинь еще жив? — она отвернулась.

— Ты еще не ответила на мой вопрос.

— Какой вопрос? — она не была уверена, что послужило причиной поднимающейся тошноты — Энди или ужасная комната.

— О том, чтобы вечером выпить со мной.

Она улыбнулась и заглянула в коридор.

— А что там внизу?

— Столовая, но сейчас там пусто. — Он посмотрел на часы. — По правде говоря, перед сносом все вынесли. Сомневаюсь, что ты что-то найдешь.

— А там что? — Сэм кивнула на темную деревянную дверь.

Энди промолчал, так что она пересекла холл и открыла ее, протиснувшись мимо него, чтобы войти, когда он не сдвинулся с места. В противоположность прачечной, маленькая комната вызывала клаустрофобию. Темные деревянные панели поглощали скудный свет, который пропускало маленькое окошко. Стол из красного дерева был придвинут к стене в углу, и на нем стоял огромный позолоченный портрет монахини в полном облачении. Невыразительное длинное лицо, поджатые губы. Когда Сэм приподняла картину, казалось, бесстрастные глаза женщины следовали за ней по комнате. Табличка у основания рамки сообщила ей, что женщина была «Матушка Карлин, мать-настоятельница, 1945–1965».

— Вы не знаете, жива ли она? — Сэм жестом указала на портрет. — Матушка Карлин?

— Парочка монахинь отсюда живет в доме престарелых вниз по дороге. Но их имен я не знаю. Слушай, милашка, нам не стоит слишком задерживаться. Скоро должен прийти управляющий.

— Конечно, простите. Идемте, — она осмотрела комнату в последний раз, потом повернулась к двери. И в этот момент ее каблук зацепился за маленький шпингалет, слегка выступающий над полом. Она резко остановилась. — Что это?

Энди пожал плечами, вытащил сигарету из кармана и зажег ее. Сэм наклонилась, скользнув пальцем по шпингалету, и потянула. Он не поддавался, но после пары рывков люк начал подниматься, издавая громкий скрип, эхом раздававшийся в пустой комнате. Она отступила назад, чтобы осмотреть открывшееся пространство.

— Как, по-вашему, для чего это? — Она посмотрела на Энди.

— А на что это похоже? — он выдул дым во влажную комнату.

Сэм почувствовала волну тошноты, когда поняла, что пространство было достаточно большим, чтобы вместить человека, например, молодую девушку. Три на пять футов или около того, оно походило на гроб. Внезапно она застыла, парализованная, представив, что на несколько часов ее заперли в темноте, в тесном пространстве, где не было возможности двигаться, чтобы дать ей время подумать и полностью осознать урок. И когда Энди жестом показал, что пора уходить, она услышала тихий женский плач. Лишь чуть позже девушка поняла, что плакала она сама.

Грудь сжало, когда он потянул ее за руку к выходу — в коридор, мимо прачечной, где, как ей казалось, возле раковин она видит неподвижно вззирающих на нее девушек. Когда они достигли входной двери, она, пошатываясь, вышла наружу, на свежий воздух, испытывая потребность вдохнуть полной грудью.

— Милашка, ты в порядке? — Энди отпустил ее руку.

— Простите, мне нужна минутка. Это было слишком сильно, — она отмахнулась от сигареты, которую он ей предложил.

— Как я и сказал, ты понятия не имеешь. Чем скорее они снесут это место до основания, тем лучше. Наверное, тебе лучше уйти отсюда прямо сейчас.

Сэм, глубоко вздохнув, кивнула. Она не знала, почему ее так взволновало положение Айви, но в душной атмосфере дома она почувствовала страдания всех запертых там девушек. А учитывая смерть Отца Бенджамина и потенциальную связь с ним Китти Кэннон, она инстинктивно чувствовала, что просто должна опубликовать эту историю.

Если Матушка Карлин еще жива, ее нужно найти. Но сначала ей нужно точно знать, почему Китти Кэннон пришла на следствие по делу Отца Бенджамина. Она могла бы позвонить в офис Кэннон, просто чтобы разведать обстановку. Если при упоминании обителю Святой Маргарет последует хоть какая-то реакция, она поймет, что что-то нащупала. Потом, при случае, навестить одну из монахинь, чтобы та проболталась о связи Кэннон с обителью Святой Маргарет, и дело сделано.

Она посмотрела на часы: половина восьмого утра. Еще два с половиной часа до того, как ей нужно появиться в агентстве. Если она поторопится, ей, может, даже удастся обнаружить Матушку Карлин. Она посмотрела на Энди.

— Я бы хотела сегодня купить вам выпить, чтобы отблагодарить за беспокойство. А если вы сможете вспомнить название дома престарелых, порция будет двойной.

Воскресенье, 5 февраля, 2017

Ричард взглянул на часы, и, поняв, что прошла только половина сеанса, перевел взгляд обратно на Китти. Его руки были влажными, и он, обхватив скрещенные ноги, сжал их.

— Что случилось, когда ты вышла из церкви?

— Я немного постояла, пока взрослые болтали вокруг меня. Как раз собиралась пойти на автобусную остановку. А потом увидела ее, — голос Китти дрогнул, она замолчала.

Ричард глубоко вздохнул.

— Все хорошо, Китти, приди в себя.

Женщина прокашлялась и закусила губу.

— Она спряталась за одним из надгробий и подавала мне знаки. — Китти встала и вернула снежный шар обратно на полку, с которой его взяла.

— Ты сразу поняла, что это твоя сестра? — задавая вопрос, он не смотрел на нее, уставившись на ее пустой стул, словно пребывал в состоянии шока.

— Нет. Я видела, что она моего возраста, но не знала, кто она. В любой другой день я, может, решила бы, что она хочет поиграть со мной, но из-за мамы я была очень расстроена, поэтому меня это сразу взволновало. Каким-то образом я почувствовала, что что-то было не так. — Она снова помедлила. — Я осмотрелась, чтобы понять, мое ли внимание она пыталась привлечь. Я подумала, что, может, придумала ее или она была призраком. Потом она приложила палец к губам, чтобы дать мне знак вести себя тихо, и поманила меня к себе.

— И ты пошла? — тихо спросил Ричард.

— Да. Никто на меня не смотрел. Люди в то время мало обращали внимание на детей, и, конечно, моих родителей там не было. — Китти подошла обратно к балконным дверям и посмотрела на Ричарда. Он сгорбился, было заметно, что ему некомфортно. Она отвернулась, снова глядя в сад.

— И что она сказала, когда ты подошла? — выдавил Ричард.

Китти все еще видела лицо сестры в тот момент. Несмотря на пятна грязи, ветки в волосах и слишком большую коричневую робу, она словно смотрелась в зеркало. Она взглянула вниз, на сандалии девочки с открытыми пальцами и обнаженные руки и, повинаясь порыву, сняла пальто и накинула на нее. Ее сестра, дрожа, протянула руку, и Китти взяла ее.

— Когда я впервые подошла к ней, она ничего не сказала. Мы побежали к сараю. Мы провели там всю ночь. Она была слишком напугана, чтобы двигаться. Она рассказала мне, что ее зовут Эльвира и что она убежала из обители Святой Маргарет. Она несколько часов просидела снаружи, в снегу, ожидая меня на кладбище с утренней службы. Я знала, что мой отец будет ужасно беспокоиться, но она не позволила мне уйти и поискать помощь. Она просто повторяла: «Они убьют меня, если найдут. Они убьют меня». — Голос Китти снова дрогнул, она, глядя в окно, скрестила руки, крепко обнимая себя. — Она была такой уставшей и голодной. Я хотела ей помочь, но она не позволяла мне уйти.

— Но, в конечном счете, ты пошла за помощью? — спросил Ричард, наконец, подняв взгляд.

— Да, она все же позволила мне уйти, с одним условием. Она заставила меня пообещать

не звать ее. Она сказала, что иначе нас найдут. Потом показала мне ключ, которым воспользовалась, чтобы сбежать. Она выдвинула болтающийся кирпич в стене сарая и засунула за него ключ. Сказала, если я вернусь, а она уйдет, мы с отцом должны воспользоваться им, чтобы открыть люк на кладбище, потому что это может быть единственный способ ее отыскать.

— И ты им воспользовалась? — тихо спросил Ричард.

Китти повернулась и посмотрела на него. Он отвел взгляд и протянул дрожащую руку за стаканом с водой.

— Нет. Отец Бенджамин сказал, что она умерла. Но что, если нет? Что если он солгал? Я должна была вернуться. Я могла ее спасти.

— Китти, ты когда-нибудь возвращалась в обитель Святой Маргарет? — спросил Ричард, его плечи опустились, челюсть сжалась.

Она медленно покачала головой.

— Ты думаешь, что ключ все еще может быть там? Что твой сон говорит об этом?

Китти все еще чувствовала необъятность ночи, когда она, отважившись, выскользнула наружу. Черная дыра впереди была полна звуков, на деревьях ухали совы, кто-то шуршал в подлеске. Когда она бежала, спотыкаясь и падая в темноте, то чувствовала, как холод, словно живой, тянет ее назад, замедляя, пытаясь пленить. Лицо и руки начали терять чувствительность, и живо нахлынули мысли об отце: как он одевал на нее пальто, которое сейчас носила Эльвира, застегивал пуговицы, улыбался, натягивая на нее шапку с помпоном.

— Я думала, что знаю обратный путь от церкви к дороге. Думала, отец, должно быть, меня ищет. Но было так темно, что я ничего не видела. Я была напугана. Я долго искала дорогу, но у меня начала кружиться голова. Я упала, замерзла и промокла, и была очень сильно напугана. Мне было всего восемь. Я пыталась вернуться обратно к Эльвире, но и ее не смогла найти. Поэтому я сделала то, чего она умоляла меня не делать. Я закричала, прося помощи.

Китти посмотрела на свои руки. Крошечная дырка рядом с ее ногтем наполнилась кровью. Красная дорожка потянулась к кончику пальца, а она, словно наяву, слышала бряцанье столовых приборов по тарелке и видела отца, мерящего шагами кухню их крошечного нетопленного дома. Она пристально смотрела на него, а он каждые несколько секунд нервно отдергивал тюлевую занавеску, чтобы взглянуть на узкую заросшую тропинку. Она словно чувствовала вкус дешевого хрящеватого тушеного мяса, которое приготовила для них исполненная благих намерений соседка, пока ее мать была в больнице. Ее саму выписали всего несколько дней назад после того, как нашли едва живой в канаве, в которую она упала, пытаясь помочь своей сестре. Сестре-близнецу, о чьем существовании пару недель назад она даже не подозревала.

— Доедай, Китти, уже поздно, — сказал отец, отодвигая тарелку и соскабливая остатки в мусорное ведро.

Китти посмотрела на часы: без десяти семь, спать ей только через час.

— Что случилось, папа? — тихо спросила она.

— Хватит вопросов, Китти, — отрывисто бросил он. — Время ложиться спать. — Он стремительно потащил ее вверх по ступенькам, впихнул в ночную рубашку, выключил свет и исчез, даже не спросив, не нужно ли ей в туалет во дворе. Она слышала, как он наводит порядок, звон тарелок, грохот столовых приборов в комод. Затем, наконец, стук в дверь.

Она села на кровати, спустив ноги на холодные доски пола, потом, крадучись,

двинулась по скрипучему полу спальни. Медленно и осторожно она приоткрыла дверь, настолько, как осмелилась, и обнаружила на выцветшем синем коврик в прихожей Отца Бенджамина.

— Проходите, Отец. — Китти видела, как двое мужчин направились к гостиной и исчезли внутри; когда дверь плотно закрылась за ними, громкий щелчок эхом прокатился по ступенькам.

— Ты знаешь, как твоя сестра оказалась в обители Святой Маргарет? — спросил Ричард, выдерживая Китти обратно в настоящее.

— Большую часть своей жизни мама была больна, почечная недостаточность. Думаю, отец искал утешение на стороне. Подозреваю, мы обе родились в обители Святой Маргарет, и, вероятно, наша мать умерла при родах. — Китти закрыла глаза. — Затем, по какой-то причине, отец забрал домой только меня.

Ричард откашлялся.

— Ты не злилась, что он решил бросить Эльвиру?

Китти посмотрела на него.

— Сомневаюсь, что мама предоставила ему выбор.

Ричард помедлил прежде, чем заговорить.

— Ладно, но мне нужно удостовериться, что в свете случившегося ты осознала свои чувства к отцу. Ты рассказала мне, что у него была связь, что эта женщина, твоя биологическая мать, вероятно, умерла при родах. И что твой отец решил взять себе только одного ребенка. Но ты не злишься на него за то, что случилось с Эльвирой.

Китти посмотрела на него.

— Мама была очень больна. Отец не смог бы справиться с близнецами. Он думал, что Эльвиру удочерят, и она будет счастлива.

— Но почему, по-твоему, он выбрал тебя? — спросил Ричард. — Очевидно, это трагическим образом изменило жизнь Эльвиры, но во многих отношениях тебе тоже пришлось нелегко. Нести эту ношу всю свою жизнь. Но ты во всем этом не виновата, Китти.

— Виноват мой отец, ты это имеешь в виду? — Ее отражение в стекле смотрело прямо на нее, она мягко коснулась его кончиками пальцев. Она все еще слышала голос отца, доносившийся сквозь закрытую дверь из гостиной годы назад.

— Она была моей дочерью, Отец. Я имел право знать, что она вернулась в обитель Святой Маргарет.

Рука Китти дрожала, пока она вела ее вниз по перилам. Она спускалась вниз на цыпочках, отчаянно пытаясь не потревожить спящие доски пола. Когда она достигла подножия лестницы, сердце ее билось так сильно, что было больно. Голоса мужчин слышались так четко, словно она находилась с ними в комнате.

— Со всем должным уважением, Джордж, но ты при рождении отказался от своих прав на Эльвиру. — Голос Отца Бенджамина звучал спокойно и умиротворенно, словно он читал проповедь в церкви.

— Я думал, ее удочерили, думал, что она попала в любящий дом. — Голос отца, напротив, звучал безжизненно и напряженно; Китти могла представить, как он ходит взад-вперед, а священник сидит и смотрит на него.

— Она провела в приемной семье первые шесть лет своей жизни, — сообщил Отец Бенджамин.

— И что случилось? — Джордж заговорил чуть громче.

— Точно не знаю, но им пришлось с ней нелегко. Говорили, что она была проблемным ребенком. — Китти услышала покашливание Отца Бенджамина и представила, как он, расслабленно скрестив ноги, потягивает выпивку.

— Даже если так, ребенка не возвращают, словно не понравившийся подарок, — Джордж снова мерил шагами гостиную. Китти слышала это в его голосе, чувствовала, как слегка дрожит пол.

— Часто случается, что парам, которые считают, что не могут иметь детей, после усыновления удается зачать ребенка. Эльвире было очень тяжело привыкнуть к новому малышу. Говорили, что пару раз она пыталась навредить ему. — После комната погрузилась в молчание; Китти запаниковала, решив, что они собрались выйти, и повернулась, чтобы броситься обратно вверх по ступенькам.

— А вы пытались найти для нее другую семью? — в голосе Джорджа слышалось смирение.

— Да, но молодым парам не нужна проблемная девочка шести лет. Они берут малышей, — произнес Отец Бенджамин.

— Но почему вы мне не сообщили? — Китти слышала в голосе отца покорность.

— Хелена была так больна, Джордж, что ты едва мог позаботиться о Китти. Я не хотел взваливать на тебя эту ношу. К тому же, твои обвинения довольно спорны. Мне напомнить, как ты приходил, умоляя нас помочь заставить проблему исчезнуть? — Голос священника теперь звучал жестче.

— Я знаю, Отец, и благодарен за это. Просто это шокировало Китти, да и мне было тяжело. Пытаться объяснить ей, что случилось, и почему мы никогда не говорили, что у нее есть сестра. Доктор Джейкобсон сказал, что нужно дать ей время, но каждую ночь ей снятся кошмары. Она все еще не пришла в себя. И теперь вы говорите, что бедная девочка мертва. Я не могу помочь, но чувствую ответственность. Где ее похоронили?

Китти затаила дыхание.

— На кладбище рядом с обителью Святой Маргарет. Мы благословили ее и устроили ей подобающие похороны, — голос Отца Бенджамина снова смягчился.

— Почему она не попала в больницу? Вы не могли просто похоронить ребенка без соответствующих инстанций, — голос Джорджа сломался.

— Доктор Джейкобсон подписал свидетельство о смерти. Все по правилам, Джордж. Это было прискорбно, но она сама решила сбежать в одну из самых холодных ночей года. Теперь тебе больше не стоит сожалеть. Лучше сосредоточься на здоровье Хелены и помоги Китти пережить это трудное время. Думаю, мне лучше уйти. Я найду выход.

Китти взбежала по лестнице прежде, чем появился Отец Бенджамин. Всю ночь при мысли о сестре, которую никогда не знала, она рыдала в подушку. И отчаянно стремилась к ней, замерзшей и напуганной, одиноко лежащей в своей могиле.

— Она не похоронена в обители Святой Маргарет. — Женщина взглянула на часы, зная, что их сеанс подходит к концу.

Ричард откинулся на спинку стула, тело его обмякло, руки вцепились в подлокотники, словно лишь они удерживали его. Он выглядел изможденным.

— Дом сносят, чтобы расчистить место для новой застройки. И раскопали кладбище, — продолжила она. — Я получила копию отчета о раскопках.

— И в нем есть детали того, что нашли на кладбище? — медленно спросил Ричард.

— Некоторые женщины были похоронены вместе с новорожденными младенцами. Но

ни в одной из могил не было детей постарше.

— Значит, ее похоронили в другом месте?

— Или она все еще жива, — произнесла Китти, осторожно глядя на него.

— Как она может быть жива? — Глаза Ричарда расширились.

Китти пожала плечами.

— Может, она сбежала, и кто-то ее подобрал. Если они лгали о случившемся с ней, могли солгать и о том, что ее похоронили. Или, может, все это время она скрывалась в обители Святой Маргарет.

Ричард поколебался прежде, чем заговорить.

— Это кажется совершенно неправдоподобным. Не думаешь, что она могла бы попытаться снова отыскать тебя?

— Нет, если винила меня за то, что я ее бросила, — просто пояснила Китти. — Впоследствии я размышляла о ночи, когда умер мой отец. Полиция разбудила меня в два часа утра. Мне было десять лет, я была одна. Мама была в больнице, отец навещал ее и попал в аварию по дороге домой.

— Мне жаль, Китти, — Ричард покачал головой.

— Я только помню, как рассказывала им, что он был хорошим водителем. Что он не мог попасть в аварию. Мне хотелось спросить, почему они так уверены, что это был несчастный случай. Отец однажды рассказывал мне, что при отсутствии мотива убийство легко могло сойти с рук. Пришла соседка, а я сидела в своей комнате, пока не вошло солнце, вновь и вновь думая об одном: может, все же был мотив, может, кто-то захотел причинить ему вред.

Она замолчала и посмотрела на Ричарда, ожидая, что он подбодрит ее продолжать. Но он смотрел сквозь нее, не встречаясь с ней глазами, потом медленно перевел взгляд на часы.

Понедельник, 23 января, 1961

Джордж Кэннон, сидя на жестком деревянном стуле у больничной койки жены, смотрел, как по трубкам, тянущимся от ее бледного предплечья к трясущейся машине, ползут ручейки крови. Он сидел здесь уже сотни раз, держа ее за руку, разговаривая сутки напролет, пока диализ [\[25\]](#) делал то, с чем не справлялись ее почки. Однако сегодня, когда он смотрел на ее истощенное тело и слушал напряженное дыхание, его не покидало ощущение неправильности происходящего. Казалось, минуты тянулись, будто часы, а ночь маячила впереди бесконечной черной дырой.

Он взглянул на тикающие часы. Десять вечера. Он не смог уйти, пока она не вернулась в палату. Все ее тело покрывали синяки от уколов бесконечных игл и, по его убеждению, от слишком грубого перемещения с кровати на кровать. Казалось, они никогда не заживали — местами зеленые, где-то темно-фиолетовые, на бедре — сразу пять, почти черные, словно бы сам дьявол оставил отпечаток руки, пытаясь утянуть ее вниз.

Старшая медсестра настаивала, чтобы он ушел в конце дня; он же хотел быть здесь. В конечном счете, его должность старшего суперинтенданта [\[26\]](#) суссекской полиции сыграла свою роль, и ему позволили остаться. Хотя его решение и не зависело от ее согласия или отсутствия такового. Он терял контроль над всеми аспектами своей жизни, и никакая медсестра, да и никто иной, не смогли бы заставить его покинуть сегодня свою жену. Не тогда, когда каждая минута сна или яви, что он проводил вдали от нее, казалась серьезной ошибкой с его стороны. Скоро, очень скоро она его оставит, и он вечно будет ненавидеть себя за то, что покинул ее, пока она была еще жива.

Тук-тук-тук. По тихому коридору к ним направлялась старшая медсестра, стук ее каблуков становился все громче. Джордж посмотрел на лицо жены, проследовав по линии ввалившихся скул вниз к губам, таким сухим и потрескавшимся, что они кровоточили по краям.

— Она хочет пить, ей нужно больше воды, — бросил он, когда медсестра вошла в палату.

— Мистер Кэннон, — вздохнула она. — Она все еще на пяти жидких унциях [\[27\]](#), мне не позволено давать ей больше.

— А вы можете еще раз проверить? Она умоляла дать ей воды. Это и в самом деле имеет значение? Она ведь умирает, ради всего святого... — он запнулся, глядя в уставшие глаза медсестры.

— Я знаю, это тяжело, — проговорила она, проверяя работу машины для диализа. — Но еще есть надежда, что мы найдем ей донора. Тогда у нее будет шанс. Может, вам поехать домой и немного поспать, мистер Кэннон? Мы о ней позаботимся.

— Я не поеду домой, — Джордж встал.

— Как хотите, — сухо отреагировала медсестра, поворачиваясь, чтобы уйти. У самой двери она обернулась, на ее подбородке блеснули редкие волоски. — Процедура вскоре закончится. Когда машина остановится, прошу вас, найдите меня, и я ее осмотрю.

Он уже переживал это все — отчаяние, безнадежность. Тело Хелены отвергло почку, которую ей пересадили два года назад. Он тогда обратился к Отцу Бенджамину с просьбой

помолиться за нее. Ответ на молитвы был получен. Но в тот день их жизни изменились навсегда.

Время Хелены стремительно утекало, но для нее нашли почку. Однако в тот самый день, когда можно было бы праздновать ее возвращение к жизни, исчезла их дочь Китти. Они отчаянно искали ее два дня и две ночи, пока, наконец, не обнаружили грязное, ослабленное тело дочери в канаве в двух милях от престонской церкви. И Джордж, жене которого проводили трансплантацию в одном крыле больницы, а в другом лежала в коме его дочь, заключил сделку с Господом: если придется пожертвовать одной из них, то пусть это будет Хелена, а не Китти. И, кажется, два года спустя ему припомнили эти молитвы.

Он стоял, глядя на свое отражение в стекле. В окно гулко колотил ледяной дождь. В голове пульсировало так, словно череп готов был разорваться изнутри. Он повернулся и посмотрел на Хелену. Он не мог уйти, но и оставаться было невыносимо. Для него больше не было покоя, — от себя не убежишь, и это сводило с ума.

Скрежет диализной машины и тиканье часов вгрызались в мозг Джорджа. Ему требовались все силы, чтобы сдержаться и не разбить их вдребезги. Он снова сел и закрыл горящие глаза. Все его тело дрожало и молило о сне. Он задышал ровнее, пытаясь успокоиться, но стоило расслабиться, как он начал падать, все ниже и ниже, будто песок в песочных часах. И резко проснулся, задыхаясь от тяжести, сдавившей грудь. Его взгляд с трудом сфокусировался на неподвижном теле Хелены. Ее ноги так распухли, что она больше не могла их поднять. Он жаждал вернуть время, когда она была свободна от этой боли. Перед мысленным взором пронеслись картины их первой встречи: она протянула руку, и волнистые светлые волосы упали ей на лицо, Хелена сняла очки и улыбнулась. Он не мог отвести от нее глаз.

Вскоре он жил лишь ради нее; он никогда не встречал никого похожего. Она была такой сильной и бесстрашной, и никто даже не мог предположить, что происходит внутри ее идеального тела. Когда спустя почти год после свадьбы, у нее начала кружиться голова и появилась усталость, они предположили, что это ребенок, которого так страстно желали. Однако через неделю они сидели в неверии в кабинете доктора Джейкобсона, пораженные скорбью и неспособные даже смотреть друг на друга. Не было ребенка, и быть не могло, а их семейная жизнь и будущее, которое они себе рисовали, ушли безвозвратно.

Джордж вышел в покрытый плиткой коридор и прокрался между кроватей спящих пациентов к испещренной пятнами стеклянной двери старшей медсестры. Он тихо постучал, затем медленно повернул ручку. Кабинет был почти пуст. Лишь вешалка для одежды, шкаф с документами и деревянный стол, где разместилась фарфоровая чашка, наполовину наполненная чаем. В углу потрескивало радио. Внутри никого не было.

— Добрый вечер, — прошептал он.

— Джордж?

Раздавшийся сзади голос так сильно напугал Джорджа, что он наткнулся на стол, отправив чашку на пол со всем ее содержимым. Обернувшись, он увидел знакомое лицо доктора Джейкобсона, вот уже двадцать лет бывшего его семейным врачом, который сбрасывал промокшее от снега пальто и стряхивал снежинки с седеющих волос.

— Ты в порядке? — он с беспокойством изучал Джорджа поверх очков-полумесяцев. Джордж чувствовал, как от него исходит холод ночи, видел лопнувшие капилляры на носу, пурпуром светящиеся на бледной коже.

— Да, я в порядке. Ты видел старшую медсестру, Эдвард? Процедура Хелены

закончилась, и мне нужно вернуться к Китти.

— Еще нет. Вероятно, она делает обход.

Джордж поднял трубку телефона.

— Напрасно тратишь время, — предупредил доктор Джейкобсон. — Линии не работают из-за бури. Ты уверен, что все в порядке? — Он повесил пальто на вешалку. — Если тебе нужно уйти, я могу присмотреть за Хеленой.

— Правда? Ты побудешь с ней, пока я не вернусь?

— Конечно, — доктор Джейкобсон, скрестив руки, понизил голос. — Джордж, как дела у Китти?

— Несмотря на твои прогнозы, не похоже, что она приходит в себя, — резко ответил Джордж. — Она ужасно расстроена и беспокоится о матери. Она не хотела отпускать меня сегодня вечером.

Он знал, что Китти легко чувствовала его беспокойство и, что бы он ни делал, его ничто не могло заглушить. Ни виски, которое он пил перед тем, как заснуть на рассвете, ни заверения доктора Джейкобсона, что они найдут Хелене другую почку. Его дочь тревожилась с тех пор, как два года назад побывала на волосок от смерти. Она часто говорила, что в тот день, когда пропала, встретила свою сестру-близнеца. Когда она впервые рассказала об этом в больнице, Джордж решил, что это невозможно. Но, к его ужасу, это оказалось правдой. Эльвира вернулась из приемной семьи в обитель Святой Маргарет, а потом сбежала. Теперь же она умерла, и он всегда будет винить себя.

Он даже не видел девочку, но никогда не забудет, как Отец Бенджамин вошел в кабинет Матушки Карлин в обители Святой Маргарет.

— У тебя прекрасная дочь, Джордж. Хотя, к сожалению, ее мать не выжила.

Джордж тяжело опустился на стул.

— Это ужасно. Она страдала?

— Нет, она родила обеих, а потом истекла кровью. Очень быстро, мы ничего не смогли сделать, — Матушка Карлин положила руку на его плечо.

— Обеих? — спросил он. — Ребенок был не один?

— У нее были близнецы, Джордж, но другая девочка немного застряла, так что какое-то время не дышала. Она жива, но нам нужно подержать ее здесь и понаблюдать за ней. Когда она достаточно поправится, мы найдем ей любящий дом.

— Могу я ее увидеть? — спросил он.

— Нет, она в лазарете. Пожалуйста, не беспокойся, Джордж. У тебя есть прекрасная дочь, которой нужна забота. Тебе будет достаточно хлопот и с одной.

В этот миг дверь в темный кабинет открылась, и появилась Китти, словно осветив всю комнату. Она так спокойно лежала в переноске, что Джордж даже не был уверен, что в ней ребенок, пока не заглянул внутрь. Она взглянула на него огромными карими глазами, и он инстинктивно прикоснулся к ее щеке. Она потянулась и сжала его палец. Кулачок был крошечным, но захват — очень сильным; она держала его, не отпуская. Это стало началом их нерушимой связи.

Ему не хватало прежней Китти, какой она была до исчезновения, беззаботной и счастливой. Не стоило оставлять ее одну. Внезапно он почувствовал отчаянную потребность уйти.

— Прости, но мне и в самом деле нужно идти. Я не хочу оставлять Хелену, но очень беспокоюсь за Китти. Когда я уходил, она была ужасно расстроена. Ее нервы с момента

исчезновения не в порядке.

Доктор Джейкобсон похлопал его по плечу. Снова появилась медсестра.

— Да, Джордж, конечно. Иди.

— Спасибо, — он повернулся, торопливо направляясь к выходу из больницы, вниз, по обледеневшим ступеням, под падающий снег.

Пробираясь в темноте по парковке, он с трудом отыскал свою машину, нащупав замок замерзшими пальцами. Дверь с треском открылась, он забрался внутрь, затолкав ключ в замок зажигания и повернув несколько раз прежде, чем это сработало.

Двигатель протестующе взревел, дворники безуспешно боролись с толстым слоем снега на лобовом стекле. Он включил заднюю передачу и нажал на педаль газа, но машина стояла неподвижно, покачиваясь в налипшем к шинам снегу. Потеряв терпение, он вдавил педаль в пол, и машина заскользила назад по льду, задев автомобиль, припаркованный в соседнем ряду. У него не было времени оценивать ущерб. Даже подумать времени не было. Ему было нужно, во что бы то ни стало, добраться до Китти. Раздраженно выровняв руль, он протер лобовое стекло рукой прежде, чем медленно пересечь парковку и выбраться на непроглядную дорогу.

Он надеялся, что дорога окажется менее опасной, но снег и ледяной дождь превратили следы других машин в черный лед. Когда он преодолел резкий поворот, на лобовое стекло с глухим стуком упал ком снега с деревьев. Дворники продолжали резко дергать и тащить снег, так что какое-то время он ничего не видел. Когда стекло, наконец, очистилось, он испугался, увидев посреди дороги ворона, клюющего кишки мертвого кролика. Лишь когда машина приблизилась вплотную, он поднялся в небо, вынырнув из-под капота; длинные черные крылья яростно бились, неся его к безопасности.

Джордж почувствовал, как сердце неистово колотится в груди, и попытался успокоить дыхание. Дорога впереди снова превратилась в белый ковер. «Лишенная жизни, такая невинная, — подумал он, — но абсолютно беспощадная». Он нажал ногой на педаль газа, пульс отдавался в ушах. «Не торопись, медленнее. Тебя занесет, ты разобьешься. Быстрее, ты ей нужен. Домой».

Его неистовое дыхание, казалось, поглощало кислород в машине, тепло от печки не могло прогреть замерзший воздух. Его нога дрожала над педалью газа. «Просто добраться до дома, и ты сможешь все исправить. С ней все будет в порядке. Ей десять лет, она измучена, она ляжет спать. Успокойся».

Снова резкий поворот. Он бросил взгляд на спидометр. Стрелка зависла на 45, слишком быстро даже для ясной летней ночи. Мертвым он Китти не поможет, он должен двигаться медленней. Еще поворот, и колеса дернули руль, пока он старался удержать контроль. Почему прошло столько времени? Где главная дорога?

— Проклятье! — разочарованно выругался он.

Он уже проделывал этот путь тысячу раз, и Китти сидела рядом с ним, улыбаясь, болтая, смеясь, смягчая напряжение от их визитов к Хелене, словно читая его мысли и говоря то, что ему нужно было услышать.

«С ней все будет хорошо, папочка. Она ведь выглядела лучше. Я читала в газете, что все больше людей становятся донорами».

Почему он оставил дочь, когда знал, что ей так тревожно? Он должен был взять ее с собой. Что если она совершит какую-то глупость, отважится выйти в снежную бурю и попытается добраться до больницы. Терзая его, перед мысленным взором вспыхнул образ

Китти, бредущей сквозь снег. Путь домой был мучительно медленным.

Где же чертова главная дорога? Машина снова заскользила, он нажал на тормоз, но ничего не произошло. Его бросало из стороны в сторону. «Если сейчас кто-то появится с другой стороны, — подумал он, — я — покойник». Это был ночной кошмар, бездонная яма, из которой не выбраться. Он подвел ее. Снова. Он ее не заслужил. Никогда не заслуживал.

Когда Хелена согласилась, чтобы он принес Китти домой, ему казалось, что его сердце разорвется. Измена мужа раздавила ее, но она нашла в себе силы понять. Он нуждался в общении, пока жена была в больнице, и мать Китти обеспечила его. Он отчаянно хотел ребенка, а Хелена нашла способ подарить ему дочь, хотя сама не могла иметь детей.

Когда машина, наконец, выровнялась, он смог разглядеть вдали огни главной дороги. Но когда преодолел последний поворот, то увидел ее. Хоть он представлял, как она сражается со снегом, пытаясь добраться до него, но едва мог поверить тому, что видел. Он яростно тряхнул головой, стараясь прогнать галлюцинацию, но девочка все еще была там. Она шла к нему, одетая в красное шерстяное пальто; маленькое тельце наклонилось вперед, голова утопала в капюшоне. Она пыталась защититься от летящего снега. Как она могла так поступить? Как оказалась здесь? Это не могла быть она, не могла. Не Китти. НЕТ!

Он сразу понял, что вот-вот собьет ее. Он нажал на клаксон и ударил по тормозам, до упора вывернув руль в направлении, противоположном тому, где стояла она. Машина с ревом рванулась к ней, передние фары осветили ей путь, и девочка подняла глаза, моргая от яркого света. На мгновение их взгляды встретились, и, когда машина проносилась мимо, Джордж потянулся к ней. На мгновение она снова оказалась в его объятиях. Как и в первый день, он держал ее жизнь в своих руках.

Резкий скрежещущий звук наполнил машину, когда шины потеряли сцепление с дорогой. И когда автомобиль начало крутить, снова и снова, он выкрикнул ее имя. «Беги ко мне, Китти, — яростно подумал он, — иди ко мне, держи меня за руку, пока я не умру».

Покрытый снегом мир стремительно пронесся мимо окна, и перевернувшись в последний раз, машина внезапно рухнула вниз. Голова Джорджа с такой силой ударилась о лобовое стекло, что он ощутил, будто череп раскроили топором. Жгучая боль, подобной которой он не испытывал прежде, поползла вниз по спине, казалось, скручивая каждый позвонок. Скрежещущий, гнущийся металл начал крушить его тело. Он чувствовал, как кабина сжимается вокруг него все теснее. Затем, наконец, все замерло, и он потерял способность двигаться.

На секунду воцарилась тишина. Потом он почувствовал, как жидкость потекла по голове, заполнила рот, затекла в глаза и заструилась вниз по шее. Он пытался повернуть голову и выкрикнуть имя Китти, но выходила лишь жидкость. Он кашлял и бессвязно бормотал, кровь и слизь заполняли пространство под ним.

Он лежал, беспомощный, крича в агонии, слезы и рвота смешивались с кровью. Он отчаянно ждал, что дочь подойдет к нему. «Помоги мне, Китти, помоги! Не дай мне умереть в одиночестве».

Воскресенье, 5 февраля, 2017

Дом престарелых «Грэйсвелл» располагался в скромном двухэтажном здании из красного кирпича в тихом тупичке в другой части Престона. Пройдя по тропинке, ведущей к двери, Сэм нажала на звонок, взглянув на часы. По дороге она позвонила в офис, и Фред, порывшись в записях, обнаружил, что Матушка Карлин умерла в «Грэйсвелле» в августе 2006-го. Тем не менее, Сэм решила, что поездка будет полезной. Энди рассказал, что здесь обитает пара монахинь. Возможно, они тоже имели отношение к обители Святой Маргарет, и не только Матушка Карлин решила удалиться в «Грэйсвелл».

— Черт, — пробормотала она, болезненно осознавая, что ей нужно вернуться в офис менее чем через два часа. Когда ответа не последовало, девушка, сложив ладони лодочкой, приложила их к стеклу сбоку от двери, вглядываясь в пустой коридор. — Ну же! — поторопила она, вновь нажимая на звонок.

Наконец стук каблуков по плитке эхом разнесся по коридору, приближаясь к двери. Быстро взглянув в глазок, дверь открыла ярко накрашенная девушка лет двадцати пяти; большую грудь плотно обтягивала униформа медсестры.

— Да? — спросила она, заправляя в хвост выбившуюся прядь волос.

— О, привет, — произнесла Сэм, понимая, что не подготовила речь. — Может, вы сможете мне помочь. Я ищу кое-кого по имени Матушка Карлин. — Сэм притворилась, что не знает о смерти монахини. — Она была настоятельницей в обители Святой Маргарет в Престоне, и, полагаю, может жить здесь, в «Грэйсвелле».

— Простите, но Матушка Карлин умерла много лет назад. Думаю, по любым вопросам, связанным с обителью, нужно обращаться в городской совет, — произнесла девушка.

— О, ясно. На самом деле, вопрос не совсем насчет обители, — пояснила Сэм. — Мой дедушка работал там сторожем, и он очень любил Матушку Карлин. Недавно он умер, и среди его вещей я нашла несколько ее писем и документов. Они, кажется, важные. Я надеялась отыскать каких-нибудь членов ее семьи или друзей. Вдруг они захотят их забрать.

— Ну, сейчас не лучшее время. Честно говоря, у нас завтрак. — Девушка оглянулась через плечо.

Сэм притопнула ногами и потеряла руки.

— Черт, снаружи холодно. Я с удовольствием подожду.

— Полагаю, вам лучше войти. Но вы можете прождать какое-то время.

— Конечно, нет проблем.

Девушка позволила Сэм войти, закрыв за ней дверь, затем повела по коридору, увешанному фотографиями и выцветшими гравюрами с изображением суссекских холмов, в комнату отдыха с потертыми стульями и какой-то изношенной мебелью.

— Я скажу заведующей, что вы здесь. Надеюсь, она не задержится. Как ваше имя?

— Спасибо. Саманта Харпер, — представилась Сэм, не видя причин лгать.

Девушка оставила ее одну в комнате, похожей, приспособленной для послеобеденной дремоты и пересмотров «Коломбо». В воздухе висел запах хлорки и вчерашней еды. Сэм почувствовала тошноту. Она прошлась по комнате, осматривая книжные полки и подоконники в поисках каких-либо документов или фотографий обитателей «Грэйсвелла».

— Мисс Харпер? — девушка просунула голову в дверь. — Боюсь, заведующая в данный момент сильно занята. Она предложила вам написать Сестре Мэри-Фрэнсис, которая хорошо знала Матушку Карлин.

— О, ладно. Сестра Мэри-Фрэнсис живет здесь? — Сэм заставила себя улыбнуться. Девушка кивнула ей, выводя из комнаты. — А нет возможности сегодня с ней увидеться?

— Боюсь, нет. Ей уже за девяносто, и из-за сердечных лекарств она, в основном, по утрам спит. Она не выдержит неожиданного гостя, будет волноваться до конца дня.

— Я понимаю, — Сэм кивнула. — А если вы ей скажете, что это связано с обителью Святой Маргарет?

— Не думаю. У нас порой бывают посетители, ищут информацию о детях, родившихся в обители, надеясь, напасть на их след. Зачастую они очень страдают, и это расстраивает Сестру Мэри-Фрэнсис. Так что она больше не хочет с ними встречаться. Поэтому мы направляем всех в городской совет.

— Да, конечно. Подобное может сильно расстроить, — подтвердила Сэм, когда девушка взглянула на часы. — Но, как я сказала, эти документы довольно важны и имеют отношение к делам Матушки Карлин. Ну, я так думаю. Может, как подруга, Сестра Мэри-Фрэнсис захотела бы на них взглянуть. С поиском детей это не связано.

— И все же придется следовать установленным правилам. Уверена, вы поймете.

— Конечно. Спасибо, что попытались, — Сэм достала телефон, потом взглянула на бейдж с именем девушки. — Джемма, я могу позвонить отсюда прежде, чем уйду? Моя бабушка ждет звонка, чтобы узнать, удалось ли мне напасть на след Матушки Карлин или кого-то из ее знакомых. Для нее это очень важно. Дедушка умер совсем недавно.

— Я не могу оставить вас здесь. И я, правда, тороплюсь, мне нужно вовремя сдать смену.

— Значит, на этой неделе вам не повезло? Должно быть, вы без сил!

— Да, ночные смены всю неделю, я на ногах с одиннадцати вечера. — Девушка едва заметно улыбнулась.

— Да я всего на пару минут, — убеждала Сэм. — Если вы заняты, я прекрасно найду выход. И загляну в столовую, чтобы дать знать, что ухожу. — Она улыбнулась и начала набирать номер, словно вопрос был решен. У Джеммы не было иного выбора, как оставить Сэм в комнате.

Как только девушка ушла, Сэм бросила телефон в сумочку и, скользнув еще раз взглядом по комнате в поисках полезной информации, вышла в коридор. По лязгу столовых приборов и запаху подгоревших тостов было ясно, где находится столовая. Когда она направилась к выходу, Джемма пролетела мимо с тележкой грязных тарелок.

— До свидания, спасибо! — крикнула ей Сэм. Джемма отстраненно помахала, не глядя, направляясь сквозь двойные двери в кухню.

Зная, что окошко на них было маленьким, Сэм хлопнула входной дверью, ради приличия прокричав очередное «До свидания!», потом метнулась к покрытой коричневым ковром лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Переполох на нижнем этаже сменился зловещей тишиной. Она обвела взглядом длинный коридор пронумерованных комнат. И приуныла, осознав невозможность задачи. Даже если она каким-то образом узнает, где обитает Сестра Мэри-Фрэнсис, и появится без предупреждения, то может спровоцировать у старушки остановку сердца. Но, все же, проникнув внутрь, Сэм не могла сдаться. Через два дня призраки обители Святой Маргарет развеются, и связь Китти Кэннон с этим местом,

какой бы эфемерной она ни была, исчезнет навсегда. Где-то здесь находится Сестра Мэри-Фрэнсис, и Сэм просто обязана попытаться с ней поговорить.

Она снова проверила лестницу в поисках признаков жизни, потом двинулась по длинному коридору, по пути осматривая каждую комнату в поисках любых намеков на то, кто мог в ней жить. Когда она добралась до пожарной лестницы в конце коридора, у нее по-прежнему не было никаких сведений. Нервы стали сдавать, стоило Сэм услышать звук хлопающих дверей и разговоры персонала в коридоре внизу. Она посмотрела на часы. 8:15. Если она уйдет сейчас, то еще сможет ускользнуть из «Грэйсвелла» невредимой и вовремя приехать в офис к началу смены.

Но стоило Сэм повернуться к выходу, как она заметила ее: синяя папка покоилась на полке рядом с огнетушителем. Она быстро подошла и открыла ее, обнаружив внутри карту здания, а под ней — список обитателей. Она пробежалась по ним пальцем вниз, пока не нашла, что искала: Сестра Мэри-Фрэнсис — комната 15.

— То, что надо! — пробормотала она, возвращая папку на место, и двинулась в обратную сторону.

Казалось, за все время работы ни одна встреча не пугала ее так сильно, как эта. Но, не дав себе времени передумать, Сэм подняла кулак и постучала в дверь комнаты номер 15. Тишина. Стук сердца отдавался в ушах. Она постучала снова.

— Сестра Мэри-Фрэнсис? Это Джемма. К вам посетитель. Можно войти?

Она медленно потянула вниз дверную ручку, затем, осмотрев еще раз коридор, скользнула в затемненную комнату и быстро закрыла за собой дверь, заперев на ключ.

Шторы были опущены, и Сэм понадобилось время, чтобы приспособиться и понять планировку комнаты. Она была разделена на две части. Сэм находилась в зоне гостиной, где из обстановки — большое кресло, телевизор и маленький столик. Чуть дальше, в кровати у окна, угадывались очертания человеческой фигуры. Жалюзи были опущены, но подойдя ближе, Сэм увидела, что солнечный свет, пытавшийся пробиться сквозь них, освещал лицо Сестры Мэри-Фрэнсис.

— Сестра? Вы не спите?

Женщина не пошевелилась, спустя пару мгновений Сэм подошла ближе.

Несмотря на возраст, лицо монахини было гладким, без морщин, словно бы она никогда в жизни не выражала эмоций. Седые волосы веером разметались по подушке. Она была очень худой; руки вытянулись вдоль тела, а сведенные артритом пальцы крепко вцепились в края кровати. Одеяло лежало идеально ровно, словно она не двигалась всю ночь. Монахиня была мертвенно-бледной, и Сэм могла бы предположить, что она умерла. Однако одеяло мягко приподнималось и опадало в такт дыханию.

— Сестра? Вы проснулись? — спросила она так громко, как осмелилась.

Сестра Мэри-Фрэнсис пошевелилась, повернула голову слева направо, затем, наконец, открыла темно-голубые глаза. Сэм застыла, испугавшись, что она может закричать при виде незнакомки в комнате. Но женщина лишь бросила на нее мимолетный взгляд и снова закрыла глаза.

— Где Джемма? — хрипло спросила она, слегка закашлявшись.

— Просто готовит вам завтрак.

Сестра Мэри-Фрэнсис теперь кашляла сильнее. Сэм слышала, как в легких булькала мокрота, и ждала, пока кашель стихнет. Наконец, старушка смогла прошептать:

— Кто ты?

— Меня зовут Саманта. Я попросила Джемму позволить мне немного поговорить с вами.

— Джемма знает, что я не люблю гостей, — монахиня вытерла слюну вокруг рта.

— Простите. Мне просто нужно задать вам пару вопросов. Потом я оставлю вас в покое.

Сестра Мэри открыла глаза и пристально посмотрела на Сэм.

— Каких вопросов, дитя?

— Недавно я была на следствии по делу некоего Отца Бенджамина. Полагаю, вы работали с ним в обители Святой Маргарет.

— Любые вопросы по поводу обители Святой Маргарет нужно направлять в совет, — бросила Сестра Мэри-Фрэнсис, ее сонное состояние внезапно испарилось.

— Мне не нужно разговаривать с советом, — пояснила Сэм. — Я просто пытаюсь узнать, во время своего пребывания в обители Святой Маргарет знали ли вы кого-то по имени Китти Кэннон.

Сестра Мэри посмотрела на нее так, словно она была мухой в супе, затем медленно села и свесила ноги с кровати. Она дернула за шнур, открывая жалюзи, и комнату затопил солнечный свет. Сэм на мгновение зажмурилась.

— Еще раз, кто ты такая? — спросила Сестра Мэри.

Звякнула дверная ручка, заставив Сэм подпрыгнуть.

— Я — друг Китти Кэннон. Мы вместе были на следствии по делу Отца Бенджамина, и она вас искала. Ну, она надеялась снова вас увидеть.

Сестра Мэри взглянула на нее.

— Я уверена, что никогда не встречала никого с таким именем.

— Сестра? Вы в порядке? — настойчиво позвала снаружи Джемма. Монахиня посмотрела на дверь, потом на Сэм. — Мне показалось, что я слышала внутри голоса. Сестра, почему дверь заперта?

— Ты можешь найти ключ, Джемма? Я заперлась, но не могу встать с кровати, — глаза Сестры Мэри-Фрэнсис не отрывались от Сэм.

— Хорошо, Сестра, я быстро вернусь, — позвала Джемма. — Просто крепитесь!

— Тебе лучше уйти, дитя. Если тебя здесь поймут, то позвонят в полицию. — Сестра Мэри села на край кровати, пропуская четки между пальцами.

Сэм смотрела на нее с бешено колотящимся сердцем.

— Ну, может, и стоит поговорить с полицией об обители Святой Маргарет. Но мне бы не хотелось навлекать дурную славу на Сестер Милосердия. И чтобы вы провели оставшееся здесь время, отвечая на неловкие вопросы о том, что происходило в том притоне. Теперь другие времена, Сестра. Я видела импровизированный гроб в полу кабинета Матушки Карлин. Думаю, что защиты, которой вы пользовались годы назад, больше не существует.

Сестра Мэри медленно встала и подошла к Библии на прикроватном столике, пробежавшись пальцами по золотому кресту, вставленному в обложку.

— Почему столько лет спустя все ищут виновных?

— Может, потому, что так и не смогли смириться с тем, что вы с ними сделали, — предположила Сэм.

Сестра Мэри-Фрэнсис улыбнулась.

— Осторожней, дитя. Дьявол скрывается за обликом светлого ангела.

— Кого же, по-вашему, должна винить Китти Кэннон? — поинтересовалась Сэм.

— Для начала ей стоит признать, что ее отец был распутником, — прошипела она. —

Мы давали тем девочкам крышу над головой, иначе они бы оказались на улице. Я знаю, что местные сотрудники нас обсуждают. И о Матушке Карлин тоже болтали. Я слышала, как она кричала, когда умирала, и никто не пришел помочь. Никого не беспокоило, что случилось с ней той ночью.

— Что вы имеете в виду? Что с ней случилось?

Но Сестра Мэри-Фрэнсис не ответила. Старушка отвернулась, и Сэм поняла, что ее время вышло. Она отперла дверь и бросилась по коридору обратно к пожарному выходу. Толкнув дверь, она сбежала по стальной лестнице, на ходу набирая номер мобильного Фреда.

— Фред, это Сэм. Я немного опоздаю. Можешь прикрыть меня? — она запрыгнула в машину. — И можешь поискать какие-нибудь заметки об отце Китти Кэннон? Да, ведущей ток-шоу. Я все тебе расскажу, когда приеду.

Повесив трубку, она позвонила бабушке, чтобы убедиться, что они с Эммой в порядке.

— Все хорошо, милая. А у тебя? Ты уехала очень рано, — голос бабушки был хриплым, словно она только что проснулась.

— Я в порядке, бабуль. Ты можешь посмотреть в бумагах дедушки, есть ли там еще письма от этой девушки, Айви? Ну, вроде того, что ты читала прошлой ночью. — На линии было тихо. — Бабуль? Ты меня слышишь?

— Да, я тебя слышу, — ответила бабушка, и Сэм услышала, как на заднем фоне ее зовет Эмма.

— Прости, бабуль, я знаю, что ты занята. Но можешь проверить сейчас? Это очень важно.

— Хорошо, — бабушка вздохнула. — Жди.

Сэм почувствовала всплеск вины при мысли, что бабушке приходится возиться и с ней, и с Эммой. Но у нее было всего два дня до того, как снесут обитель Святой Маргарет. И если эта история поспособствует тому, что ее заметят, тогда все для общего блага. Бабушка получит обратно свою квартиру, а Сэм заработает достаточно собственных денег, чтобы обеспечить себя и Эмму.

Она посмотрела на часы, беспокоясь, как бы попасть в офис прежде, чем Мюррей заметит ее опоздание. Она услышала, как бабушка подняла трубку и, испустив еще один тяжкий вздох, откинулась назад.

— Почему тебя так интересуют эти письма? — спросила бабушка.

— А кого нет? Бедная девушка.

— Ты ведь не используешь их для работы?

Сэм поколебалась. Она никогда прежде не обманывала бабушку, но, с другой стороны, она и не использовала их для работы. Она проводила расследование для собственных целей.

— Нет, я просто очарована ей.

— Кем? — спросила бабушка.

— Девушкой из письма, — ответила Сэм, а бабушка откашлялась и начала читать.

Воскресенье, 16 декабря, 1956

Дождавшись, пока все уснут, Айви достала из-под подушки шариковую ручку и несколько сложенных листов бумаги, которые тайно прихватила вечером во время написания писем.

Конечно, в чемодане был блокнот, который она привезла с собой, но все личные вещи Матушка Карлин отобрала сразу по прибытии. По воскресеньям перед вечерней молитвой давалось несколько минут, чтобы написать домой. За письмами строго следили, Матушка Карлин их лично проверяла. И лишь потом передавала Патрисии, а та вручала водителю, привозившему белье в прачечную.

У Патрисии были волосы мышиного цвета и россыпь веснушек. Сидя рядом с Айви за ужином, она шепнула, что писать можно только о доброте монахинь и глубокой девичьей благодарности. Но после долгих уговоров Патрисия согласилась, что если Айви напишет второе письмо, она сможет незаметно подложить его к остальным. Айви улыбнулась ей, крепко сжав под столом руку девушки. Когда Сестра Фейт велела им убираться из столовой, их желудки еще урчали от голода.

Айви взглянула на запертое окно рядом с кроватью. По ощущениям было около полуночи. Лунного света вполне хватало, чтобы видеть. Как только ручка коснулась бумаги, в ее сознании всплыло лицо Алистера. Лишь несколько месяцев назад его улыбающиеся карие глаза следили за каждым ее движением. Она все еще ощущала его запах, чувствовала, как руки мужчины обнимают ее, притягивая ближе к крепкому телу. Айви так сильно скучала по нему, что внутри все ныло. Она не знала, как описать охватившее ее отчаяние. Лежа под грубым одеялом на кровати в спальне, она все еще могла, потянувшись, коснуться хрустящих белых простыней в той комнате в отеле. Айви вновь видела, как Алистер улыбался ей, стоя у открытой двери на балкон, вызывая жгучий румянец на щеках. Снова ощущала, как танцевал по телу морской бриз, и оно покрывалось мурашками. Она должна найти слова, чтобы заставить Алистера действовать. Он — ее единственная надежда сбежать из этого ада.

Любимый,

я чувствую себя здесь бесконечно несчастной и одинокой.

Дома стало невыносимо. Дядя Фрэнк так злился, что почти каждый вечер поднимал на меня руку. Он напивался, потом приходил ко мне в комнату и кричал, что соседи знают, что я — шлюха и распутница. А я сворачивалась клубком и ждала боли, мечтая лишь о том, что ты подойдешь к нему сзади и ударом свалишь на землю. Мама прилагала все усилия, чтобы оттащить его от меня, но однажды не смогла встать между нами, и он ударил меня. Так сильно, что я испугалась за жизнь нашего ребенка. Находиться дома стало страшно. И когда доктор Джейкобсон сказал, что Отец Бенджамин достал мне место в обители Святой Маргарет, я успокоилась. Ведь я могла уйти, подальше от натянутых отношений, криков и материнской боли.

Но теперь, когда я здесь, мне очень плохо. Я тоскую и готова на что угодно, чтобы вернуться домой. Дядя Фрэнк отказался отвезти меня, так что пришлось ехать на автобусе. Мама была слишком расстроена, чтобы попрощаться. Обитель Святой Маргарет находится в

отдалении от деревни, за престонской церковью. «Вот твоя остановка», — сказал водитель, а я его даже не спрашивала. Наверное, он высаживал здесь многих девушек. И, придерживая округлившиеся животы, они неуклюже несли свои чемоданы. Когда водитель оставил меня и уехал, я его увидела. Впереди одиноко виднелся огромный викторианский монастырь. Он был окружен кирпичной стеной, а в ней — изящная чугунная калитка с тяжелым навесным замком. Когда я подошла, то заметила висящий у входа стальной колокольчик. Я поколебалась мгновение, потом протянула руку и подергала за веревку. Колокольчик пронзительно зазвенел, распугав ворон на соседних деревьях.

Я ждала какое-то время и уже собиралась позвонить снова, но в дверях дома появилась монахиня в черном одеянии до пят и двинулась по длинной каменной дорожке ко мне. Она выглядела очень важной, руки ее были сложены впереди. Пока она безмолвно шла, ключи, висевшие у нее на поясе, громко звенели, как у тюремщика.

Наконец, она добралась до меня, и мы стояли какое-то время, глядя друг на друга. Потом я сказала, что меня зовут Айви Дженкинс, и меня прислал доктор Джейкобсон. Я держала в руке лист бумаги, но она просто взглянула на него, словно могла что-то на нем увидеть. После она открыла замок, сообщила, что ее зовут Сестра Мэри-Фрэнсис и велела следовать за ней. Враждебность в ее голосе будто разлилась в воздухе между нами.

Я протиснулась сама и протащила через калитку чемодан, потом она с шумом закрыла ее за мной и снова заперла замок. Она была не выше меня, но более худая, и двигалась быстро. Ее накрахмаленная юбка висела над тропинкой, словно под ней не было ног. Я же лишь неуклюже семенила позади, несколько раз останавливаясь, чтобы поставить чемодан. Ветви ясеней высоко над головой шелестели, словно неодобрительно шепчась друг с другом.

Наконец, мы дошли до темной деревянной входной двери, обитой черным железом. Она навевала мысли о темнице. Сестра Мэри-Фрэнсис стояла ко мне спиной, и когда я догнала ее, то услышала звяканье ключей. Потом один из них оказался в замке, повернувшись с громким щелчком. Входная дверь медленно открылась.

Одна из девушек помладше вскрикнула во сне, Айви вздрогнула. Она откинула одеяло и на цыпочках подкралась к ней. Если Сестра услышит, то всем достанется.

— Тсс-с, — она крепко держала всхлипывающую девушку, укачивая, чтобы успокоить. — Тсс, засыпай, тебе нужно поспать.

Айви погладила ее по мокрой от слез щеке, потом прокралась обратно к своей кровати. Сердце гулко колотилось. Подождав, пока успокоится дыхание, она снова взяла ручку.

Когда Сестра Мэри-Фрэнсис исчезла в длинном коридоре с блестящей плиткой на полу, я быстро взглянула на сводчатый потолок и пустую лестницу, над которой висела огромная надпись: «Господи Боже, да позволено будет падшим вновь обрести Тебя через силу молитв и тяжкий труд». Я поспешила догнать Сестру Мэри-Фрэнсис и прошла мимо трех или четырех девушек в коричневых робах. У некоторых были огромные животы, у других — нет. Они, стоя на коленях, скребли безупречно чистый пол. Они не прекратили своего занятия, чтобы посмотреть на меня, не сказали ни слова.

Из огромной двери ударила волна пара, и я, пройдя мимо, заглянула внутрь и увидела прачечную. Десятки девушек стояли у раковин, протягивали простыни через катки, вешали их на сушильные рельсы. Чтобы осознать увиденное, было слишком мало времени, но меня снова поразила оглушительная тишина. Ее нарушила только Сестра Мэри-Фрэнсис, с

хмурым видом ждущая меня в конце коридора.

«Поторопись, у Матушки Карлин мало времени. Можешь оставить чемодан здесь».

Я поставила его на пол рядом с дверью и, нервничая, вошла в кабинет Матушки Карлин.

Комната оказалась темной и убогой. В ней было лишь маленькое окошко. За огромным столом из красного дерева сидела свирепого вида женщина в полном облачении. Я стояла, не произнося ни слова, а она продолжала что-то писать в маленькой черной книжице. Я понимала, что лучше не нарушать молчание. Наконец, она посмотрела на меня. Заостренный подбородок, бледное лицо, крючковатый нос. Я сразу признала в ней ведьму. Позади на стене висел ее портрет. На нем она выглядела лучше, чем в реальной жизни.

Она прокашлялась, затем заговорила.

«Как тебя зовут?»

Я представилась, и она сообщила, что меня больше не будут звать Айви. Здесь я буду известна как Мэри, а наши собственные имена запрещены. Я почувствовала приступ паники и подступающие слезы, но смогла их подавить.

«У всех, кто приходит сюда, есть обязанности. Ты будешь работать в прачечной. Так же упорно, как мы. Рано вставать и проводить день с пользой. Посещать мессу и молить Господа о прощении. Понятно?».

Было трудно остаться невозмутимой, но мне удалось, и я сказала, что поняла. Она добавила, что Сестра Мэри-Фрэнсис покажет мне спальню.

Когда я вышла из кабинета, чемодана уже не было. Сестра Мэри-Фрэнсис сообщила, что он мне больше не понадобится. Я была в истерике. В нем была единственная фотография отца и одеяльце, что я связала для ребенка. Розовое, поскольку я уверена, что будет девочка. Я умоляла их его вернуть. Но появилась Матушка Карлин и начала хлестать меня ремнем, прямо там, в коридоре. Она сказала, что мне должно быть стыдно за свое поведение.

Айви закусил губу, вспомнив тот момент, когда поняла, что у нее забрали фотографию отца. Будто бы украли его последнее прикосновение, последний миг, что он провел с ней: он послал ей воздушный поцелуй от подножия лестницы, а она стояла наверху в ночной рубашке, глядя на него. Словно бы Сестра Мэри-Фрэнсис вернулась назад во времени и забрала все это. Но Айви знала, что не должна цепляться за воспоминания об отце. Ей нужен Алистер. Необходимо, чтобы он почувствовал, что в нем она видела своего спасителя, что кроме него не было надежды.

Глаза горели; ей отчаянно хотелось спать. Руки дрожали, когда она заставляла их писать, а все тело болело. Но ей нужно к утру оставить письмо под подушкой, иначе Патрисия не сможет отдать его парню-развозчику.

После я пошла за Сестрой Мэри-Фрэнсис вверх по лестнице в спальню. На лестнице было еще больше девушек, но никто не посмотрел на меня, не улыбнулся, не сказал ни слова. Сестра оставила меня в спальне и велела переодеться в робу. Комната была холодной и серой, с кроватями, как в больнице. Под окном с выцветшими шторами — выщербленный умывальник, на стене — колокольчик. Потом она показала мне прачечную. Приходилось работать с тяжелыми механизмами. Руки девушек покраснели от работы в холодной воде. После шести часов работы в прачечной на ужин дали водянистый суп и жесткий хлеб. За ужином не разрешали разговаривать. Нам вообще говорить не позволялось.

Монахини очень жестоки. Они бьют нас тростью или тем, что попадет под руку, если

мы осмеливаемся заговорить. Одна девушка так сильно обожглась о раскаленные докрасна стальные листы, что на руке появился волдырь. Теперь он уже заражен. Сестра Мэри-Фрэнсис просто подошла и отругала ее за напрасную трату времени.

Нам разрешено лишь молиться или произносить: «Да, Сестра». Молитвы перед завтраком, месса после завтрака, молитвы перед сном. А потом — черная пустота, пока колокол на стене не разбудит нас снова в 6 утра. Мы живем по колоколу, здесь нет ни часов, ни календарей, ни зеркал, ни ощущения времени. Никто не говорит, что будет, когда родится мой ребенок. Но я знаю, что здесь есть дети, потому что по ночам слышу, как они плачут.

Айви вздрогнула, когда маленькая ножка внезапно сильно пнула ее изнутри. Мочевой пузырь пульсировал, ей отчаянно нужно было в туалет, но по ночам вставать не позволялось. Она подумала о своем малыше, о том, что внутри нее он в тепле и безопасности. Она понятия не имела, как он появится на свет. Девочки в школе шептались, что дети выходят через пупок, но Айви не понимала, как. Все, что она знала, — Господь решит, когда придет время и позаботится о них.

Она повернулась на другой бок, стараясь устроиться удобней. Одеядло колыхалось, когда ребенок радостно двигался внутри нее, не думая о том, что ждет впереди. Айви видела и девочек без животов. За ужином они сидели за отдельным столом. От них веяло печалью, которой она еще не познала. Она должна выбраться из обители Святой Маргарет прежде, чем родится ребенок. Она должна заставить Алистера понять.

Любимый, я так сильно по тебе скучаю. По нашим поездкам к морю, по прикосновению травы к коже, когда мы лежали, глядя в небо. Нам не позволено выходить. Я чувствую, что отрезана от природы, от дома, от тебя, от себя. Я мечтаю убежать. Но единственное время, когда монахини не смотрят, это ночь. А спальни так высоко, что, пытаясь спуститься, можно свернуть шею. Даже если я выберусь наружу, куда мне бежать? Дядя Фрэнк привезет меня обратно, и мама не сможет его остановить. Я могла бы убежать к тебе, но не знаю, хочешь ли ты этого. И не смогу вынести, если ты прогонишь меня на улицу. От прежней меня ничего не осталось. Даже имени. Ночью в темноте я чувствую, как наш ребенок двигается внутри меня. Я подвела своего ребенка. Я всех подвела. Я плачу каждую ночь, не в силах уснуть.

Я не знаю, читаешь ли ты эти письма, но не могу тебя отпустить. Прошу тебя, если ты еще меня любишь, приезжай и забери меня. Никому не нужно знать, что это твой ребенок. Может, ты сможешь оплатить мое проживание в пансионе. Я с радостью верну тебе деньги, как только ребенок достаточно повзрослеет, чтобы я смогла пойти работать. Неважно, что мне придется сделать, куда отправиться. Я никогда не буду для тебя помехой.

Пожалуйста, умоляю, приезжай поскорей. Иначе в этом месте я скоро сойду с ума.
Со всей своей любовью,
навечно твоя Айви.

Слеза упала на бумагу, и Айви ее стерла. Затем аккуратно свернула письмо, поцеловала и положила под подушку. А после повернулась на бок, спрятала лицо в одеядло и заплакала.

Воскресенье, 5 февраля, 2017

Престонское шоссе было узким и извилистым, и Сэм приходилось ползти со скоростью улитки, учитывая обилие поворотов. Судя по найденным Фредом заметкам, Джордж Кэннон, миновав престонскую церковь, свернул на другую дорогу. И тот поворот стал для него роковым. Сэм не могла не отметить, что путь этот вел к обители Святой Маргарет. Как писал «Суссекс Аргус» 12 марта 1961, следствие установило, что потом он, заскользив на черном льду, слетел в канаву. Смерть наступила мгновенно.

Дорога была оживленной, и Сэм заехала на придорожную стоянку, изучая окрестности. Судя по газетному описанию места аварии, за пятьдесят лет почти ничего не изменилось. Все та же однополосная дорога, по бокам — высокие изгороди, вдоль которых тянутся канавы. Было холодно, должно быть, как и в январе 1961, Сэм видела впереди на дороге черный лед. Она потянулась к сумочке и достала блокнот. «Ужасная авария унесла жизнь старшего суперинтенданта суссекской полиции», — гласил заголовок «Суссекс Аргус» от 24 января. Чуть впереди от места аварии дорога резко изгибалась, Сэм двинулась к повороту, заметив на углу огромный георгианский [\[28\]](#)дом. Другого жилья в обозримом пространстве не было, и девушка решила постучать в дверь. Может, ей смогут сказать, кто жил здесь во время несчастного случая. Это будет последняя остановка за утро. После этого придется поехать на работу.

Она подошла к входной двери; каменная табличка на ней гласила: «Престонское поместье». Сэм потянулась к дверному молотку в форме головы льва. Откуда-то изнутри доносилась громкая классическая музыка, но после пары минут ожидания никто не появился. Она постучала еще раз и, наконец, услышала за дверью чей-то кашель. Открыл мужчина лет пятидесяти, круглолицый, румяный, с копной редеющих седых волос. На огромном животе — фартук с изображением «Давида» Микеланджело. Судя по остаткам еды на нем, Сэм только что прервала кулинарный сеанс.

— Здравствуйте. Может, вы сможете мне помочь, — улыбнулась она. — Я студентка. Пытаюсь узнать об автомобильной аварии, что произошла здесь на углу.

— Здесь часто бывают аварии, — перебил ее мужчина. — Отвратительный поворот. Какой-то отдельный случай и не вспомню.

— Ладно, — вздохнула Сэм. — Меня интересует тот, что был в 1961. Так что прошло какое-то время.

— Боюсь, я действительно ничего не знаю.

— Вы жили здесь в то время? — спросила Сэм, пытаясь продолжить разговор.

— Да, наша семья живет здесь несколько поколений, — мужчина вытер руки о чайное полотенце.

— Красивый дом. Понятно, почему вы не хотите съезжать.

— Спасибо. Простите, но я должен спасти суфле, — он потянулся, чтобы закрыть дверь.

— Конечно. А еще кто-то жил здесь тогда? Может, ваша мать? Или отец?

Мужчина тяжело вздохнул, потом указал на дверь по ту сторону подъездной дорожки.

— Зайдите к моей матери. Она по соседству, в квартире бабушки. Но предупреждаю, мама любит поговорить, — добавил он и захлопнул дверь.

— Спасибо, — сказала Сэм дверному молотку.

По мощеной дорожке она направилась к одноэтажному домику с висящими корзинами и ящиками для растений на окнах. Сэм позвонила, и дверь открыла розовощекая маленькая старушка с россыпью белых кудрей.

— Чем могу помочь? — В одной руке женщина держала секатор, в другой — огромный букет калл.

— Здравствуйте. Я разговаривала с вашим сыном. Меня зовут Сэм. Я кое-что изучаю в этом районе. И меня интересует авария, что случилась в январе 1961 на повороте рядом с вашим домом.

— Ясно. Как мило с его стороны отправить незнакомку к старой матери, — женщина подмигнула.

— Да, он что-то творил на кухне, — улыбнулась Сэм.

— Как обычно. Что именно вы хотите знать? Может, я смогу что-то вспомнить. — Она положила цветы на столик в коридоре.

— Это было бы отлично. Большое спасибо, миссис...

— Я — Розалинда. — Женщина надела очки и, толкнув дверь, вышла наружу.

— Приятно познакомиться, Розалинда.

— Вы знаете, кто попал в аварию? — Она положила на скамейку у задней двери тяжелое шерстяное одеяло и осторожно села сверху. — Ужасный угол. Столько людей съезжает с дороги, особенно в такой гололед.

— Могу представить, — Сэм вытащила блокнот из сумочки. — Меня интересует авария, в которую попал местный полицейский, старший суперинтендант Джордж Кэннон.

— Авария была серьезной?

— Да, похоже, он погиб на месте. Не думаю, что был замешан кто-то еще. Он просто слишком быстро повернул за угол и потерял управление. В конечном итоге оказался в канаве.

Какое-то время женщина смотрела в землю. Сэм потерла руки в перчатках, согревая их.

— Кэннон. Знакомое имя.

— Полагаю, это был отец Китти Кэннон, ведущей ток-шоу. Она из этих мест. Не знаю, слышали ли вы о ней.

— Да, конечно, — женщина нахмурилась.

Сэм подняла взгляд на ошеломляющее георгианское строение, заметила клематис, ползущий вверх по стене к окнам.

— Я просто подумала, что кто-то из вас мог что-то видеть из дома.

Розалинда покачала головой.

— Нет, простите, ничем не могу помочь.

— Ну, спасибо, что уделили мне время. Может, вы позвоните, если что-то вспомните? Я оставлю свой номер.

— Конечно, милая, — и Розалинда радостно помахала на прощание.

Только вернувшись в офис и устроившись за столом с кружкой крепкого кофе, Сэм смогла обдумать утренние события.

— Так что происходит? — спросил Фред, глядя на нее поверх очков.

Сэм вытащила из сумочки письмо.

— Бабушка нашла его среди бумаг деда. Это письмо написала девушка по имени Айви в 1956. Она забеременела от парня-футболиста, который, судя по всему, ничего не хотел знать.

— Девушка достала ноутбук и включила его. Когда он загрузился, на экране возникло фото Эммы.

— Милая заставка, — проговорил Фред. — Красивая девочка.

— Спасибо. Ну а как иначе — она же моя, — Сэм, улыбаясь, открыла «Гугл» и ввела имя Отца Бенджамина.

— А кто такая эта Айви? — Фред взглянул на письмо.

— Понятия не имею, но она упоминает Отца Бенджамина, священника, чьи останки были найдены в заброшенном особняке. Кевин писал об этом на прошлой неделе, — Сэм развернула к нему экран. — И Китти Кэннон, ведущая ток-шоу...

— «Пушечный удар»? — спросил Фред.

— Оно самое, — подтвердила Сэм. — Похоже, она была на слушании по делу Отца Бенджамина.

— Почему? — Фред наклонился к ней.

— Пока не знаю. Я ездила сегодня утром в монастырь, — добавила Сэм, постучав по фотографии обители Святой Маргарет на экране.

— Что? Когда?

— До того, как приехала на работу. — Девушка отпила еще кофе.

— Ты — чокнутая. Я вот даже еще не завтракал, — рассмеялся Фред.

— Ну, его во вторник сносят, там сейчас стройка, — пробормотала Сэм, доставая лепешку из верхнего ящика и разрывая зубами упаковку. — Ну, так вот, в одной из комнат был портрет Матушки Карлин, которую Айви упоминала во втором письме. Охранник, который показывал мне обитель Святой Маргарет, направил меня в дом престарелых. Он думал, что монахиня может жить там. Хотя ты любезно выяснил, что Матушка Карлин умерла много лет назад. Но мне удалось попасть в комнату другой монахини, которая работала в обители. Она сказала нечто странное о Матушке Карлин. Что никого не волновало происшедшее с ней в ночь смерти. Хочешь? — Сэм вытащила еще одну лепешку и бросила ему.

Фред поймал мягкое лакомство и положил рядом.

— Так же монахиня, Сестра Мэри-Фрэнсис, — продолжила Сэм, — определенно знала Китти и ее отца, Джорджа Кэннона. Она назвала его распутником.

— Может, Китти была плодом любовной интрижки и родилась в этом доме матери и ребенка имени Святой Маргарет? — Фред снял очки, чтобы протереть, и посмотрел на Сэм. — Боже, если дело в этом, в историю вцепятся все национальные издания. И ты сможешь подписать свою статью.

— Возможно. Ты мило выглядишь без очков, — улыбнулась ему Сэм.

Фред, кажется, стал на семь оттенков краснее и, заикаясь, пробормотал:

— Ну, во время подъемов я ношу контактные линзы. Просто пробыл в скалах Харрисон [29] всю ночь, и глаза немного болят. — Он снова, поколебавшись, надел очки.

— Ты лазаешь в темноте? — Сэм открыла электронную почту и начала пролистывать письма.

— Конечно, с фонарем на голове. Я же торчу здесь большую часть времени, так что выбора у меня нет. — Он пожал плечами.

— Ты бы лазал каждый день, если бы мог? — спросила Сэм, приканчивая остатки завтрака.

— Определенно. Это сродни медитации. Когда я в одиночку преодолеваю трудный путь,

меня не беспокоит все то дерьмо насчет семьи... ну, вроде того, что я всех разочаровал. Есть только я и гора. Но эта свобода не прощает ошибок. И дается лишь шанс сделать все правильно.

— Значит, подъем на высокую гору, откуда в любой момент можно сорваться, тебя расслабляет? — спросила Сэм, смеясь.

— Харпер! — прокричал Мюррей с другого конца комнаты. — Шагай сюда!

Фред изобразил, что затягивает петлю вокруг шеи, а Сэм встала и направилась к боссу.

— Почему пресс-секретарь Китти Кэннон собирает о тебе информацию?

— Ну, я прочитала, что ее ток-шоу закрылось, а она ушла на пенсию. И она выросла в Суссексе. Так что я просто отправила просьбу об интервью.

— Как это связано с домом матери и ребенка имени Святой Маргарет? — раздраженно спросил Мюррей.

— Кевин упоминал, что видел ее на слушании по делу Отца Бенджамина, поэтому я кое-где порылась. Думаю, она может быть с этим связана.

— Каким образом? — Мюррей громко кашлянул, вычищая мокроту из легких.

— Пока не знаю. Но пытаюсь выяснить.

— Это не твоя работа. Тебе нечем заняться? — рявкнул он.

— Да, я и собиралась. Просто сделала предположение, — пробормотала Сэм, стараясь не смотреть на сросшиеся брови Мюррея, напоминавшие огромного слизняка.

— И что, добились результата? — бросил Мюррей. Сэм покачала головой. — Отлично! Тогда займись новостями! Не хочу беспокоить пресс-секретаря такого масштаба без веской причины.

— Я явно наделала шума, если секретарь Китти Кэннон решил разузнать обо мне, — пробормотала Сэм, возвращаясь на место.

— Что ты им сказала? — спросил Фред.

— Что у меня есть информация о связи Китти с домом матери и ребенка имени Святой Маргарет.

— Смотри, что только что прислали. — Фред повернул экран к Сэм.

Она потеряла уставшие глаза. Поскольку Сэм встала в 5 утра, чтобы быть на стройке у обители Святой Маргарет до восхода солнца, то, читая новости на экране Фреда, она решила, что пропитанный кофеином мозг сыграл с ней злую шутку.

— Боже. Сегодня будет панихида по Отцу Бенджамину.

Фред кивнул. Продолжая читать, Сэм почувствовала прилив адреналина.

«Бенджамин Кук родился в Брайтоне в 1926 и рос в Престоне. Отец Бенджамин был сыном доктора Фрэнка А. Кука, хирурга, и Хелен Элизабет Кук, домохозяйки.

Он посещал «Школу Всех Святых» и в 1944 закончил Брайтонскую высшую школу. Так же брал уроки в Брайтонском колледже искусств и играл на пианино.

Отец Бенджамин был высокоуважаемым священником, более тридцати лет вел службы в престонской церкви. В возрасте 65 лет он, уйдя на пенсию, переехал в дом престарелых «Грэйсвелл» в деревне Престон. Исчез 31 декабря 1999.

В сентябре 2016 друзей Отца Бенджамина шокировало известие, что его останки обнаружили в основании обители Святой Маргарет в Престоне. Живых родственников у священника нет».

— Фред, я должна туда пойти. Придется тебе меня прикрыть. — Сэм повернулась к своему многострадальному коллеге.

— Что? Это займет не один час. Я после обеда уеду на британский чемпионат по скалолазанию, — прошептал Фред.

— Но, если я права в отношении Китти Кэннон, это будет сенсация. Я вернусь, самое позднее, к половине второго. Во сколько тебе нужно там быть?

— В три, — вздохнул Фред. — И опаздывать нельзя.

— Не опоздаешь. Прошу тебя. — Сэм заскулила, как потерявшийся щенок.

— Хорошо, — сдался Фред, глядя на кабинет Мюррея. — У меня скоро интервью с дочерью одной из первых суфражисток [\[30\]](#) в честь столетней годовщины. Скажу, что у меня не завелась машина, и ты поехала вместо меня. Но займись этим до того, как поедешь на службу. Мюррей сейчас и на меня ополчился. Он думает, что мы в сговоре.

— Конечно. И еще одно одолжение, — Сэм складывала вещи в сумочку.

— Может, одну из моих почек?

— На самом деле, мне нужно выяснить, кому Айви писала письма. Он был профессиональным футболистом. В своем письме от 12 сентября 1956 она упоминала его первый сезон в Брайтоне. Еще писала, что он был красивым и не хотел скандала. Может, ты наткнешься на какие-то имена в статьях того времени. Наверное, он был известным. И вдруг в то время неожиданно умер кто-то из футболистов? Тогда мы сможем напасть на след. Потому что, похоже, все, о ком говорилось в тех письмах, скончались довольно неожиданно.

Фред отсалютовал ей.

— Я люблю тебя, — девушка, схватив ноутбук и блокнот, вылетела из отдела новостей.

Когда Сэм завела на стоянке верную «Нову», зазвонил мобильный. Она достала его из сумочки. Номер был местным, но незнакомым.

— Добрый день!

— Это Саманта?

Она прижала палец к другому уху, чтобы как следует все расслышать.

— Да, кто говорит?

— Это Розалинда. Вы заезжали сегодня утром, помните? Мой сын еще готовил.

— Да-да, — поспешно ответила Сэм.

— Я просто хотела сказать, что после нашего разговора позвонила кузену, и он вспомнил ту аварию, о которой вы спрашивали. В то время ее бурно обсуждали в местном пабе. Старший суперинтендант Джордж Кэннон, так ведь?

— Верно. — Сэм терпеливо ждала продолжения.

— Он был местным полицейским, и все его очень любили. Поэтому случившееся стало шоком. Кузен мало что помнит о той аварии. Лишь то, что дочка Джорджа была с ним в машине.

— Дочка Джорджа? В прессе об этом не писали, — Сэм вытащила блокнот.

— Да, и, похоже, она выжила. Ну, судя по словам местного парня, который, напившись в «Руках Престопа», возвращался домой той ночью. Он проходил мимо почти сразу после аварии, и утверждал, что на дороге стояла девочка.

— На дороге? — повторила Сэм.

— Этот парень был известным пьяницей, так что, думаю, полиция не обратила внимания на его слова. Вроде бы на ней было ярко-красное пальто. Машина лежала в канаве, а девочка стояла рядом в свете фар. Но убежала, как только его увидела. Он попытался

догнать ее, чтобы убедиться, что она не пострадала, но не смог.

— Спасибо, Розалинда, вы мне очень помогли, — сказала Сэм, небрежно царапая в блокноте. — И очень благодарна за звонок.

Она повесила трубку и бросила мобильный в сумочку. Затем открыла страницу с именем Отца Бенджамина и написала внизу — «Джордж Кэннон».

Воскресенье, 5 февраля, 2017

Направляясь домой после сеанса с Ричардом Стоуном, Китти села в черное такси и включила мобильный, чтобы проверить сообщения. Оба — от Рэйчел с просьбой перезвонить. Она вздохнула и откинулась назад на сиденье. Силы были на исходе.

Когда такси повернуло на набережную Виктории, телефон зазвонил, на экране высветилось имя «Рэйчел Форд».

— Да? — проговорила Китти в трубку. — Я как раз собиралась перезвонить.

— Здравствуйте, Китти. Простите, что беспокою в воскресенье. Можете уделить пару минут? — тон Рэйчел был слегка озабоченным.

— Да. Что-то случилось? — резко бросила Китти, теснее прижимая телефон к уху.

— Я хотела кое-что обсудить. Вам знакомо имя Саманты Харпер? Журналистка из агентства «Южные новости». Она хочет с вами поговорить.

— Никогда о ней не слышала. О чем речь?

— Ее интересует ваша связь с домом матери и ребенка имени Святой Маргарет в Престоне, Суссекс.

Китти почувствовала, как кровь прилила к голове. Прямо перед ними на дорогу вылетел мотоцикл. Такси вильнуло, чтобы избежать столкновения. Водитель яростно просигналил, и, проезжая мимо, что-то прокричал.

— Китти? Вы здесь? — проговорила Рэйчел.

— Понятия не имею, о чем речь. Она еще что-то сказала?

— Нет, насколько я знаю. Просто прислала просьбу об интервью. Я позвонила некоему Мюррею Уайту, который управляет «Южными новостями». Но он, кажется, не в курсе дела. Обещал все выяснить, — сообщила Рэйчел.

— Кто такая Саманта Харпер? Пришли мне ее биографию. Прямо сейчас.

— Хорошо. Так и думала, что вы захотите узнать. У меня все готово. Уже отправляю.

— Отлично. Не отключайся, я сейчас же ее просмотрю, — Китти открыла почту и нетерпеливо нажала на письмо. На экране медленно возникла фотография Сэм.

Китти сразу поняла, кто эта девушка. Ее руки начали дрожать. Она рассматривала рыжеволосую голубоглазую Сэм, смотрящую в ответ с экрана.

— Ты еще здесь, Рэйчел? Мне нужно, чтобы ты достала адрес. Весь день занимайся только этим, ничем больше. Поняла?

— Да, хорошо. Чей адрес?

— Аннабель Розы Крид. Шестьдесят лет, родилась и выросла в Суссексе. Она на шесть лет моложе меня. Мы вместе посещали брайтонскую среднюю школу. Я не видела ее много лет. Найди ее.

— Хорошо, — проговорила Рэйчел. — Сделаю все возможное.

Китти осторожно убрала телефон обратно в сумочку. Машина остановилась возле дома на набережной. Она поблагодарила шофера, оставила щедрые чаевые и исчезла внутри.

Воскресенье, 5 февраля, 2017

Паб «Черный лев» с соломенной крышей, дубовыми балками и ревушим в камине огнем, был центром деревни. На взгляд Сэм, пейзаж выглядел так, будто сошел с какой-нибудь открытки. Закончив интервью с Кларой Бэнкрофт, чья мать была одной из первых суфражисток, она на высокой скорости помчалась в Престон. Проезжая по извилистой главной улице, где уличные фонари украшались цветочными корзинами, а тротуары ограждали идеально подстриженные живые изгороди, Сэм заметила паб. И поспешила укрыться от дождя в переполненном зале, чтобы выяснить дорогу к церкви. Казалось, здесь собрались все деревенские мужчины.

— Вверх по дороге, милочка, на вершине холма. Мимо не проедешь, — пробасил бородач с носом картошкой и налитыми кровью глазами.

— Вы собираетесь на поминальную службу? — поинтересовался мужчина у барной стойки.

— Да, — подтвердила Сэм.

— Вы его знали? — спросил другой, изучая ее поверх своей кружки.

— Нет, но думаю, он был связан с обителью Святой Маргарет. Я провожу кое-какое исследование о домах матери и ребенка в Британии, — пояснила девушка, окидывая паб быстрым взглядом. И заметила старушку в красном шерстяном пальто, смотрящую на нее с другого конца комнаты.

— Для чего вам это нужно? Плохое занятие. Такой милой девушке следует писать о чем-то повеселее.

— Э-э, ладно. Я подумаю об этом, — согласилась слегка ошеломленная Сэм. — Спасибо за помощь.

Повернувшись к выходу, девушка заметила, что старушка двинулась через комнату, опираясь на ходунки. Добравшись до двери паба, она остановилась и обернулась, словно кого-то искала. Сэм уже видела ее прежде, но не могла понять, где. На вид ей было за девяносто, болезненно худая, бледная, с заостренными чертами лица и собранными в пучок седыми волосами. Девушка наблюдала, как женщина оглядела комнату, а затем внезапно замерла, когда ее взгляд упал на Сэм. Впалые щеки вмиг порозовели, глаза заблестели. Чувствуя себя неуютно, Сэм отвернулась, а когда взглянула снова, спутница старушки уже помогала ей переступить порог и выйти на улицу.

Сэм торопливо поблагодарила мужчин и бросилась в холод снаружи. Она увидела, как старушке помогли сесть в такси. Машина двинулась в тот момент, когда раздался звон церковных колоколов. Проезжая мимо, женщина не отрывала взгляда от Сэм.

Запрыгнув обратно в свою «Нову», Сэм последовала за такси вверх по крутому склону холма. Когда они добрались до церкви, служба уже началась. Передние скамьи были заполнены. Сэм подождала, пока старушке помогут сесть, потом устроилась сама в конце противоположного ряда. Когда приходской священник поднялся на кафедру и заговорил, она переключила телефон в беззвучный режим.

— Мы собрались здесь сегодня, чтобы восславить жизнь и труд Отца Бенджамина и отдать дань его памяти. За тридцать лет службы приходским священником он затронул

бесконечное множество сердец, благочестиво помогая тем, кто в этом нуждался. — Сэм перевела взгляд со священника на старушку, которая смотрела вперед, крепко сжимая в руках сумочку. — Когда в обители Святой Маргарет нашли тело Отца Бенджамина, это стало ударом для многих из нас. Никто не мог спать спокойно с тех пор, как он исчез, но новости о его смерти стали трагическим воплощением наших худших страхов. Теперь, с благословения Господа нашего, возлюбленного Иисуса Христа, мы можем отправить его на покой и молиться за душу его, чтобы вечно пребывала в мире.

Сэм посмотрела на собравшихся. В целом народу было немного, в основном — люди в возрасте. Она заметила Сестру Мэри-Фрэнсис, сидящую со склоненной головой. Рядом с ней разместились Джемма — сиделка, что впустила Сэм в «Грэйсвелл», — пристально глядя на священника.

— Отец Бенджамин также основал дом матери и ребенка имени Святой Маргарет в Престоне и следил за его работой. Кроме того, до самого выхода на пенсию он добровольно посещал общество помощи нуждающимся, порой даже в самые суровые зимние месяцы, раздавая еду и одеяла тем, кому они были необходимы. Он удивительным образом влиял на молодых членов общества, преподавая в воскресной школе и помогая укрепить христианские ценности у жителей деревни. Ведь современная жизнь иногда может отвлечь от самого главного. Мы, люди, всегда должны следовать учениям Спасителя нашего, Иисуса Христа. В свете этого Ханна Крэйн, которая с любовью вспоминает Отца Бенджамина еще с тех времен, когда посещала воскресную школу, прочитает посвящение.

На кафедру поднялась женщина с длинными светлыми волосами, разворачивая лист бумаги. Сначала ее не было слышно, и в церкви раздались тихие смешки, пока священник неумело пытался разобраться с микрофоном. Наконец, она заговорила, ее голос дрожал.

Ты не плачь над могилой моей,
Я не сплю там в сиянии дней.
Я летаю подобно ветрам,
Белым снегом ложусь по утрам.
Ярким солнцем питаю рожь,
Проливаюсь с небес, как дождь.
И звенящую утра тишь
Нарушаю — парящий стриж,
Словно небо мне шепчет: «Мчи!».
Я — лишь блеск ярких звезд в ночи.
Ты не плачь над могилой моей,
Я не сплю там в сиянии дней.
Не роняй горьких слез своих,
Я не умер, я — среди живых!

Сэм взглянула на старушку. Теперь та смотрела в пол, утирая слезы носовым платком, который сжимала в дрожащих руках. Медленно открыла сумочку и вытащила что-то, сжав в тонких пальцах.

— Спасибо, Ханна. — Священник вернулся на трибуну, а женщина под одобрительную улыбку мужа двинулась обратно к своему месту. — Отец Бенджамин был бы очень горд. А теперь Сестра Клара-Гейл исполнит одно из его любимых музыкальных произведений.

Собравшиеся посмотрели на хоры, где монахиня в бело-голубом облачении запела «Аве Мария» ^[31]. Стало тихо. Околдованные ангельским голосом, люди неподвижно застыли и, кажется, даже не дышали. Мурашки побежали по рукам Сэм, когда она слушала пение, полностью погрузившись в него. И лишь внезапно почувствовав рядом чье-то присутствие, повернула голову, не в силах сдержать судорожный вздох. В проходе неподалеку стояла старушка.

Она склонилась над ходунками, теперь Сэм смогла разглядеть, что держала женщина в левой руке. Это была фотография. Глаза старушки неподвижно смотрели на гроб впереди. Никто этого даже не заметил, всех полностью захватил голос Сестры Клары. Она почти достигла цели прежде, чем хоть кто-то поднял взгляд. Тук-тук, ее ходунки двигались по серому каменному полу церкви.

Внезапно все повернулись, наблюдая, как старушка медленно потянулась и положила фотографию на крышку гроба. Когда музыка стихла, она наклонила голову, перекрестилась в наступившей тишине и заговорила:

— Пусть Господь простит непростительные грехи этого человека и спасет души всех тех, чьи жизни он разрушил. Аминь. — Несмотря на сторбленную позу, ее голос был сильным.

Она выпрямилась и посмотрела на молчавшего священника. Затем, прежде чем кто-либо смог отреагировать, отвернулась и медленно двинулась обратно вдоль прохода. Никто не шевельнулся, не издал ни звука. Старушка дошла до двери и, передвинув ходунки через порог, вышла на улицу.

Казалось, несколько мгновений священник не мог сдвинуться с места. Наконец, он отмер и направился обратно к кафедре.

— Прошу, не грустите из-за того, что произошло сейчас на ваших глазах. Жизнь приходских священников не всегда полна признательности и благодарности. Те, кому мы пытаемся помочь, порой не могут принять помощь. Давайте же помолимся за все беспомощные души. Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, и на земле, как на небе (Православная молитва «Отче наш».)...

Когда все подхватили молитву, одна из монахинь помоложе бросилась к гробу и смахнула фотографию на пол. Прежде, чем осознала, что делает, Сэм вскочила на ноги и подобрала упавший снимок. Оглядев собравшихся, она встретила взгляд покрасневших глаз сиделки Джеммы, которая, вцепившись в бумажный носовой платок, вытирала нос.

Желая перехватить старушку прежде, чем та исчезнет, Сэм украдкой двинулась к выходу, пока вниманием остальных вновь завладел священник. Когда она выбралась из темной церкви, на мгновение ее ослепил солнечный свет. В отчаянии осмотревшись, Сэм, наконец, заметила, как старушка исчезла в такси, и машина двинулась вниз по холму. Девушка позвала ее, пробежав немного вниз по крутой дороге, надеясь, что женщина заметит, как она машет, и остановится. Но нет, она уехала.

Сэм замедлила шаг, поняв, что в сумочке вибрирует телефон.

— Сэм, где ты, черт возьми? — рявкнул Мюррей в трубку.

— Я только что закончила интервью с Klarой Бэнкрофт и уже еду обратно, — поспешно ответила Сэм, когда ей просигналил водитель фургона.

— Не лги мне. Фотограф сказал, что ты уехала почти час назад, — проорал Мюррей. Сэм могла отчетливо представить вздувшиеся на его шее вены. Как и всегда, когда он

приходил в ярость.

— Я еду обратно, Мюррей. Были проблемы с машиной.

— Ну ладно, в офис звонила твоя бабушка. Она пыталась тебя разыскать. У тебя ребенок заболел. Мне нужен материал к двум часам. После этого мы с тобой еще поговорим. — На линии повисла тишина.

Чувствуя себя подавленной, Сэм упала на скамейку и попыталась успокоиться.

Печаль старушки была такой осязаемой, словно еще висела в воздухе там, где прежде стояла женщина. Сэм взглянула на фотографию, которую подняла с пола церкви. С черно-белого снимка улыбалась девочка лет десяти. С вьющимися волосами, в красивом белом платье с цветами вокруг талии. Сэм перевернула фотографию и прочитала выцветшую надпись на обороте. «Айви, лето 1947».

Она затаила дыхание. Айви. Нет сомнений, в Престоне была не одна Айви, но, если в 1947 ей было девять или десять, то в 1956, когда были написаны письма, она уже была молодой женщиной детородного возраста. Могла ли это быть та же самая девочка?

Сэм взяла телефон и набрала номер Бена. Нет ответа. Позвонила еще раз и, дождавшись автоответчика, раздраженно оставила сообщение с просьбой позвонить бабушке. А после сама набрала ее номер.

— Привет, бабуль, это я. Прости, пришлось выключить звук на телефоне. Эмма в порядке?

Бабушка заверила, что в порядке, просто немного приболела.

— Я оставила сообщение Бену, так что он скоро должен к тебе приехать, — проговорила Сэм. — Прости, ты уверена, что все в порядке? Ты какая-то подавленная.

С бабушкой явно было что-то не то. И Сэм не сразу удалось вытянуть, что случилось. Наконец, бабушка призналась, что все дело в третьем письме Айви. Оно оказалось хуже предыдущих.

— Я перезвоню тебе, как только напишу заметку. Мюррею она нужна еще вчера.

И сдержала слово. Как только расшифровала интервью к столетию суфражисток и получила нагоняй от Мюррея, Сэм перезвонила бабушке. И когда та читала третье письмо Айви, обе не могли сдержать слез.

Понедельник, 11 февраля, 1957

Любимый, она здесь. Наша малышка здесь.

Мне едва позволили на нее взглянуть, но она, несомненно, самый красивый ребенок из всех, кого я когда-либо видела. На голове пушок волос, медных, как у меня, и ясные блестящие голубые глаза, как у тебя. Она была спокойна и совсем не плакала. Я же, наоборот, не могла остановиться. Мне позволили подержать ее несколько минут, до того, как начали накладывать швы. Она сильно сжала мой палец в крошечном кулачке, давая понять, что знает, что я ее мамочка. Я уверена, что она мне улыбалась. Сестра сказала, что это абсурд, новорожденные дети не улыбаются. Но я знаю, что так и было. Она пыталась сказать мне, что все будет хорошо. После этого я ничего не помню. Наверное, я потеряла сознание. А когда очнулась в лазарете, Розы — так я назвала ее — уже не было.

Айви услышала, как повернулся ключ в двери лазарета, затем раздался глухой удар, словно дверь стукнулась о стену. Она быстро спрятала ручку и бумагу под одеяло. Девушка увидела, что к ней спешат Сестра Фейт и Сестра Мэри-Фрэнсис. Их длинные накрахмаленные балахоны шуршали при ходьбе. Айви опустила глаза, чтобы не понести наказания за любопытство, и сложила руки на коленях.

— Дитя, в прачечной много работы. Ты здесь уже неделю. Нельзя же лежать вечно, — бросила Сестра Мэри-Фрэнсис, даже не успев приблизиться к кровати.

— Думаю, Сестра, она сможет вернуться через пару дней, — пояснила Сестра Фейт. — Она с трудом может стоять.

Сестра Мэри-Фрэнсис повернулась и хмуро посмотрела на монахиню помоложе.

— Дай вам волю, Сестра Фейт, вы бы укрывали их всех пуховыми одеялами и поили каждый вечер перед сном горячим шоколадом. Так что я буду судить сама. Вставай, дитя, да побыстрее.

Айви испуганно кивнула и потянулась к одеялу, медленно откинула его, молясь лишь, чтобы ручка и бумага остались скрыты. Простынь под ней была чистой, но ноги и спину покрывала засохшая кровь. Она не смогла бы точно сказать, что с ней происходило в туманные дни и ночи после родов. Хотя по невнятным обрывкам разговоров поняла, что у нее началось кровотечение, которое с трудом смогли остановить. С тех пор она лежала в лазарете, неспособная двинуться из-за боли между ног.

Патрисия заходила сегодня утром перед завтраком, бледная и утомленная. В ее обязанности входило менять простыни в лазарете, и пока она занималась этим, то смогла сунуть под подушку Айви ручку и бумагу. Сестра Фейт вышла на минуту, чтобы взять что-то из шкафа в кладовой, и Патрисия поделилась, что видела ребенка Айви. Малышка очаровательна и совершенно довольна, почти не плачет между кормлениями. Айви заплакала и чмокнула подругу в веснушчатый нос, попросив передать это Розе.

— Тебе ведь недолго осталось, Пат? — спросила она, поглаживая живот Патрисии.

— Это ужасно? Больно? Я слышала тебя всю ночь, — сказала Патрисия, глядя на Айви, а потом обратно на дверь.

— Не так уж и плохо, — уверила ее Айви. — Я наделала много шума. А ты будешь в

порядке.

— Что за ужасный беспорядок ты здесь устроила? — резко бросила Сестра Мэри-Фрэнсис, заметив окровавленное постельное белье, которое Патрисия оставила в углу комнаты. — Не думаешь, что мы и так достаточно сделали? Еще и прибираться за тобой? Постираешь эти простыни сама, как только встанешь.

— Да, Сестра, — пробормотала Айви, вздрагивая от боли, вынуждая себя выбраться из кровати и медленно встать. Она была уверена, что ноги подогнутся, и смотрела на Сестру Фейт со слезами в глазах.

— Подойди, дитя. Тебе нужно двигаться. Иначе ты никогда отсюда не выйдешь, — неодобрительно произнесла Сестра Мэри-Фрэнсис, поджав губы.

Айви не осмелилась спорить. Не обращая внимания на жжение в паху, она сделала шаг. И тут же дрожащие ноги подогнулись, она рухнула на колени.

— Вставай, — сурово приказала Сестра Мэри-Фрэнсис. Айви смотрела в пол, обхватив руками живот. — Сейчас же поднимайся. Или отправишься в кабинет Матушки Карлин.

Сестра Фейт подошла ближе и протянула руку, но Сестра Мэри-Фрэнсис отодвинула ее, останавливая. Айви медленно поднялась на ноги, потом заползла на кровать.

— Вставай, — рявкнула Сестра Мэри-Фрэнсис.

— Я не могу, Сестра. Простите, но ноги меня не слушаются. Я, правда, стараюсь. — Все тело Айви дрожало.

— Вставай, — повторила Сестра Мэри-Фрэнсис.

Айви медленно встала, используя кровать для поддержки. Она не осмеливалась плакать, хотя боль разрывала живот, вызывая ощущение, что в любой момент ее может стошнить. Выпрямившись, она опустила глаза и заметила на полу у ног капли крови.

Она сделала шаг, потом схватилась за край кровати, когда ноги снова подогнулись. И с грохотом рухнула на пол, приземлившись на бок и вскрикнув от боли.

— Я хочу, Сестра, чтобы завтра она встала с кровати. И пусть сама выстирает эти простыни, — велела Сестра Мэри-Фрэнсис.

Айви лежала на полу, глядя, как черные ботинки Сестры шагают прочь по холодной керамической плитке.

Как только старшая монахиня ушла, Сестра Фейт помогла Айви подняться и лечь обратно в кровать.

— Она ведь не шутила, — тихо сказала монахиня. — Ты можешь остаться здесь лишь до завтра.

— Да, Сестра, я понимаю. Простите за беспорядок, — пробормотала Айви, пока Сестра Фейт вытирала тряпкой кровь с пола.

На стене лазарета зазвонил колокол, и Сестра Фейт посмотрела на часы.

— Я пойду на ужин. Принесу тебе немного супа.

— Спасибо, Сестра.

Как только Сестра Фейт ушла из лазарета, заперев за собой дверь, Айви расслабилась и потянулась за ручкой и бумагой, что в безопасности лежали под одеялом. Она поморщилась, удобнее устраиваясь на жесткой железной кровати, и продолжила писать.

Я пишу это из кровати в лазарете. Роды были ужасными. Я не знала, чего ожидать, но рада этому. Если бы в комнате, где я провела в одиночестве всю ночь, было окно, наверное, я могла бы из него выпрыгнуть. Подобной боли я никогда не испытывала, даже на миг. А мне

пришлось выносить ее несколько часов. И никого, чтобы утешить меня. Не зная, придет ли этому конец.

Комната, где меня оставили, была мне уже знакома. Воспоминания о ней останутся со мной навсегда. Матушка Карлин заставляла девушек на поздних сроках беременности убирать ее сразу после чьих-нибудь родов. Ничто не наполняет страхом больше, чем залитый кровью пол. Его так тяжело отмыть холодной водой лишь с крошечным кусочком мыла. Однажды я провела там на коленях целый день. Один раз мне пришлось мыть рядом с крошечным мертвым младенцем. Он лежал в мусорном ведре, завернутый в окровавленное одеяло. Я вынула его, прижала к себе и плакала, говоря, что его любили. Потом Матушка Карлин забрала его, чтобы бросить в резервуар. Туда отправлялись все мертвые дети. Она велела мне не трогать понапрасну слезы на порождение дьявола и ударила так сильно, что ее кольцо оставило порез на моей щеке.

Роды у меня начались к концу длинного дня в прачечной. Машина была тяжелой, а живот мой — таким большим, что я не могла ее удержать.

Айви замерла, вспомнив последний день, когда Роза принадлежала лишь ей. Последний раз, когда она точно знала, где ее дочь и что она в безопасности.

Оборудование в прачечной казалось тяжелее обычного. Да и тело ныло как-то иначе. Боли в животе начались вскоре после ланча и становились все сильнее, пока девушка не согнулась пополам, не в силах больше терпеть. Айви медленно подошла к Сестре Эдит, пытаясь не кричать от боли.

— Ты что себе позволяешь? Возвращайся к работе, — рявкнула Сестра Эдит.

— Сестра, можно я сегодня поработаю на кухне? У меня очень болит живот.

— Нельзя. Это не роды, еще рано. Возвращайся к работе!

Айви поплелась обратно на свое место. Взгляды всех были устремлены на нее, но никто не осмелился сказать ни слова. К ужину она уже не могла стоять. Остальные девушки ушли, а Айви скорчилась в углу и стонала от боли, схватившись за живот. Над ней склонились Сестра Эдит и Матушка Карлин.

— Прекрати шуметь. Лучше ступай в лазарет, дитя, — произнесла Матушка Карлин.

Айви дождалась, когда схлынет последняя волна боли, потом, пошатываясь, двинулась по коридору. Она почувствовала облегчение при упоминании лазарета. Может, хоть сейчас ей достанется немного доброты и заботы. Как же она ошибалась.

Успокоившись, она снова взяла ручку. Наверное, Сестра Фейт скоро вернется, и другого шанса написать письмо у нее не будет.

Когда я добралась до лазарета, меня закрыли там совершенно одну. В той комнате, что я отмывала от крови лишь неделю назад. И я подозревала, что скоро в ней опять будет много крови.

Той ночью, в одиночестве, я много думала о том крошечном мертвом младенце. Гадала, не означает ли такая сильная боль, что наш ребенок умирает. Несколько раз Сестры приходили и уходили, велели успокоиться, перестать шуметь. Говорили, что это мне наказание за плотские грехи. Я пыталась быть храброй, но сильная боль не позволяла. Я звала свою мать, отца, тебя. Но никто не пришел.

Айви перестала писать и положила ручку и бумагу рядом с собой, потом закрыла лицо

руками. Было слишком больно вспоминать, как она лежала на полу, одна в темноте, а в доме царил мертвенная тишина. С каждой волной боли рассудок уплывал. Девушка лишь помнила, как на полу перед ней возникли ботинки отца. Она видела в них свое лицо, — так сильно они были так начищены. Отец смотрел на нее сверху и улыбался.

— Папочка, помоги мне.

— Милая, ты все делаешь правильно. Я горжусь тобой. — Он снял шляпу и опустился рядом с ней.

— Я умираю. Я не могу терпеть боль.

— Можешь. Подумай о том, что будет, когда она закончится.

Снова нахлынула волна боли, и она потянулась к нему.

— Пожалуйста, если что-то случится, присмотри за моим ребенком.

Он взял ее руку.

— Будь храброй, Айви. Я всегда буду присматривать за тобой. За вами обеими.

Она отбросила воспоминания и сжала ручку в пальцах. Нужно закончить письмо прежде, чем вернется Сестра Фейт.

Думаю, я была близка к смерти, когда пришел доктор Джейкобсон. Я умоляла его спасти моего ребенка. И он разрезал меня, так сильно, будто пытался распилить надвое. Потом я услышала ее крик. И появилась она. Наша малышка. Я спросила доктора Джейкобсона, видел ли он мою мать. Умоляла его забрать меня домой. Но он не стал со мной говорить. Просто оставил меня там с Розой. Надеюсь, он скажет о ней маме.

После ухода доктора Джейкобсона меня зашили. Это было даже больнее, чем сами роды. Монахиня, шившая меня, была неуклюжей и старой, и постоянно роняла очки для чтения. Я несколько дней не могла ходить, но Сестра сказала, что мне нужно скорее возвращаться к работе, чтобы отработать содержание. Я написала маме и дяде Фрэнку, спрашивая, могут ли они заплатить 100 фунтов долга за мое пребывание здесь. Но они не ответили. Я уже говорила, что стандартный срок отработки три года. Если придется остаться здесь на это время, я сойду с ума.

Детскую комнату находится рядом с лазаретом. Я почти постоянно слышу детский плач, днем и ночью. Наверное, это часть наказания. Я теряю рассудок при мысли, что это плачет Роза, а я не могу к ней подойти.

У меня появилось молоко. Но нам не позволяют кормить своих детей, как заложено природой. Вместо этого им дают молочную смесь. Может, чтобы разрушить связь между матерью и ребенком. Мне дают таблетки, чтобы молоко исчезло, но они действуют достаточно медленно. Оно течет ночью, и мне очень больно. Сестра приходит в ярость, когда видит сырые простыни. Она устала от моего пребывания в лазарете, от моих слез. От моего беспокойства.

Я очень сильно скучаю по своей малышке. Не могу вынести, что кто-то заберет ее отсюда. Она принадлежит мне, нам.

Прошу тебя, любимый, приходи и заведи нас, чтобы мы, наконец, смогли стать семьей. Пожалуйста, приходи побыстрее, пока Розу не удочерили. Иначе мы потеряем ее навсегда.

Со всей своей любовью,

твоя Айви

Едва успев написать последнее слово, Айви услышала ключ в замке и быстро запихнула

письмо в конверт, который оставила Патрисия. Сестра Фейт принесла ей миску прозрачного супа и кусок хлеба.

— Держи.

— Спасибо, Сестра. — Айви с благодарностью взяла теплую миску.

— Нам нужно замочить те простыни, иначе их не отстирать, — проговорила Сестра Фейт почти нормальным тоном.

— Простите за неприятности, Сестра, — сказала Айви. — Я сейчас все сделаю. — Она опустила миску.

— Я сделаю; ты лучше отдыхай. Матушка Карлин придет с утра, и тебе придется вернуться к работе.

— Спасибо, — проговорила Айви, с жадностью принявшись за скудный ужин.

Воскресенье, 5 февраля, 2017

Сэм с тяжелым сердцем припарковалась у дома, где жил Бен. Она еще помнила тот день, когда они нашли эту квартиру. Девушка была на позднем сроке беременности, и они обошли неисчислимое количество домов. А потом им показали это место, и Сэм в него влюбилась. Квартире лишь нужна была нежная забота, да еще немного краски. Зато имелся небольшой внутренний садик. И камин в гостиной. Они переехали сразу после свадьбы, и Бен попытался перенести Сэм через порог, но, учитывая ее восьмимесячную беременность, сорвал спину.

Поэтому он лежал на диване, а она в компании с дедушкой и своим животом делали большую часть ремонта. Бабушка сшила подушки на диван, а дед пожертвовал немного мебели из антикварного магазина. И постепенно это место стало домом. Сэм любила эту квартиру, с ней было связано столько воспоминаний. Они втроем плещутся в ванной, Эмма делает первые шаги по гостиной... Стремительно пролетели четыре года. И однажды — в пылу спора — Сэм предложила ненадолго переехать вместе с Эммой, чтобы остыть и сменить обстановку. Она была крайне удивлена, когда Бен согласился.

Сейчас Сэм видела его через окно. Бен с чайным полотенцем на плече ходил по гостиной, собирая игрушки Эммы. Девушка заметила, как при виде нее плечи его опустились, а челюсти сжались. И он ткнул указательным пальцем в часы на запястье. В эти выходные была не его очередь сидеть с Эммой. Но ему пришлось взять девочку, потому что она заболела, а Сэм работала. И он явно из-за этого злился.

Сэм заперла машину и направилась к двери. Она уже получила нагоняй от Мюррея, и если Бен набросится на нее с упреками, ей потребуются все силы, чтобы не выйти из себя. Пока шла по дорожке, Сэм снова и снова вспоминала разговор с Мюрреем. Он третировал ее с тех пор, как родилась Эмма.

Сэм вернулась к работе так быстро, как только получилось. Но она больше не могла, как прежде, работать по ночам или, забросив дела, все выходные гоняться за сенсацией. И в наказание он подсовывал ей последки со дна бочонка историй. Именно поэтому она придержала для себя то, что касалось Кэннон. Мюррей особой щедростью не отличался и попросту не заслуживал подобной истории. Она собиралась уйти из агентства, как только получит предложение получше. И вот это действительно могло стать мстью.

Сэм протянула руку и нажала на звонок.

— Привет, как дела? — спросила она, когда Бен, наконец, открыл дверь.

— Привет, — пробормотал он сквозь сжатые зубы, не встречаясь с ней взглядом. — Ты опоздала.

— Прости, я правда старалась улизнуть. Как Эмма? — спросила она у затылка Бена, пока он несся по коридору. Она так скучала по «старому» Бену, — тому, который после трудного дня наливал ей бокал вина и устраивал ванну с пузырьками. Этот же Бен, скорее всего, утопил бы ее в этой самой ванне.

— Хорошо. Кажется, все в порядке. Но она ничего не ела, так что я сейчас пытаюсь ее накормить. — Он убрал пальто и сумочку Сэм с дивана, куда она, войдя, бросила их. Уборка никогда не была его сильной стороной. Однако с тех пор, как Сэм переехала, он словно бы

каждым действием пытался подчеркнуть, что ему без нее намного лучше.

— Я могу помочь? — спросила Сэм.

— Сомневаюсь. При тебе она капризничает. — Он уселся обратно за стол, а Эмма сразу же потянулась к матери. Бен поднес ко рту дочери кусочек брокколи. Эмма быстро взяла его, но, вскрикнув, выплюнула на пол.

— Эмма, не балуй, — крикнул он.

Сэм подошла к Эмме и села рядом.

— Привет, милая.

Эмма наклонилась и обхватила ручками шею матери, упав со стула ей на колени. И начала хихикать.

— Спасибо! — прорычал Бен.

— Что?

— Ей нужно поесть. Чего-нибудь полезного. Так что она не встанет отсюда, пока не съест немного овощей.

— Прости. Я просто поздоровалась с дочерью.

— И теперь ты ее не усадишь. Я пытаюсь соблюдать хоть какой-то режим, а ты все портишь.

— Ладно. Хочешь, чтобы мы ушли? — Сэм начала подбирать с ковра кусочки брокколи.

— Ушли? Она обедает. Ладно, забудь, — раздраженно бросил Бен.

Сэм выпрямилась.

— Похоже, ты намерен ссориться. Нам лучше уйти.

— Конечно! Ты просто возьмешь и уйдешь, а мне здесь убирать! Как мило.

— Бен, прости, что тебе пришлось взять Эмму. Но у меня нет выбора. Бабушка вымотана, а я не могу просто так взять выходной.

— Приехали. Я вся такая несчастная и совсем не контролирую свою жизнь, которая летит вперед на американских горках. Держитесь все, если что — я не виновата, — саркастически пробормотал он, попытавшись засунуть ложку с едой Эмме в рот. Сэм разозлилась: Эмма была достаточно взрослой, чтобы есть самостоятельно.

— Это несправедливо, — прошипела она. — Ты предложил мне выйти на работу, сам же решил остаться дома с Эммой. Я говорила тебе, что будет тяжело.

— Ну, я полагал, что ты повзрослела, когда она родилась. Многие матери не могут оставить ребенка даже на день, не говоря уже о пяти, иногда и шести днях в неделю. — Бен поморщился, когда Эмма оттолкнула его руку.

Глаза Сэм защипало от слез.

— Черт возьми, да я вижу ее теперь намного чаще тебя. Потому что ты, предположительно, ищешь работу.

— Да, и завтра у меня два собеседования, к которым еще нужно подготовиться. Но, поскольку мне пришлось нянчиться с Эммой, то, похоже, шансов у меня там почти не осталось!

— Мы не можем все время полагаться на бабушку. Я надеялась получить повышение, чтобы мы смогли нанять няню. Но когда твой босс — полное дерьмо, этого трудно добиться.

— Если я получу работу, то мы сможем платить няне!

— Было бы здорово, — проговорила Сэм, пытаясь смягчить ситуацию. — Я вижу, что ты стараешься. Я не знала о собеседованиях. На какую должность?

Бен издал саркастический смешок.

— Что тебя беспокоит?

— На самом деле многое. Думаю, все, что происходит с тобой — здорово. Но если ты будешь проводить много времени на работе, тогда, может, стоит разработать план?

— Чтобы удержать меня на привязи? Ты об этом?

— Хочу пи-пи! — прокричала Эмма.

Бен тяжело вздохнул и потянулся за девочкой, сидящей на полу рядом с Сэм.

— Меня мамочка возьмет! — закричала Эмма. — Не хочу папу! Папа придурок!

Бен уставился на Сэм.

— Вижу, за моей спиной ты очень хвалебно обо мне отзываешься.

— Я не использовала при ней это слово. И никогда не говорила так о тебе. Вероятно, она подхватила это от тебя. Когда ты за рулем, ты и не так выражаешься. И что, черт возьми, ты имел в виду, говоря, что я хочу держать тебя на привязи?

Бен достал несколько влажных салфеток, чтобы вытереть лицо Эммы.

— Я просто имел в виду, что бабушка не всегда сможет быть рядом. И кому-то из нас придется сидеть с Эммой, если няня заболеет или тебе придется работать допоздна, и ты не сможешь быть дома вовремя. Я могу найти работу, но так я никогда не сделаю карьеру. Ты совершенно не замечаешь, что мне приходится терпеть. Похоже, работа оказывает на тебя странное влияние.

— Хочу пи-пи, — прокричала Эмма.

— Это не правда! Поверить не могу, что ты так сказал! — глаза Сэм наполнились слезами.

Бен поднял Эмму, и она сделала пи-пи прямо ему на ногу.

— Превосходно! — заорал он. — Эмма, тебе четыре года, ты скоро пойдешь в школу [\[32\]](#).

Неужели так трудно потерпеть?

Когда он стянул с Эммы влажную одежду, по маленьким щечкам покатались огромные слезы. Она умоляюще взглянула на Сэм и протянула к ней ручки. «Стоит запомнить этот момент», — подумала Сэм. Похоже, их отношения достигли самого дна, ударившись о подножие утеса.

Она подошла к дочери и погладила ее по волосам, мягко утешая, пока девочка не затихла. Закончив с переодеванием, Бен поднял Эмму и вручил ее Сэм.

— Вот, можешь забирать. А мне нужно пиво. — Он быстрыми шагами пересек комнату, потом снова взглянул на Сэм. — Если завтра она еще будет болеть, оставишь ее с бабушкой. Или сиди с ней сама. Я не собираюсь отменять собеседования. Ты знаешь, где выход.

Девочка уткнулась носом в шею матери. А Сэм стояла, глядя на диван, где они с Беном провели так много ночей, прижавшись друг к другу, пока Эмма мирно спала в переноске у их ног.

Потом она услышала, как хлопнула входная дверь. Так сильно, что задрожали стены в гостиной. И поняла, что в первый раз с момента встречи с Беном она совсем ничего не почувствовала.

Воскресенье, 5 февраля, 2017

Несмотря на бешено колотящееся сердце, Китти была практически без сил. Болели глаза, но, даже закрывая их, она не могла остановить лавину мыслей. Она хотела пойти спать пораньше, учитывая последовавшую за приемом бессонную ночь. Но после утреннего сеанса с Ричардом нервы были на пределе. И когда она все же легла, тиканье бронзовых часов в тишине вновь и вновь напоминало о том, как же мало ей удастся поспать. Она испустила тяжелый вздох и, смиряясь с очередной бессонной ночью, приподнялась на кровати и включила ночник.

Китти осмотрела спальню. Взгляд скользнул по темным дубовым половицам, старинной мебели, тщательно отобранному гравюрам из галерей по всему миру. Несмотря на месяцы работы с дизайнером по интерьерам, она никогда не могла решить, что же ей нравится. А когда, наконец, останавливалась на чем-то, сразу начинала испытывать отвращение и хотела выбрать что-то другое. В результате дом получился безликим. И порой ее не покидало ощущение, что она находится в одном из гостиничных номеров. За свою жизнь она повидала их множество.

Китти часто переезжала, отчаянно пытаясь найти место, которое смогла бы назвать домом. И сейчас, оглядывая комнату, ей вдруг показалось, что она всегда что-то упускала.

Отбросив одеяло, она ноги в тапочки и направилась к окну. Отдернула тяжелые шторы, и взгляд упал на Темзу внизу. Глядя на темную воду, отражающую огни проезжающих мимо машин, она чувствовала, как в теле нарастает усталость. И спустя какое-то время устроилась в стоящем у окна бархатном кресле.

Свет ночника падал сзади, в стекле она видела свое отражение на фоне темного ночного неба. Вскоре Китти почувствовала, что веки потяжелели. И, проваливаясь в дрему, она вдруг услышала шум и чье-то тяжелое дыхание. Кто-то бежал.

Темный туннель. Осколок света впереди. Она мчалась к нему, ноги расплескивали капающую сверху воду. Задыхаясь в темноте, она лишь чувствовала подавляющую потребность бежать. На бегу она опустила взгляд на покрытые грязью руки. В одной из них было что-то зажато. Она разжала ладонь, на землю со звоном упал ключ.

«Вернись!» — крикнул кто-то сзади.

Страх накатывал волнами. Подняв ключ, она вновь устремила к свету. Теперь позади слышался хлюпающий звук быстро бегущих ног.

«Остановись, дитя!»

Она чувствовала, что женщина приближалась. Преодолев несколько ступеней, она наткнулась на тяжелую дверь. Ощупала ее холодными руками, и, отыскав замок, вставила ключ, отчаянно пытаясь его повернуть обеими руками. У нее получилось, и она со всей силы толкнула тяжелую дверь. И выбежала в темноту ночи. Обернувшись, она захлопнула дверь за собой и вновь заперла ее.

«Открой сейчас же!» — кричала женщина, колотя по двери так сильно, что та содрогалась.

Ее окружила холодная зимняя ночь, подавляя своей необъятностью. Страх гнал вперед, она неслась к каменному строению, освещенному лунным светом. Ноги словно налились

свинцом. Земля была неровной и замерзшей. Девочка сильно ударилась о надгробие, споткнулась о каменный крест, и, потеряв равновесие, упала. Поднявшись на ноги, вновь услышала где-то позади женский голос. Но теперь он звучал еле слышно.

Когда она, наконец, достигла безопасности сарая, единственным ее спутником в морозной ночи было лишь собственное тяжелое дыхание. Входная деревянная дверь провисла на петлях, и она, осторожно отодвинув ее, вошла внутрь. Согнувшись пополам, пытаясь отдышаться, она осматривалась вокруг в поисках места, где можно спрятаться. Лунный свет сочился сквозь трещины в стенах, и она заметила в углу старый плуг, опиравшийся на груды кирпичей. Подбежав, она толкнула его изо всех сил, потом еще и еще. Когда плуг, наконец, упал на бок, она услышала в отдалении приближающиеся злые голоса, которые звали ее: «Эльвира! Эльвира!»

Китти резко проснулась, тяжело дыша. Она не сразу поняла, где находится. Что это снова был только сон. В голове всплыли слова Ричарда: «Сны — это нерешенные вопросы. Они действуют в твоём мозгу сами по себе, пока ты спишь... Думаешь, тот ключ все еще может быть там? Что твой сон говорит об этом?»

«Еще один день, — подумала Китти, — всего лишь день. И Обитель Святой Маргарет исчезнет навсегда».

И она уже никогда не узнает точно, сможет ли обнаружить правду.

Она встала и быстро направилась к шкафу, лихорадочно вытаскивая одежду.

Путь до входной двери показался бесконечным, но с каждым шагом ее решимость росла, а внутри вспыхивал крошечный проблеск надежды. Она нашла фонарь, натянула ботинки и водонепроницаемый плащ, потом вышла из квартиры и спустилась на лифте на первый этаж.

Когда она вышла на улицу, морозный воздух обжег лицо, губы тронула легкая улыбка. Ночь была темной и холодной. Но пока она шла в тени платанов вдоль по набережной Виктории, перед ней вприпрыжку бежала восьмилетняя Эльвира из воспоминаний, подбадривая с каждым шагом.

По пути она махнула черному такси.

— Отвезете меня в Престон? Это деревушка к северу от Брайтона.

— Чтобы мне провалиться! Это обойдется в пару сотен фунтов стерлингов, — проговорил водитель, наклоняясь к окну.

— Ладно. Только по пути нужно сделать остановку, я сниму наличные. — Она открыла дверь и устроилась на заднем сиденье.

Воскресенье, 5 февраля 2017

— Я так устала терпеть грубость, бабуль. От Мюррея, от Бена.

— Значит, хватит терпеть. — Оторвавшись от вязания, бабушка взглянула на Сэм.

— Какой у меня выбор? Если я порву с Беном, Эмма потеряет отца. А если пошлю Мюррея, то вылечу с работы.

— Бен всегда будет рядом с Эммой. Он слишком любит вас обеих. А что касается Мюррея... Может, это будет не так уж и плохо?

Сэм сидела в бабушкином кресле-качалке, прижав к себе Эмму.

— Бабуль, она и правда горячая. Думаешь, с ней все хорошо? — Сэм почувствовала подступающие слезы.

Бабушка поднялась со стула и погладила спину Эммы.

— Да, немного горячая. Но я мерила ей температуру, все в норме. Просто организм борется с вирусом. Несколько дней, и она будет совершенно здорова.

— Но ее нельзя вести в детский сад, пока она болеет. А у Бена эти собеседования...

— Я посижу с ней. Не переживай. — Бабушка ласково улыбнулась.

— Нет, бабуль, так не честно. Завтра я попрошу его зайти после собеседований и забрать ее. Просто сегодня вечером у меня нет сил для очередной ссоры. Чувствую, будто с тех пор, как переехала, наши отношения окончательно разрушились. И не знаю, есть ли путь обратно, — девушка заплакала, яростно утирая слезы. Эмма повернулась во сне и прижалась к ней еще теснее.

— Ты не сможешь вернуться. Но если вы оба готовы приложить усилия, можно двигаться вперед, — проговорила бабушка. — Я знаю, Бен старается. Но не слишком усердно выполняет свою часть соглашения. И несправедливо, что возлагает всю вину на тебя.

— Не знаю. Наверное, он просто подавлен. Я скучаю по прежнему Бену. Сейчас с ним очень тяжело найти общий язык. Такое чувство, будто я одна разрушила нашу семью, а он просто принял это как должное.

— Ты сможешь с этим справиться. Еще несколько лет, и все наладится. Ты сможешь уделять больше времени работе. Сейчас самый непростой период. Ты одновременно пытаешься строить карьеру и заботиться о ребенке.

— Так и есть. Но я буду скучать по времени, когда она была маленькой. Назад ничего не вернешь. — Сэм мягко коснулась пальцами локонов Эмми и поцеловала в теплую щечку. Но малышка оттолкнула ее.

— Ты не станешь счастливей, если целыми днями будешь сидеть с Эммой дома. У нее есть Бен, есть я, ей нравится ходить в детский сад. Скоро она пойдет в школу. Сейчас ты проводишь с ней столько времени, сколько можешь. Она счастлива, о ней хорошо заботятся. Когда Эмма станет старше, ты будешь нужна ей намного больше. А если бросишь любимую работу и станешь совсем несчастной, какой пример ты ей подашь?

— Но я провожу на работе уйму времени. Не вижу Эмму, Бен меня ненавидит, а босс не уважает. Я так устала ежедневно выкладываться по полной, и по-прежнему всех разочаровывать.

— Не думаю, что босс тебя не уважает. Скорее, ты не уважаешь его. Я бы тоже не стала.

Похоже, он просто бесхарактерный тип.

Сэм посмотрела на бабушку, которую сильно любила. От нее всегда пахло розовой водой, и она часто улыбалась, несмотря на причиняющее боль бедро. Сэм видела, что письма Айви тронули и бабушку, которой очень хотелось бы узнать свою настоящую мать.

— Прости, бабуль, что письма так тебя расстроили. Ты ведь подумала о своей матери? Ты когда-нибудь пыталась ее найти? — мягко спросила Сэм.

— Не беспокойся обо мне, милая. — Бабушка сосредоточенно считала петли.

— Ты же не всегда ладила с приемными родителями? Кажется, им не слишком понравилось, когда ты забеременела?

— Да, им было трудно это принять. Но они всегда поступали так, как считали лучше. Сомневаюсь, что я была покладистым ребенком.

— Но ты думала о ней? О своей настоящей матери? — Сэм взглянула на бабушку, надеясь, что та поднимет взгляд.

— Иногда. Наверное, она давно умерла, — тихо сказала бабушка.

— Ты этого не знаешь. Тебе только шестьдесят, она может быть жива. Я могу помочь тебе ее искать.

Бабушка сосредоточилась на вязании. Ловко двигались пальцы, щелкали спицы. Знакомый звук. Сэм много раз под него засыпала.

— Сэмми, ты кое-чего не знаешь, — вдруг произнесла бабушка. — Мне нужно тебе рассказать.

— Конечно, бабуль. Что именно? — спросила Сэм, подавшись вперед. Потревоженная Эмма тихо вскрикнула. — Давай я только уложу Эмму. А потом мы сможем поговорить. Хорошо?

Бабушка кивнула и опустила вязание на колени, ее глаза наполнились слезами. Сэм вдруг стало стыдно за свою настойчивость.

Она прошла в спальню, которую делила с Эммой, и положила девочку в кроватку. Малышка начала плакать.

— Тс-с, — прошептала Сэм, трогая ее лоб. — Все хорошо, милая.

Она вернулась обратно в гостиную.

— Прости, бабуль, у нас еще остался калпол [\[33\]](#)? Думаю, нужно попытаться сбить температуру.

— Я посмотрю. — Бабушка встала с кресла.

Сэм проводила ее взглядом до кухни.

— Прости, что заговорила о поисках твоей матери, — произнесла девушка. — Это не мое дело. Просто не могу выбросить те письма из головы. В том монастыре творилось что-то ужасное. Я знаю. Чувствую.

Бабушка остановилась в дверях.

— Тогда ты обязана выяснить, что именно.

— Как? — Сэм тяжело вздохнула.

— Найди доказательства. Я не для того потратила столько денег на твое обучение, чтобы ты пасовала перед трудностями. — Она исчезла в кухне, и Сэм услышала стук дверцы буфета.

— Бабуль, я училась в общественной школе, — рассмеялась она.

— Ну а я работала на трех работах и платила налоги! Помнишь, что всегда говорил дедушка? Если думаешь, что слишком мала, чтобы на что-то повлиять, попытайся уснуть с

комаром в комнате. — Бабушка вернулась с лекарством, улыбаясь, протянула его Сэм.

— Спасибо, бабуль. Я дам ей немного, а потом мы поговорим.

— Все в порядке, милая, занимайся Эммой.

— Ладно. Я быстро с ней управлюсь. Хочу знать, что тебя гнетет.

— Я просто хотела поговорить о дедушке, но это может подождать. Не бери в голову. —

Бабушка повернулась к своей комнате. — Если вам больше ничего не нужно, наверное, я пойду спать. Если понадобится, разбуди меня. Вот последнее письмо Айви. Я вложу его в твой блокнот к остальным.

— Хорошо, бабуль, спасибо. Прочитаю, как только смогу.

Дав Эмме калпол и убедившись, что девочка уснула в своей кроватке, Сэм быстро закинула в сумку ноутбук и блокнот и выскользнула на тускло освещенную улицу. Холодная «Нова» завелась лишь с третьей попытки. Но, несмотря на то, что кашляющий двигатель ожил, Сэм ощутила, что салон начал прогреваться, лишь остановившись перед домом престарелых «Грэйсвелл».

Она взглянула на часы. 22:45. Через пятнадцать минут начнется смена Джеммы. Сэм выключила передние фары, чтобы не привлекать к себе внимания, но двигатель и почти бесполезная печка продолжали работать. Конечно, она привыкла топтаться у порога, но сейчас ощущала неловкость, бродя возле чужой собственности без согласия своего босса. Встреча с Мюрреем далась ей нелегко. Ее вера в себя и так была подорвана из-за постоянных ссор с Беном и чувства вины перед Эммой. Несмотря на частые крики, Сэм всегда думала, что Мюррей ценил ее усердие, что между ними было понимание, взаимное уважение. Очевидно, что нет. Она хотела выбросить все это из головы, выплеснуть злость, прокричав о его недостатках, но все равно было больно.

Она так погрузилась в свои мысли, что заметила Джемму, лишь когда та фактически прошла рядом с машиной. Внутри все сжалось. Ей нужно задержать Джемму до того, как та войдет внутрь. Но если Сэм внезапно выскочит из темноты, то обеспечит бедной девушке сердечный приступ. Она быстро опустила окно и помахала рукой, словно они были подругами и просто давно не виделись.

— Джемма! Джемма, это я, Сэм. Я приходила сегодня.

Девушка остановилась и обернулась, сначала не в силах понять, кто же зовет ее из темноты. Сэм вышла из машины.

— Простите, я не собиралась вас пугать. Как вы? Можно вас на пару слов?

— Вообще-то нет. Через десять минут начнется моя смена, а мне еще нужно переодеться. — Сэм отметила, что Джемма выглядела бледной и уставшей, исчезла та живость, что прежде сквозила в ее поведении. Она раздраженно убрала с лица выбившиеся из хвоста волосы и заправила их за ухо.

— Я видела вас на похоронах Отца Бенджамина, — мягко сказала Сэм. — Вы были очень расстроены. Не думала, что вы его знали.

— Вам лучше уйти. Прошу вас. Нас не должны видеть вместе. Из-за того, что вы проникли в комнату Сестры Мэри-Фрэнсис, мне здорово досталось. Я чуть не осталась без работы. — Джемма взглянула на нее. — Заведующая хотела позвонить в полицию, но Сестра Мэри-Фрэнсис убедила ее этого не делать.

— Мне правда жаль, но я должна была с ней поговорить. — Сэм удивила вспышка Джеммы.

— И очень ее расстроили! — резко бросила Джемма. — У нее проблемы с сердцем.

Сестре тяжело говорить о Матушке Карлин; она все еще по ней скучает. — Она сунула руку в сумочку и достала зазвонивший телефон. — Это с работы. Меня уже потеряли. Мне нужно идти.

— Вы знаете женщину, которая встала посреди службы? — спросила Сэм.

— Нет. Кто вы на самом деле? И чего, черт возьми, хотите? — выпалила Джемма.

— Я — репортер, — призналась Сэм. — Сестра Мэри-Фрэнсис намекнула, что с Матушкой Карлин что-то произошло. Я пытаюсь выяснить, что именно.

— О боже. Просто уходите, — Джемма повернулась и зашагала по тропинке.

— Джемма, думаю, вы что-то скрываете. И мне не хотелось бы делиться своими подозрениями с полицией.

Девушка остановилась. Сердце Сэм так бешено колотилось в груди, словно от этого момента зависела вся ее жизнь.

— Если вы расскажете, что вас терзает, обещаю, об этом никто не узнает, — тихо произнесла Сэм, чувствуя одновременно вину и облегчение, когда Джемма повернулась; в глазах ее стояли слезы.

— Я не могу говорить сейчас, я опоздаю на работу. Коллега ждет, когда я ее сменю.

— Можете уделить мне всего пять минут? — умоляла Сэм. Она боялась, что Джемма передумает, если позволить ей сейчас уйти. — Отправьте сообщение, что ваш автобус опоздал или еще что-нибудь. Если поговорите со мной сейчас, я больше никогда вас не побеспокою.

— Обещаете? — Джемма смахнула слезы.

— Да, — улыбнулась Сэм. — Может, сядем в машину? Снаружи холодно.

Как только Джемма захлопнула дверцу, устроившись на пассажирском сиденье, она расплакалась всерьез. Сэм терпеливо ждала, глядя, как утекают драгоценные секунды. Джемма, рыдая, писала сообщение в телефоне. Потом, закончив, вытерла нос рукавом.

— Не торопитесь, — Сэм протянула ей бумажный носовой платок.

Джемма громко шмыгнула носом.

— Ваш визит создал мне кучу проблем. Из-за вас меня уже дважды вызывала заведующая.

— Мне, правда, жаль, Джемма. Я бы никогда не прокралась тайком, если бы это не было так важно.

— Ну, о чем бы вы ни беседовали, Сестра Мэри-Фрэнсис очень расстроилась. И с самого утра, не умолкая, говорила о Матушке Карлин. Я уже чувствую, словно знала эту женщину, хотя и никогда ее не видела.

— Что вы имеете в виду?

— На самом деле я не должна об этом говорить. — Джемма смяла бумажный платок в кулаке.

— У вас не будет неприятностей. Я никогда не выдаю свои источники. Это что-то вроде профессиональной этики.

Джемма какое-то время молча смотрела на Сэм, потом глубоко вздохнула.

— Матушка Карлин была здесь еще до меня. И, похоже, с ней было непросто. Лицемерила, умело манипулировала людьми. Добилась увольнения одного из сотрудников. И вообще, насколько я смогла понять, была порядочной сукой.

— Продолжайте, — подбодрила Сэм, прибавляя педаль.

— Подруга моей матери Эми, которая и устроила меня сюда, рассказывала, что

служащие всегда глумились над тем, как поднять ей настроение. Однажды утром Эми вошла в комнату Матушки Карлин и обнаружила, что ночью та умерла от сердечного приступа. В «Грэйсвелле» такое и раньше случалось. Но Эми увидела на тарелке у кровати половинку лепешки с гашишем. И сразу же ее узнала, потому что пекла сама. Об этих лепешках знали многие. Заведующая, случайно услышав, что они лежат у Эми в сумке, конфисковала их. Похоже, было общее собрание персонала по поводу наркотиков на рабочем месте. Эми чуть не уволили. В комнате персонала даже приказ повесили. Должно быть, лепешки находились в кабинете заведующей. Кто-то взял одну и дал Матушке Карлин. И, похоже, в них содержалась кислота, так что воздействие было очень сильным.

— Что? — спросила Сэм, открыв рот.

— Эми клянется, что не давала их ей. Вероятно, кто-то просто решил сыграть безобидную шутку с монахиней. Но у Матушки Карлин было слабое сердце, и оно не выдержало. К счастью, в комнату к ней в то утро вошла именно Эми. Так что она смогла забрать половинку лепешки до приезда «скорой». Эми ждала последствий, но ничего не случилось. Полагаю, следователи не стали искать наркотики в теле семидесятипятилетней монахини. Эми об этом никому не рассказывала, лишь мне. Все случилось больше десяти лет назад. Наверное, ей просто нужно было облегчить душу. — Джемма снова начала плакать. — Сестра Мэри-Фрэнсис сказала, что слышала той ночью, как Матушка Карлин зывала к Сатане. Но у Матушки часто были ночные кошмары, так что Сестра не стала никого звать. Она говорит, что никогда себе этого не простит. Ко мне случившееся отношения не имеет, но я тоже чувствую вину — за молчание. Почему кто-то хотел навредить Матушке Карлин?

— Это я и пытаюсь понять, — пробормотала Сэм. — Вы уверены, что не знаете женщину с похорон Отца Бенджамина?

— Только то, что монахини очень разволновались, когда ее увидели. После службы в «Грэйсвелле» было застолье, и я слышала их разговор.

— Что они говорили? — спросила Сэм, наклоняясь вперед.

— Думаю, я сказала достаточно. — Джемма открыла дверцу машины. — Вы обещали, что теперь оставите меня в покое.

— И сдержу слово. Прошу вас, Джемма, просто скажите, о чем они говорили. Это действительно очень важно.

— О том, как хорошо, что все записи были уничтожены. Что пришло время двигаться дальше. — Джемма вылезла наружу, затем помедлила, положив руку на крышу, и заглянула обратно. — Может, вам стоит внять их совету.

Сэм смотрела, как Джемма идет по замерзшей тропинке в «Грэйсвелл». Затем вытащила свой блокнот и под именами Отца Бенджамина и Джорджа Кэннона написала: «Матушка Карлин».

Суббота, 12 августа 2006

Матушка Карлин села на край кровати, воспаленные, почти негнувшиеся руки сложились поверх Библии в молитвенном жесте. Несмотря на проведенный в праздности день, она чувствовала сильную физическую усталость. Для нее подобное уже стало привычным. «В старости мало приятного», — мелькнула мысль. Она перекрестилась и положила четки и Библию на прикроватный столик. Впереди лишь бесконечные болезни и недомогания, да еще душевные расстройства из-за утраты сверстников. Она уже и не помнила, когда просыпалась в последний раз, не чувствуя дискомфорта, с оптимизмом встречая грядущий день.

Матушка потянулась за ходунками и осторожно передвинула хрупкое тело, поворачиваясь к ним лицом. Ее все еще трясло после вчерашней поездки в больницу. Бестактный молодой консультант после множества ощупываний и уколов пришел к выводу, что ее сердце сдавало. И как только пройдет очередной бронхит, ей понадобится кардиостимулятор. Но приступы кашля все еще были очень сильными. Порой она даже думала, что ребра могут вылететь из груди. Так что все это будет очень нескоро. К тому же, с того самого момента, как ее прошлым вечером подняли с инвалидного кресла и уложили в кровать, она чувствовала такую усталость, что не знала, сможет ли найти в себе силы просто еще раз проснуться.

Снаружи было жарко и душно, но легкий ветерок приносил какое-то облегчение. Библия лежала открытой на прикроватном столике, ее выцветшие страницы колыхались, словно крылья пойманной бабочки. Наконец они замерли на первой странице, где все еще виднелся штамп обители Святой Маргарет. Матушка Карлин, глядя на него, словно чувствовала, как ее тянет назад во времени.

Ее кабинет в обители, запах лака, исходящий от половиц из красного дерева, шум дождя, барабнящего в крошечное окошко. Она в очередной раз говорила с только что прибывшими девушками. Они вытянулись в линию перед ней, все в коричневых форменных робах, все с выступающими вперед животами.

— Месса в шесть утра, — объявила она. — Следом завтрак, потом работа в прачечной до восьми. Разговоры не допускаются; ленивыми языками управляет дьявол.

Девушки всегда стояли, опустив головы, а она прохаживалась перед ними, перебирая в пальцах четки.

— Вы все совершили тяжкий грех. Но и грешники могут вновь обрести путь назад к Господу нашему Иисусу Христу через силу молитв и тяжкий труд.

Она взглянула на часы на прикроватном столике и вздохнула. Ночная сиделка была довольно трудолюбива по современным стандартам, но имела склонность отвлекаться. Какое-то время назад Матушка Карлин попросила принести ей горячего молока. Она почти не ужинала, и теперь желудок болезненно урчал. Уже дважды монахиня безуспешно нажимала на кнопку вызова, но ответа все еще не было.

Раздраженно опершись на ходунки, она направилась к тапочкам, стоявшим у другого края кровати. Проживание в «Грэйсвелле» было комфортным. Но повседневным мелочам не уделялось должного внимания. Все было иначе, когда она стояла у руля обители Святой

Маргарет. Немыслимо, чтобы ее, равно как и Отца Бенджамина, проигнорировали, особенно в такой поздний час. То, что требовалось регулярно, доставлялось к дверям их комнат с завидной пунктуальностью. Если же что-то выбивалось из обычного порядка, звонок колокольчика вызывал ночную дежурную Сестру. И через несколько минут они получали необходимое.

Сегодняшняя молодежь была неорганизованной и безответственной. И за подобное поведение не наказывали. Она же пришла из другого мира, где наказание — или просто угроза его — было частью повседневной жизни. Дома за непослушание полагались побои, и каждый вечер приходилось замаливать свои грехи перед Господом и просить прощения. Даже если родители не знали о плохом поведении, Бог видел все и всегда. Даже волосы на голове все были сочтены. Она злилась при одной только мысли, что Церковь, прежде почитаемая превыше всего, теперь являлась всего лишь живописным местом для проведения рождественских служб, крестин и свадеб. Она читала газетные статьи о домах матери и ребенка, слышала, как шептались сиделки, когда появлялись посетители, пытаясь отыскать своих родных. Она знала, что люди о ней думали, и не обращала на них внимания.

Господь избрал ее для очищения заблудших душ, чтобы те могли, представ перед Всемилосердным Отцом у врат рая, быть допущенными внутрь. Ей поручили дело, и когда она встретится с Создателем в час своей смерти, она знала, что Он будет милосерден к ее душе.

— Эми? — позвала она, открывая дверь спальни и выходя в коридор. От усилий вновь разыгрался кашель, и она стояла пару минут, тяжело дыша и чувствуя, что ноги могут подогнуться. Но голод гнал ее вперед. Взглянув в дальний конец коридора, она увидела, что на кухне горит свет. Тапочки цеплялись за ворс ковра под ногами, и ей с трудом удавалось приподнять их настолько, чтобы двигаться вперед.

— Вы что-то хотели, Матушка? — спросил мягкий женский голос, и Матушка Карлин, подняв взгляд, увидела в конце коридора силуэт женщины с пылесосом.

— Немного горячего молока. А Эми, как обычно, исчезла. — Свет был тусклым, и она не смогла различить лицо женщины.

— Конечно. Возвращайтесь в свою комнату. Я подогрею молоко и принесу. — Женщина присела на корточки, сматывая шнур пылесоса.

— Спасибо. Вы знаете, где моя комната?

— Да, Матушка, знаю.

Она была в ванной, когда пять минут спустя открылась дверь, и на столик возле кровати поставили поднос с горячим молоком и домашней лепешкой. Она прокричала женщине «Спасибо!», но не получила ответа. Неожиданно приятно после глупого щебета и пустых обещаний, к которым она уже начала привыкать. Матушка Карлин закинула ноющие ноги на кровать, потом выпила молоко и с жадностью съела половину лепешки, оставив остальное на потом. Приятно, что хоть что-то изредка вызывало аппетит. Желудок часто урчал и стонал, но желания поесть практически не было.

Вскоре ее веки потяжелели, в глаза будто песка насыпали, а голова все чаще склонялась на грудь. Она выключила ночник и провалилась в дремоту. Ее пробудило тиканье часов, словно муха, жужжащая возле самого уха. Звук все нарастал и вскоре стал почти невыносимым. Отдельные «тик-так» словно тянулись, удлинялись, пока не слились в протяжный низкий гул. Матушка Карлин попыталась отвернуться, но тело стало тяжелым, а руки словно налились свинцом. Она не могла даже поднять их, чтобы почесать зудящий

кончик носа.

Когда она медленно повернула голову, чтобы проверить время, ее начало охватывать беспокойство. По ощущениям пролетело несколько часов, но на самом деле прошли лишь минуты. Она смотрела на часы, и под ее взглядом стрелки начали таять, превращаясь в струйки крови, медленно сочащейся по тонкой трубочке. Матушка Карлин прошлась по ней взглядом и уткнулась в свою руку. Часто заморгала, пытаясь осознать увиденное. Трубочка, примотанная липкой лентой, заканчивалась толстой иглой, вставленной в ее предплечье.

— Все так, как и должно быть, — произнесла Сестра Мэри-Фрэнсис, которая теперь стояла возле ее кровати.

— Сестра, во имя всего святого, что вы делаете? — спросила Матушка Карлин.

— Простите? — проговорила Сестра Мэри-Фрэнсис.

— Сейчас же вытащите это из моей руки, — велела Матушка Карлин.

— Ребенку нужно появиться на свет, дитя. И он явно не намерен делать это самостоятельно. Схватки должны продолжаться.

— Какому ребенку? — спросила Матушка Карлин.

— А разве не очевидно, милая? Не ты ли флиртовала с тем мальчиком и позволила ему везде себя трогать? Не ты ли совершила плотский грех? — допытывалась Сестра Мэри-Фрэнсис.

Матушка Карлин перевела взгляд с Сестры Мэри-Фрэнсис на свой собственный живот. Теперь он выступал так сильно, что она не видела ног. На ней была коричневая роба. Она попыталась встать с кровати, но совершенно не чувствовала своего тела.

— Сестра, это я, Матушка Карлин. Я не могу двигаться. Помогите мне! — В животе взорвалась волна боли, и она, вскрикнув, схватилась за него.

— Похоже, действует. Я найду тебя проверить через пару часов.

— Не оставляйте меня одну, Сестра.

Ее снова накрыла волна сильной боли. Она смотрела, как Сестра Мэри-Фрэнсис выходит из комнаты. Потом перевела взгляд на капельницу. В жидкости плавали крошечные черные насекомые, чем-то напоминающие змей. Она закричала, глядя, как они скользят вниз к ее руке.

Матушка Карлин посмотрела на свой живот. Внутри яростно метался ребенок. Она видела, как его конечности натягивают ткань робы. Еще одна волна боли, и на пол хлынул поток жидкости. Повернув голову, она увидела кровь вокруг кровати.

— Ты все правильно делаешь. Похоже, ребенок выходит.

Матушка Карлин взглянула на край кровати, где стояли две девушки в коричневых робах.

— Где Сестра Мэри-Фрэнсис? — спросила она.

— Она занята и попросила нас тебе помочь, — пояснила одна из девушек, вставляя ноги монахини в стремяна.

Матушка Карлин закричала, когда ее накрыла новая волна боли.

— Прекрати кричать. — К ней подошла вторая девушка с бледной грязной кожей и выстриженными пучками волос. — Думаешь, все мечтают проснуться от твоих криков? Если ты страдаешь, то только потому, что заслужила. Такова воля Господа, и ты должна ее принять.

— Отойди от меня, — Матушка Карлин снова мучительно вскрикнула.

— Я вижу головку! — Первая девушка возникла у ее ног и слегка улыбнулась. — А

теперь тужься.

Матушка Карлин тужилась изо всех сил, задыхалась, громко стонала. И вскоре детский крик эхом разнесся по комнате.

— Это мальчик! — радостно воскликнула девушка.

Матушка Карлин с ужасом смотрела, как девушки ворковали над ребенком, потом завернули его в одеяло и принесли ей.

— Смотри, какой красивый, — проговорила первая девушка.

Ребенок был весь в крови. Его кожа просвечивала настолько, что Матушка Карлин видела каждую жилку на его лице и бьющееся в груди сердце. На лбу его росли рожки. Он громко кричал, обнажая острые, как бритва, зубки.

— Уберите его! — закричала она.

— О боже, — проговорила одна из девушек. — У нее все еще идет кровь. Позвать доктора?

Матушка Карлин посмотрела на пол. Теперь лужа крови покрывала большую часть ковра.

— Нет, я сделаю пару стежков. Должно помочь.

Девушка порылась в кармане и вытащила грязную иголку, нитку, перепачканную чем-то липким и, похоже, сладким, и бумажную салфетку. Потом поставила стул у ног Матушки Карлин.

— Не прикасайся ко мне этой иголкой, — закричала Матушка Карлин, но девушка начала шить. Монахиня рыдала, цеплялась за подушку, скручиваясь от боли. — Прошу, остановись, это невыносимо.

— Перестань шуметь, — посоветовала девушка. Она что-то насвистывала в процессе работы. Матушка Карлин задыхалась от боли, когда иголка вонзалась в ее плоть.

— Вы готовы забрать его сейчас? — Другая девушка подняла ребенка и открыла дверь ванной, где, беспокойно ожидая, стояли опрятно одетые молодые мужчина и женщина.

— О Джеффри, он такой красивый, — сказала женщина мужу. Девушка протянула ей ребенка, а Матушка Карлин лишь смотрела. Ее ноги все еще были в стремях, по щекам струились слезы.

Теперь кровь на полу превратилась в море красной лавы. Она чувствовала исходящий от нее жар, слышала шипение и треск. Частицы ее взлетали, раскаленными искрами опускаясь на одеяло. Постепенно лава густела. Теперь она окружала Матушку Карлин со всех сторон. Она почувствовала, что кровать начала опускаться, словно лава сжигала ее снизу. Потом вытащила ноги из стремян, повернулась на бок и начала молиться, глядя на танцующие вокруг языки пламени.

— Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня (Псалтирь 22:4 (Псалом Давида). Русский синодальный перевод (Протестантская редакция)).

Она в отчаянии посмотрела в направлении двери. Казалось, та отодвигалась все дальше и дальше, так что вскоре издали стала похожа на мышиную нору. Теперь она была в море. В море пылающего огня, из которого тянулись детские ручонки. Они пытались ухватиться за нее, чтобы утянуть за собой вниз.

Кровать погружалась все глубже, пока не превратилась в плот, за который Матушка Карлин отчаянно цеплялась. Смеясь и будто забавляясь игрой, дети начали хвататься за него. Она пыталась отцепить их пальцы, но детей было слишком много. Наконец, она больше не

смогла держаться, и, набрав в легкие побольше воздуха, погрузилась в расплавленную лаву. Она отчаянно дергала руками и ногами, чтобы вновь выбраться на поверхность, но сильный жар поглотил ее.

Вспышка неопишуемой боли пронзила руку, помешав вновь уцепиться за остатки кровати. Матушка Карлин пыталась закричать, но детские руки, залепив ей лицо и рот, утянули ее вниз.

Воскресенье, 5 февраля 2017

Такси мчалось по автостраде. Китти сжимала в руке ключи от входной двери. Острые зубчики, вонзаясь в ладонь, позволяли сосредоточиться, невзирая на беспокойство. Она понятия не имела, с чем может столкнуться, когда доберется до места. Китти больше не возвращалась в сарай с той ночи. Просто боялась, да и не видела особого смысла. Отец Бенджамин сказал ее отцу, что сестра мертва и похоронена. Но теперь она не была в этом так уверена.

Когда они приехали в Брайтон, страх и сомнения почти полностью захватили ее. Воспоминания отступали при мысли о сегодняшней ночи. О поисках сарая в темном поле. Дом собирались снести послезавтра. Вокруг него могли соорудить ограду. И без сомнений должен быть охранник. Она вдруг подумала, что вряд ли сможет добраться до сарая. Но продолжала смотреть на дорогу, не останавливая водителя, не попросив его повернуть обратно. У нее был лишь один-единственный шанс, и она должна попытаться.

Китти выровняла дыхание, решимость вернулась. Ей хотелось ехать быстрее, насколько возможно. Она посмотрела на часы. Чуть больше одиннадцати. Китти видела, как водитель такси пару раз бросал на нее взгляд в зеркало заднего вида, чувствовала, что он ее узнал. Вероятно, потом будет рассказывать друзьям о странной поездке с женщиной из телика. Но это ее не волновало.

На горизонте возникла Саманта Харпер, вскоре связь Китти с обителью Святой Маргарет выплывет наружу. Она так долго скрывала правду. Но зачем? Кого она защищала? Может, она подсознательно хотела, чтобы все стало известно. Иначе, почему она открыто появилась на слушании по делу Отца Бенджамина? Теперь, прежде чем снесут обитель, ей нужно узнать лишь одно. Не совершила ли она ошибку, не вернувшись в сарай. Если был какой-то знак, связывающий ее сестру с обителью Святой Маргарет, она должна знать.

Когда они выехали на проселочную дорогу, водитель спросил:

— Куда именно ехать в Престоне?

— Просто на другой конец деревни. — Китти двигала головой из стороны в сторону, чтобы размять одеревеневшую шею. — Мне нужен огромный викторианский особняк, обитель Святой Маргарет. Его должны снести, так что, полагаю, нужно искать стройплощадку.

— Это она?

В свете передних фар Китти осматривала местность. Водитель указал на горизонт. Моросил мелкий дождь, дворники шуршали по лобовому стеклу. Внезапно из темноты выплыли черные очертания обители Святой Маргарет. Когда такси остановилось у ворот, серые облака разошлись, и луна осветила внушительный готический особняк, что так долго владел ее воспоминаниями. Теперь, когда она была рядом, дом вызывал совсем другие чувства; его властный облик, стоявший перед мысленным взором, словно померк. Так бывает, когда выросший ребенок навещает на смертном одре суровых деда с бабкой.

— Сколько я вам должна? — она потянулась к своей сумочке, глядя на счетчик.

— Вы уверены, что это нужное место? — Водитель такси был в замешательстве.

Китти заглянула в бумажник, вытащила пачку двадцатифунтовых банкнот.

— Да, все в порядке.

— Вы с кем-то встречаетесь? — спросил он, хмурясь.

— Да, — спокойно подтвердила Китти. — У меня встреча в сарае позади дома.

— Может, объехать кругом?

— Хорошо. Вы очень любезны.

Китти села обратно, и они двинулись вдоль дома по ухабистой тропинке. Машину трясло и бросало из стороны в сторону. Разбитые окна дома словно наблюдали за ними. Вскоре такси уедет, а она останется под ледяным дождем посреди ничего, одинокая и крайне уязвимая. Она закрыла глаза и попыталась успокоить дыхание, вытянула руку, чтобы почувствовать пальцы сестры на соседнем сиденье.

— Возможно, здесь? — спросил водитель, останавливая машину, визг тормозов пронзил ночь. — Похоже, здесь дыра в изгороди. И, смотрите, какие-то огни на другой стороне кладбища.

Китти открыла глаза. В свете передних фар она увидела огромную изгородь, окружавшую по периметру обитель Святой Маргарет. И зияющую в ней брешь. Вероятно, дети постарались. По ту сторону угадывались ряды увитых плющом надгробий.

— Я его найду, я была здесь прежде.

— Буду счастлив отвезти вас обратно. Неправильно бросать вас здесь, — произнес водитель. — Мне нужно что-нибудь перекусить, но потом я вернусь за вами.

— Спасибо, — проговорила Китти. Ей стало легче при мысли, что он подумал об этом. — Я это очень ценю.

Водитель нажал на кнопку, чтобы отпереть дверь, и Китти вылезла в ночь. Она одернула свитер и плотнее запахнула плащ, потом двинулась к ограде и протиснулась через дыру. Нащупала кнопку на фонарике, и из него заструился слабый свет. Затем, пытаясь успокоить нервы, закрыла глаза и представила лицо сестры. Спустя столько лет воспоминания подернулись дымкой.

Когда такси, грохоча, двинулось по дороге, она осмелилась пойти вперед, не обращая внимания на беспокойство, пронзительной болью отдающееся внутри. Туманное кладбище, казалось, ожило, звуки ночи заполнили пространство за пределами света фонаря. Земля хрустела под ногами, когда звери разбежались прочь; над головой шелестели листья — птицы и белки неслись прочь к безопасности. Китти направила фонарь на надгробия. Полированный мрамор покрывали слова благодарности. Здесь покоились Сестры Милосердия, умершие во время своего служения в обители Святой Маргарет. Ушедшие, но не забытые. Утешающее видение смерти. Китти торопилась изо всех сил по лабиринту надгробий, то и дело спотыкаясь на неровной, замерзшей земле кладбища.

Все могилы были разрыты; тела забрали, чтобы захоронить где-то в другом месте. Оставшиеся ямы заполнили песком и камнями. Китти шла среди них, размышляя, как далеко отсюда похоронили ее сестру. Если ее и правда убили, то отчет о раскопках поведал, что ей не устроили подобающих похорон. Так, где в этом мерзлом аду покоились ее останки? А если ее не убили? Если она осталась жива? Может, Китти сошла с ума, если даже допускала мысль, что спустя столько лет она все еще могла жить здесь?

Она торопилась вперед, снова споткнувшись несколько раз, когда земля стала еще более неровной. Чем дальше она шла по кладбищу, тем меньше становились могильные плиты, превращаясь в обычные куски камня с выгравированными лишь именами и датами. «Сара Джонсон, январь 1928 — апрель 1950». «Всего лишь двадцать два на момент смерти», —

подумала Китти, зацепившись ногой за заросли колючек. Ей пришлось положить фонарь, чтобы освободиться. «Эмма Локвуд, июль 1942 — декабрь 1961» — читалось на лежащем на земле разбитом кресте. Девятнадцать. Еще ребенок. Многие курганы совсем не имели надгробий, лишь крошечные деревянные крестики; их острые углы сгладились под влиянием времени. «Клара Локвуд, младенец, декабрь 1961» — было написано на маленькой плите из серого камня чуть впереди. «Кэтрин Хендерсон, февраль 1942 — июль 1957». Китти пыталась сосредоточиться на своей цели, но ее начало трясти при мысли об этой юной девушке. Всего пятнадцать, ее тело еще не было готово к материнству. Скорее всего, она умерла в муках в лазарете обители Святой Маргарет.

Когда она двинулась к свету на краю кладбища, где-то залаяла собака. Китти вздрогнула, стараясь успокоиться, пока ночь кружилась вокруг. Опустившись на большой камень, засунув руки в карманы, чтобы не окоченели, она жадно ловила морозный воздух. Фонарь лежал на земле, там, где она его уронила. «Клара Джонс», «Пенни Фрост», «Нэнси Уэбб». Ни эпитафий, ни стихов, чтобы проводить эти бедные души.

Шум вокруг становился все громче, словно голоса шептались среди деревьев. Опустив голову на руки, Китти услышала глухой звук. В ее мозгу вспыхнул образ молодой матери и ребенка, брошенных в грубо сколоченный гроб и наспех опущенных в землю. Она закрыла уши, но еще слышала бормотание и стоны уставшего могильщика, кидающего землю обратно в яму. Эту часть кладбища никто не посещал. Она чувствовала тошноту при мысли обо всех несчастных, лежащих в самодельных могилах, растоптанных, непризнанных семьями, которые выбросили их у ворот.

Она вернулась обратно в настоящее, когда снова залаяла собака, и увидела тени, движущиеся среди деревьев. Ее все больше охватывало чувство, что за ней наблюдают. Если Эльвира была здесь, она, наверное, ждала, когда Китти подойдет ближе, чтобы обратиться к ней, не привлекая чужого внимания. Ей нужно встать и продолжить путь. Чем дальше она пройдет, тем больше у нее шансов отыскать сестру.

Со стоном подобрав фонарь, она заставила себя подняться с камня, ища путь вперед, а собака залаяла снова. Она пыталась не думать, что пес может внезапно появиться перед ней, сбить с ног, наброситься, разрывая холодную, как лед, кожу.

Китти пошатнулась и схватилась для поддержки за стальную изгородь, которая тихо задрезжала от удара. Она пошла вдоль ограды, используя ее в качестве ориентира, проводя окоченевшими пальцами по колючей проволоке. Через какое-то время она почувствовала, что ноги слишком устали, чтобы дольше держать ее. Собака теперь молчала, и свет вдали исчез. Если она пойдет обратно вдоль изгороди, то выйдет к кладбищу и к безопасности такси. И что тогда? Домой? И снова пропасть отчаяния? Лучше идти вперед и умереть здесь, чем вернуться обратно, снова подведя сестру.

— Здравствуйте, — позвала она, голос дрожал от холода. И она снова двинулась вперед, вновь используя изгородь, как опору. Китти так замерзла, что больше не чувствовала синяков и порезов на теле от бесчисленных шипов вокруг.

Внезапно она споткнулась о ямку в земле и упала, ногу пронзила острая боль. Она закричала и перевернулась на спину, затем, лежа, неспособная двигаться, взглянула на луну, ожидая, когда схлынет боль.

Сквозь грохот сердца в ушах она услышала приближающиеся шаги. Сперва тихо, потом все громче, хрустя на обледеневшей земле, они, приблизившись, замерли рядом с ней. Эльвира села на корточки, потянулась и погладила ее по волосам.

— Смотри, — проговорила она, вытягивая крошечную ручку в коричневой робе. — Там.

В двадцати шагах находился сарай, который Китти так часто видела во сне. Она заставила себя подняться на четвереньки, потом встала на ноги и медленно двинулась к нему.

Воскресенье, 5 февраля 2017

— Ну, ты едешь или как? — спросил по телефону мужской голос.

Сэм еще сидела в машине возле «Грэйсвелла», подавляя искушение навсегда забыть об обители Святой Маргарет. Все было слишком тяжело. Тело ныло; разум, раздираемый противоречивыми желаниями, начал уставать.

— Кто это? — Сэм выудила из сумочки бутылку воды.

— Ну, приехали. Это Энди.

Энди. Черт возьми, кто такой Энди?

— Со стройки.

— О боже! Энди! Прости, — сказала Сэм, глядя на часы. — Мы ведь договорились встретиться в десять? Сегодня был чертовски трудный день. — Она посмотрела на свое отражение в зеркале заднего вида и вздохнула.

— Тогда тебе просто необходимо выпить.

Когда она приехала, Энди сидел в углу ярко освещенного бара «Уэзерспун», который он выбрал для встречи. Хотя, шагнув на кружащийся синий ковер, она и почувствовала подступающую мигрень, здесь, по крайней мере, не было возможности столкнуться с кем-нибудь из слащаво-элегантных друзей Бена. Еще не хватало, чтобы Бен решил, что у нее роман.

— Все в порядке? — спросил Энди, когда она подошла к его столику. Встать он не потрудился.

— Да, хорошо, спасибо. А у тебя? — Сэм осторожно уселась на стул рядом с ним.

— Полагаю. — Он залпом выпил оставшееся в кружке пиво.

— Выпить? — Она порылась в сумочке, ища кошелек.

— Давай. Мне пинту «Стеллы».

Стоя у барной стойки, Сэм внезапно остро ощутила, что ей не хватает Бена, и внутри все заныло. Обстановка паба навеяла воспоминания об их первом свидании. Тогда они встретились в коктейль-баре на Клэпхэм-Хай-Стрит, перепробовав все пункты из меню напитков. В конечном счете, администратор просто выгнал их оттуда. Бен тогда купил новую рубашку, и на ней все еще висела этикетка. Когда вошла Сэм, он так быстро вскочил со своего места, что ударился головой о перекладину над головой, чуть не лишившись сознания. Девушка поспешно бросилась к барной стойке за пакетом со льдом. И следующие четыре часа они обменивались историями из жизни и прикосновениями, пока остальные посетители, покончив со своими «начос [\[34\]](#)», постепенно расходились.

С того момента ей не нужен был никто другой. Она любила Бена больше всех на свете, но сейчас в их отношениях наступил не лучший период. Они постоянно ругались, обдавая друг друга такой горечью и злобой, что, казалось, у них больше нет надежды на совместное будущее. «Вот почему люди расходятся, — подумала Сэм, протягивая деньги за выпивку. — В этом причина расставания. Увидеть чью-то темную сторону, взамен обнажив свою. После этого нельзя находиться рядом, не разрушая свою душу».

— Сэм! — прокричал сзади знакомый голос, и на мгновение сердце сжалось от ужаса при мысли, что это Бен. Девушка медленно обернулась. Перед ней стоял Фред с кружкой

пива в руке и лучезарно улыбался.

— О, привет, Фред, как дела? — Сэм посмотрела на весело гомонящую компанию позади него. Все держали пиво.

— Отлично. Я праздную, — Фред повернулся к друзьям и жестами показал им заткнуться.

— Да? — спросила Сэм, бросив взгляд на Энди. — Что именно?

— Я занял третье место на Британском чемпионате по скалолазанию, — гордо сказал Фред, его голос звучал невнятно.

— Это фантастика, Фред. Здорово!

— Хочешь выпить с нами? — предложил он, глядя на Сэм.

— Спасибо, не стоит. Я здесь с информатором. Увидимся позже. — Когда она направилась обратно к Энди, то ощутила на себе взгляд Фреда.

— Твое здоровье, — пробормотал Энди, когда она поставила перед ним кружку пива и села напротив, неловко улыбаясь. Он был огромным, из тех парней, что гоняют на «харлеях» по автостраде. Его руки обхватили кружку, словно рюмку, а кожаная куртка на спинке стула почти касалась пола. От него пахло потом и сигаретами. И когда он говорил, то, на взгляд Сэм, наклонялся слишком близко.

— Как прошел остаток дня? — Сэм сделала глоток диетической «Колы».

— Так же дерьмово. А у тебя?

— У меня тоже, — пробормотала Сэм, думая совсем о другом. Она занималась этим просто потому, что любила свою работу. Ей довелось работать и там, где приходилось весь день сидеть, постоянно поглядывая на часы и чувствуя, словно душа вытекает сквозь кончики пальцев. Она больше туда не вернется.

— Так чем ты занимаешься? — спросил Энди, повысив голос, чтобы его было слышно на фоне орущей музыки.

— Да в целом ничем. У меня маленькая дочь, и сейчас мы живем у бабушки, чтобы составить ей компанию.

— Ага, а твой дед умер. Так?

— Так. — Между ними повисло неловкое молчание. Энди сделал большой глоток пива. Сэм всегда потешалась над Беном, которому нужен был час, чтобы выпить кружку. Она внезапно почувствовала, что сейчас расплачется. Что она здесь делает? Ей нужно ехать домой.

— Так ты нашла монахиню, которую искала?

Сэм поставила «Колу» на стол.

— Да. Спасибо за помощь.

— Забудь. Я буду счастлив, когда снесут это место, и я смогу, наконец, отсюда убраться. Тошнит уже от всех, кто стоит над душой.

Зазвонил его мобильный. Он поднял его, посмотрел на номер и выключил звук.

— Иди нахер, — бросил он.

— Что? — спросила Сэм.

— Когда я вернусь, меня будет ждать суровый выговор на автоответчике. — Он вытащил зажигалку «Зиппо» и начал бесцельно щелкать ей, открывая и закрывая крышку. — Хочешь самокрутку?

— Мне и так хорошо, спасибо. А когда собирались снести обитель Святой Маргарет?

— Четыре месяца назад. Задержка обошлась им почти в миллион фунтов стерлингов. —

Он вытянул из кармана пакетик с табаком.

— Боже! Это из-за следствия?

— Да. Оно заняло прорву времени, потому что священник умер в канализации. — Энди вытащил щепотку табака из пакетика и выложил на бумагу.

— Что он там делал? — спросила Сэм, заметив, что Фред по-прежнему наблюдал за ней с другого конца комнаты.

Энди пожал плечами.

— Этот дом — настоящий лабиринт, у меня от него мурашки по всему телу. А еще он притягивает бездомных и бродяг. И за всеми не уследишь, кто-то да проберется внутрь. Один бродяга несколько месяцев живет в сарае. Я его гоню, а он возвращается. — Энди огромным глотком допил пиво из кружки.

— Еще пинту? Если не ошибаюсь, я задолжала две, — предложила Сэм.

— Давай. А то ведь придется снова возвращаться в тот дерьмовый фургон. — Он так взглянул на нее, что Сэм почувствовала себя неудобно.

Она вернулась от барной стойки с кружкой пива и порцией виски, размышляя, к чему может привести выпивка с Энди.

— Вот.

— Твое здоровье. — Даже не глядя на нее, он вылил в себя виски.

— А ты тоже чувствовал в том доме духов? — спросила Сэм.

Энди безрадостно рассмеялся.

— Скажем так: побывав в том доме, с облегчением выходишь на кладбище.

— Как, по-твоему, зачем священник спустился в канализацию? — поинтересовалась Сэм, отбрасывая длинные рыжие волосы назад и связывая их узлом.

— Во вторник все это будет уже не важно, — пробормотал Энди, поднимая кружку. — Чем скорее это место погребут под слоем бетона, тем лучше. — Он взглянул на ее стакан. — Может, выпьешь чего-нибудь покрепче?

— Конечно. — Сэм бросила взгляд на связку ключей на столе. — Белого вина.

Он вытащил бумажник и направился к бару. Стоило ему повернуться к ней спиной, Сэм схватила ключи и принялась рассматривать под столом. Ключей было три. Один явно был от машины. Второй, похоже, подходил к висячему замку. Так что третий должен быть от фургона. Сэм быстро сняла его. Она просто оставит ключ на полу, когда закончит осматривать фургон. Если повезет, Энди решит, что ключ просто выпал. Сэм увидела, что он возвращается к столику, и сунула ключ под сумочку.

— Держи, — пробормотал он, разлив половину вина на стол. — Прости.

— Не волнуйся. — Сэм сделала глоток вина, по вкусу походившего на аккумуляторную кислоту. Для храбрости не помешает. Она надеялась только, что собака будет привязана, иначе ей конец.

— А твой парень не против, что ты встречаешься с незнакомцами? — Энди накрыл ее руку своей.

Сэм понадобилась вся сила воли, чтобы ее не отдернуть.

— Он не знает. Так что спит спокойно.

— Ты подаришь мне поцелуй? — Он осушил кружку и повернулся к Сэм.

— Конечно. Только сначала мне нужно кое-что сделать. Встретимся через полчаса? —

Она выдавила улыбку.

— Что? Почему? — резко бросил Энди.

— Мне нужно заскочить домой и взять кое-что на завтра. Не знаю, куда заведет нас сегодняшняя ночь. А если вещи будут у меня с собой, утром я смогу поехать прямо на работу. — Вставая, она сжала ключ в кулаке.

— А, тогда ладно! — Его настроение снова поднялось. — Встретимся у причала?

— Конечно, — согласилась Сэм.

Понедельник, 6 февраля, 2017

Китти постоянно спотыкалась; окоченевшие ноги слушались с трудом. Когда она, наконец, добралась до сарая из красного кирпича, у нее едва хватило сил толкнуть рассохшуюся входную дверь, болтавшуюся на петлях. Лишь с третьей попытки та открылась достаточно широко, чтобы Китти смогла протиснуться внутрь. И сразу же, споткнувшись, осела на кучу листьев у входа.

Какое-то время она сидела неподвижно, осматриваясь в лунном свете, сочащемся сквозь щели в кирпичной кладке. Выщербленные, местами раскрошившиеся стены, просевшая крыша, ковер из деревянных щепок на каменном полу.

И, в точности, как в воспоминаниях — старый плуг в углу, брошенный на бок.

В дальней стене сарая виднелась еще одна дверь. Слегка приоткрытая, за ней угадывалась комната. Некогда покрывавшая стены зеленая краска теперь свисала клочьями. Китти встала и, пошатываясь, двинулась туда. Стоило ей только коснуться двери, как из-под валауна выскочила огромная коричневая крыса и метнулась в комнату, поспешно юркнула за унитаз, потом исчезла под кроватью. Комната была грязной, по стенам карабкалась черная плесень, а воздух наполняло зловоние канализации.

На полу валялись жестяные банки с едой и открытая пачка печенья. Кто-то здесь был. Кто-то жил в этой комнате и ушел совсем недавно. Она подошла к кровати, провела пальцами по одеялу, потом подняла его и вдохнула запах. Приблизилась к умывальнику и повернула кран, открыв рот от изумления, когда брызнула вода.

— Здравствуйте! — прошептала она. — Здесь кто-нибудь есть?

Она оказалась права. Сестра все время находилась здесь, в обители Святой Маргарет, и она найдет ее. Слишком волнующе, чтобы воспринять спокойно. Комната начала кружиться, и Китти склонилась над умывальником, подставила руки под струю воды, плеснула себе в лицо.

Когда она выпрямилась, в зеркале позади нее стояла Эльвира. Такая же старая, как Китти; худое, бледное лицо обрамляли седые волосы.

— Ты забыла, о чем я говорила? — спросила она, ее глаза потемнели.

Она подошла к стене и вытащила свободный кирпич. За ним лежал тяжелый железный ключ. Она протянула его Китти.

— Сожги дом и освободи их всех.

Когда Китти потянулась к сестре, от входа в комнату донесся шум. Она обернулась и увидела бородатого мужчину в лохмотьях, у его ног лежала охапка хвороста.

— Кто вы, черт возьми? Убирайтесь! — прокричал он.

Китти оглянулась на Эльвиру, но той уже не было.

— Вернись! — позвала она. Слезы жалили глаза. — Моя сестра... куда делась моя сестра?

— Убирайся! Это мой дом. Убирайся! — Когда бродяга угрожающе двинулся на нее, Китти вскрикнула и бросилась бежать.

Понедельник, 6 февраля, 2017

Сэм пришлось объехать дом по периметру, чтобы отыскать, наконец, дыру в ограде, ведущую на кладбище. Проникнув внутрь, она споткнулась на промерзшей, черной, как смоль, земле, чувствуя, словно за ней наблюдают все духи обитатели Святой Маргарет. Добравшись до фургона, девушка с облегчением обнаружила, что не было ни Энди, ни его собаки. Несмотря на то, что в фургоне с плотно закрытыми окнами царил духота и остро пахло сыростью, девушка обрадовалась, оказавшись внутри, в безопасности. Сэм на ощупь искала в темноте выключатель, из-за недостатка кислорода становилось трудно дышать, нервы были на пределе. Наконец, она нашла его и нажала на кнопку. Свет затопил жалкую комнатенку.

То, что она увидела, было довольно неприятно, но не удивительно. У стены односпальная кровать, постель не убрана, вокруг на полу — пустые банки из-под пива и порножурналы. В углу приютился заляпанный умывальник, над ним — грязная полка с какими-то пузырьками. Кажется, лосьон после бритья, дезодорант. Среди них притулился смятый тюбик, из которого сочилась зубная паста. В другом конце фургона стоял маленький серый кожаный диван, рядом с ним — телевизор. Маленький кофейный столик в центре покрывали горы коробок из-под пиццы и готовой еды на вынос.

На окне висела грязная тюлевая занавеска. Сэм отодвинула ее в сторону, высматривая в темноте проблеск автомобильных фар, потом включила настольную лампу возле дивана, погасила верхний свет. И начала изучать комнату.

В конце концов, взгляд зацепился за то, что она искала: шкаф с папками. Верхний ящик, похоже, был забит в основном рекламными материалами, брошюрами о будущих особняках во всей их глянцевої красоте, блокнотами, самоклеящимися листочками и ручками с логотипом «Слэйд Хоумс». Второй ящик так же представлял мало интереса: справочник организаций, два выпуска журнала «Топ Гир» и несколько пустых сигаретных пачек. Потянувшись к последнему ящику, Сэм слегка запаниковала. Прошел почти час с тех пор, как она покинула «Уэзерспун», и Энди вскоре может потерять терпение. Если в этой комнате нет ничего полезного, она должна уйти отсюда прежде, чем он вернется и обнаружит пропажу ключа.

Сэм знала, что где-то здесь должно быть нечто, связанное с Отцом Бенджамином и тем, что с ним произошло. Ей нужны какие-нибудь записи, папка с документами. Когда девушка вытянула нижний ящик, то поняла, что нашла нужное, и сердце забилось быстрее. Весь ящик заполняли стоящие папки. Первые две трети в основном содержали счета, квитанции об оплате и контракты. Сэм открыла папку с буквой «С» и вытащила пачку бумаг с логотипом «Слэйд Хоумс». Быстро взглянув на окно и убедившись, что все чисто, она уселась на край дивана и начала читать.

Сверху лежало несколько предупреждений, написанных управляющим стройплощадкой «Слэйд» и адресованных Энди. В основном, они касались режима работы. Кажется, по условиям контракта Энди должен был находиться на площадке каждую ночь с девяти вечера до девяти утра, пока не придут первые рабочие. И он был явно не самым прилежным из служащих. Когда вскрыли два экскаватора «Джей-Си-Би», и приехала полиция, Энди не

было. В другой раз украли несколько мешков цемента, стоимость которых вычли из его зарплаты. Так же упоминался бродяга, о котором говорил Энди. Неприятный факт, но, согласно копии объяснительной Энди, тот всегда находился в сарае и не приближался к обители Святой Маргарет.

Последнее письмо в папке было связано с Отцом Бенджамином.

Несмотря на то, что смерть Отца Бенджамина произошла много лет назад, 31 декабря 1999, канализация и смежные с ней подземные туннели остаются доступными и сейчас. Нужно быть крайне бдительными, чтобы избежать повторения подобной трагедии. Дата сноса назначена на вторник, 7 февраля 2017. Если кто-нибудь появится поблизости или на территории частной собственности, их следует немедленно задержать и позвонить по номеру 999.

Канализация и подземные туннели. В памяти Сэм всплыл разговор в пабе. Что сказал Энди? «Этот дом — настоящий лабиринт, у меня от него мурашки по всему телу».

Она снова заглянула в папку. Между писем лежала вырезка из «Таймс», на которую Сэм теперь обратила весь свой интерес.

«Останки пожилого мужчины 74 лет, ставшего жертвой испарений в подземном коллекторе, были обнаружены в подлежащем сносу особняке в Восточном Суссексе. Как обнаружило следствие, они принадлежат бывшему священнику из Престона, Восточный Суссекс. Несанкционированно проникнув на территорию частной собственности, он каким-то образом оказался в ловушке.

Бенджамин Кук родился в Брайтоне в 1926. На протяжении тридцати лет Отец Бенджамин был местным приходским священником.

Отец Бенджамин исчез в канун 1999 Нового года, но его останки обнаружили лишь 30 сентября 2016. Как заключил во вторник Суссекский коронерский суд, священник умер в результате кислородной недостаточности вкупе с воздействием чрезмерной концентрации сульфида водорода.

Следствие по делу о смерти отставного священника было открыто и передано судебному следователю доктору Брайану Фарреллу. Сотрудники полиции заявили, что в деле не было третьих лиц. «Слэйд Хоумс» выражает свои глубочайшие соболезнования».

Больше интересных папок не было. Решив, что стоит убраться прежде, чем вернется Энди, Сэм заметила стоящий на шкафу телефонный аппарат. На нем мигала красная лампочка автоответчика. Убедившись, что за окном по-прежнему пусто, она подошла и нажала на кнопку.

— Энди, это Фил. Возьми свой мобильник! Где, мать твою, тебя носит? Похоже, ты не понимаешь, что слишком многое поставлено на карту. Еще день, и все будет кончено. Нас уже протащили через все следствие. И я не хочу, чтобы все рухнуло только из-за того, что кому-то еще придет в голову здравая мысль запереться в тех туннелях.

Запереться? В статье об этом не упоминалось. Внезапно Сэм услышала вдали тихий шум двигателя, и, к своему ужасу, заметила свет фар приближающегося к фургону автомобиля. Она вздрогнула, сунула папку обратно в ящик и выключила лампу, потом пригнулась, затаив дыхание, наблюдая, как приближается синий грузовик. Осмотрелась

вокруг, отчаянно ища выход. Машина остановилась снаружи, но двигатель какое-то время еще гудел. Потом он стих, передние фары погасли. Фургон погрузился в темноту.

В крошечной комнате спрятаться было негде, запасного выхода тоже не имелось. Зато была злая собака, которая могла напасть, если Сэм попытается убежать. Тогда Энди без сомнений позвонит в полицию. И она может лишиться работы. Вообще всего лишиться.

Когда Сэм услышала приближающиеся шаги, то поняла, что другого выхода нет. Стянув свитер, она в одном бюстгальтере запрыгнула в вонючую кровать.

Дверь открылась, над головой загорелся свет.

— Привет, красавчик, — пропела она, пытаясь скрыть панику в голосе.

— Что, черт возьми, ты здесь делаешь? — пробормотал Энди.

— Хотела сделать сюрприз. — Все тело Сэм дрожало.

— Ты взяла мой ключ?

— Да. Не возражаешь? — она попыталась улыбнуться.

— Вообще-то возражаю. — Он шагнул вперед и уставился на нее.

— Прости. Я думала, ты хотел побыть со мной наедине. — Сэм выдавила жалкую улыбку. — Давай выпьем и расслабимся.

Она сползла с кровати и направилась к холодильнику. Энди молча наблюдал за ней. Холодильник был почти пуст. Лишь кусок заплесневелого сыра и молочная бутылка с мутным осадком на дне.

— Совсем пусто. Давай я сгоняю и добуду нам чего-нибудь выпить? — Сэм потянулась к своему свитеру.

— А может, расскажешь мне, во что, черт возьми, ты играешь?

— Я хотела сделать сюрприз. Думала, тебе понравится. Похоже, я ошиблась. — Она поспешно натянула свитер. Руки ощутимо дрожали, когда она направилась к двери.

— Мне не нравятся люди, вламывающиеся ко мне без спроса. — Он встал перед ней, загородив выход.

— Я не вламывалась. Пожалуйста, дай пройти. — Стук сердца гулко отдавался в ушах, в голове звенело. Сэм могла думать лишь об Эмме, в безопасности спящей в своей кроватке, в то время, как она находилась здесь на грани самоубийства. «Глупая идиотка», — упрекнула она себя.

— Тебе повезло, что я джентльмен. — Энди медленно шагнул в сторону, и Сэм метнулась к двери. Пока она пулей неслась вниз по ступенькам, залаяла собака, которая вернулась вместе с хозяином. Бросаясь в темноту, девушка не сомневалась, что Энди смотрит на нее, ждет любого повода, чтобы позволить злему зверю сорваться с поводка. Она обернулась и увидела, что он стоит возле фургона, держа пса за ошейник, а зверь рвался вперед, чтобы броситься за ней.

Сэм не могла найти дыру в изгороди, и ее паника возрастала с каждым шагом. Она чувствовала, как ныли ноги, уставшие бегать взад-вперед вдоль периметра. Задев ограждающую проволоку, Сэм тихо выругалась, отчаянно пытаясь сдержать слезы. Ей нужно повторить свой путь, только так она сможет вернуться к машине. Девушка пыталась вернуть спокойствие, но лающая вдали собака заставляла нервничать до тошноты.

Сэм развернулась и снова двинулась вдоль изгороди, но внезапно споткнулась о какой-то выступ и рухнула на землю. Какое-то время она просто лежала, сжав колено, задыхаясь от боли. Девушка почувствовала, что оно намокло от крови, но в кромешной темноте не могла разглядеть даже поднесенную к лицу руку. Сэм предположила, что споткнулась о древесный

корень. Она на ощупь вытащила из сумочки телефон, чтобы оценить повреждение. В свете экрана на земле позади нее что-то блеснуло. Не обращая внимания на боль в колене, Сэм наклонилась ближе, силясь разглядеть, что это было. Среди сорной травы и колючих кустов виднелась латунная задвижка, как на полу в кабинете Матери-Настоятельница.

Тяжело дыша, Сэм начала расчищать вокруг нее землю, сжимая зубы всякий раз, как шипы в темноте царапали ее пальцы. Через какое-то время она обнаружила латунное кольцо, соединенное с чугуновой пластиной. Она поднялась, поскуливая от боли в колене, и потянула за кольцо, но пластина не сдвинулась с места. В ней имелась замочная скважина, и, похоже, было заперто.

Лунный свет проник сквозь облака. В его свете казалось, что дом наблюдает за ней сотнями пустых окон. Должно быть, эти же глаза той ночью смотрели на Отца Бенджамина. Что сказал мужчина на автоответчике? Что священник намеренно оказался в ловушке в туннелях под домом? Этот люк ведет к ним?

Вдруг она снова услышала собачий лай, теперь намного ближе, и двинулась вперед. Потом перешла на бег. Колено мучительно болело, но она не обращала внимания. В любую секунду мог появиться пес и вонзить зубы ей в руку или ногу. У Энди было время подумать. Может, он понял, что она копалась в шкафу с папками и прослушала сообщение на телефоне. Возможно, он позвонил в полицию, и тогда все будет кончено.

Она продолжила путь, пытаясь контролировать свой страх. «Пожалуйста, пожалуйста», — молила она безжалостную морозную ночь.

Внезапно Сэм заметила свет на другой стороне изгороди и побежала к нему. Приблизившись, она поняла, что это передние фары проезжающей по тропе машины. К счастью, в их свете она заметила пролом в изгороди и протиснулась сквозь него. Снова залаяла собака; похоже, теперь она была всего в двадцати футах. Машина оказалась черным такси и, к облегчению девушки, остановилась. Сэм постучала в пассажирское окно. Мужчина внутри удивленно на нее посмотрел, затем медленно опустил окно.

— Ты в порядке?

— Нет, за мной гонится собака. Вы можете меня впустить? Только быстро.

Он разблокировал двери, и Сэм, нажав на ручку, запрыгнула внутрь. Как только дверца захлопнулась, к машине, яростно лая, подбежала собака.

— Господи Иисусе, я в жизни так не боялся, — пробормотал мужчина.

— Слава Богу, вы оказались здесь. — Сэм пыталась выровнять дыхание.

Пока они сидели, глядя друг на друга, у ограды появился Энди, криком подзывая собаку обратно.

— Чтобы мне провалиться, здесь людно, как на площади Пикадилли [\[35\]](#), — проговорил водитель, когда пес направился прочь. Энди посадил его на поводок, и они исчезли во тьме.

— Что вы здесь делаете? — спросила Сэм, когда дыхание успокоилось.

— Приехал забрать свою пассажирку. — Таксист взглянул на часы. — Она ушла почти час назад. Я привез ее из Лондона, неправильно бросать ее здесь одну. — Он вытянул стаканчик из пенопласта из лежащей в стороне сумки. — Вспомни дьявола...

Сэм подняла глаза и увидела Китти Кэннон, нетвердо шагающую к изгороди. Девушка видела, как внезапно ее ноги подогнулись, и женщина упала.

Сэм открыла дверцу и выпрыгнула наружу, протиснулась через дыру в изгороди и бросилась туда, где лежала Китти. Она опустилась на колени рядом с ней и услышала тяжелое дыхание, потом сняла пальто и накрыла им женщину.

- Айви? — вдруг тихо проговорила Китти.
- Нам нужна скорая! — прокричала Сэм водителю.
- Нет, не надо, просто отвези меня домой, — прошептала Китти и расплакалась.

Пятница, 31 декабря, 1999

Отец Бенджамин на какое-то время замер в холле, пытаясь выровнять дыхание. В темноте он спешил сюда, в обитель Святой Маргарет. Опасаясь включать фонарь, свет которого мог привлечь любопытных прохожих, он дважды спотыкался и чуть не упал. Уже наступил вечер, когда он нашел записку, которую кто-то подсунул под дверь его комнаты в «Грэйсвелле». В столовой устроили новогоднее чаепитие, а после он направился к лифту, потом по коридору к своей комнате. Священник заметил ее сразу же, как вошел. Любопытный, но ничуть не встревоженный, поднял с пола и двинулся к стулу у окна, чтобы открыть. Но стоило ему вытащить из конверта белый лист бумаги, как нахлынуло беспокойство. Всего две строчки без подписи, написанные незнакомым почерком:

«Жди меня в гладильной комнате в обители Святой Маргарет сегодня в полночь. Дело касается уничтоженных тобой записей. Если не появишься, я пойду в полицию. Приходи один».

Отец Бенджамин провел почти весь вечер, смотря телевизор в своей комнате, но мысли его были далеко. Он попытался рассказать Эми о записке, когда она зашла его осмотреть, но слова не шли. Откуда начать? В одиннадцать он уже понимал, что слишком встревожен, чтобы уснуть. Лучше пойти на встречу — кто бы ее ни назначил — и узнать, что от него требуется, чем беспокойно ворочаться в кровати. Идти недалеко, всего лишь вдоль Престонского шоссе. К тому же, у него все еще были ключи от старого дома. Никто даже не заметит, что он ушел. Так что он надел свой самый теплый шерстяной свитер, сунул записку в карман вельветовых брюк и без двадцати двенадцать выскользнул наружу. Теперь, находясь в безопасности внутри дома, он включил фонарь. Тяжело возвращаться сюда спустя столько лет. Вроде бы все знакомо, но в то же время дом был словно чужим. Широкая лестница в холле осталась такой же, как он помнил. Но не блестела, как прежде. Она потускнела и была усеяна осколками разбитого стекла и каменными обломками, упавшими с высокого потолка. Черно-белую плитку, что сияла чистотой во времена Матушки Карлин, теперь покрывала глубоко въевшаяся грязь. Окна, мимо которых он проходил по коридору к прачечной, по большей части были разбиты, рамы рассохлись и потрескались, с них лохмотьями свисали остатки краски. Все здание пропиталось запахом гниющего дерева. Когда-то в огромной, заполненной паром комнате находилось множество девушек с выступавшими вперед животами. Теперь же с обломками машин и сломанными катками она казалась пустым, выброшенным на берег панцирем. Проходя по коридору, в свете фонаря он заметил свое отражение в единственном, чудом уцелевшем окне. Круглое лицо, бледное, покрытое щетиной. Всклокоченные седые волосы. Из-за постоянной боли в спине он сгибался вперед, словно отвешивая бесконечный поклон. «Со стороны кажется, будто у меня совсем нет шеи», — подумал он, разглядывая себя серыми глазами сквозь стекла дешевых очков. Несмотря на то, что когда-то он брился каждое утро, а на кровати неизменно ожидало идеально выглаженное облачение, теперь его униформой стали слишком большой серый шерстяной свитер и мешковатые вельветовые брюки. «Я стал развалиной, — подумал мужчина отворачиваясь от окна. — Как и этот особняк».

Отец Бенджамин испустил тяжкий вздох, вспомнив обитель Святой Маргарет в пору ее

расцвета. Добавив к щедрым пожертвованиям прихожан взятую в банке приличную ссуду, им удалось купить с аукциона бывшую школу-интернат. Прошло чуть менее полугода, и обитель Святой Маргарет распахнула свои двери. За три десятилетия скопилось достаточно денег, чтобы сохранить крышу над головой и отложить кое-что на будущее.

Но, кажется, недостаточно, чтобы гарантировать ему и Сестрам Милосердия спокойную старость. В конце концов, предложение от «Слэйд Хоумс» поступило в подходящий момент. Дом признали непригодным для использования, а давление Совета, пытающегося узнать местонахождение архивных записей обители, достигло пика. На священника указывали пальцем, и это тревожило. Как и то, что ни ему, ни Сестрам не выказывали должного уважения, которого они заслуживали.

Отец Бенджамин остановился и прислушался, в надежде уловить движение снизу. Тишина. Возможно, тот, кто назначил встречу, еще не пришел. Или никто не придет, и его лишь хотели расстроить. О записях знали всего несколько человек, и он понятия не имел, почему встречу назначили здесь, а не обсудили этот вопрос непосредственно в «Грэйсвелле». Возвращаясь в этот дом, он чувствовал себя намного неуютнее, чем предполагал. Было мучительно тяжело согласиться его продать, но, в то же самое время, он радовался, когда это случилось. До тех пор, пока «Слэйд» придерживались условий контракта, на которых настаивал священник при его подписании. Вести строительные работы внутри четко установленных границ и наглухо запечатать туннели.

Когда Отец Бенджамин добрался до конца последнего из длинных коридоров, то наткнулся на запертую дверь. Он вытащил латунный ключ с прикрепленной к нему биркой. Надпись на ней гласила: «Задняя лестница». Направив фонарь на замочную скважину, он вставил ключ в замок и повернул. Потом распахнул дверь и осветил уходящий вниз темный лестничный пролет.

— Здравствуйте! Кто-нибудь есть? — позвал он. Ответа не последовало.

Он вздохнул, ощутив, как сильно болит спина. Подошвы ботинок застучали по холодным каменным ступеням, усталые руки вцепились в перила. Казалось, в молчании пустого дома вот-вот раздастся звук шагов Матушки Карлин, несущей мертворожденного младенца вниз по лестнице, через гладильную комнату и дальше в туннели. Так много смертей. Роды случались постоянно и зачастую проходили неправильно. Невозможно было похоронить должным образом каждого младенца, появившегося на свет мертвым. У них просто не было ни денег, ни времени.

У подножия лестницы Отец Бенджамин обнаружил еще одну тяжелую дубовую дверь и снова потянулся за ключами, освещая связку фонарем, пока не отыскал бирку с надписью «Гладильная комната». А потом священник уронил фонарь. Крышка его отвалилась, батарейки разлетелись по грязному полу.

Без фонаря в недрах дома, да еще посреди ночи, невозможно было даже разглядеть поднесенную к лицу руку. Священник опустился на колени и принялся шарить по полу. Он пыхтел и тяжело дышал, потерявшись в пространстве и борясь с все возрастающим головокружением. Вокруг него бегали мыши, а он пытался сохранять спокойствие. Наконец, он нащупал одну батарейку, потом вторую.

— Проклятая штука, — пробормотал он, крутя батарейки и так и этак, прежде чем вставить их на место и, наконец, включить фонарь.

В этот самый миг дверь наверху лестницы со стуком захлопнулась.

Отец Бенджамин был уверен, что закрывал ее. Направил свет фонаря вверх по

ступенькам, взглядываясь в темноту, но ничего не увидел.

— Здравствуйте, — пробормотал он в непроглядную черноту. — Кто здесь?

Наконец, он решил сосредоточиться на том, что привело его в этот дом. Схватившись за дверную ручку, чтобы подняться на ноги, священник громко застонал, и звук этот эхом разнесся по каменным ступеням позади. Дрожа от напряжения, он помедлил, чтобы собраться с силами, и вставил ключ в замок. Тот повернулся не с первого раза.

Гладильные прессы из комнаты еще не убрали. Почему-то помещение казалось меньше, чем он помнил. Когда священник двинулся к противоположной стене, ноги захрустели по осколкам разбитого стекла из двух зарешеченных окон. Низкий потолок вызывал клаустрофобию. Здесь, внизу, сквозь стены сочилась влажность, остро пахло плесенью. Дважды он наталкивался на острые края прессов. Пол почернел от скопившейся копоти и грязи, которая цеплялась за подошвы шаркающих ботинок. Ноги священника болели от долгой ходьбы. Он тяжело вздохнул, пустив гулять по комнате эхо. Почему-то этот звук пробудил незнакомое доселе беспокойство. В тусклом свете он почти видел девушек, наблюдающих за ним сквозь облака пара, занятых работой, утирающих испарину со лба рукавами своих роб.

Он взглянул на часы: полночь. Луч фонаря блуждал по комнате, но здесь священника никто не ждал. Это был обман, чья-то больная шутка. Вероятно, этот «кто-то» сейчас дома, в тепле и безопасности, устроившись у камина, поднимает тост за начало нового тысячелетия.

— Где вы? — позвал он в последний раз. Тишина.

Когда Отец Бенджамин повернулся, чтобы уйти, то услышал шум. Еле слышимый, будто далекий звук удара металла о металл. Он медленно двинулся вперед и направил фонарь в ту сторону, откуда раздался шум.

И неподвижно замер.

Дверь, что вела вниз, в туннели, была открыта. Он подошел ближе. Внизу определенно кто-то шумел. Будто бы стучал молотком по чему-то металлическому. Единственное, что приходило в голову — дверь в септический резервуар [\[36\]](#). Но это было невозможно. «Слэйд» уверяли, что туннели под зданием запечатывают и засыплют сразу же, как только священник подпишет контракт.

Отец Бенджамин почувствовал все нарастающую панику. И, шаркая, двинулся к открытой двери. Если «Слэйд» нарушили слово, ему нужно знать. Конечно, резервуар засыпали песком и валунами, он сам много лет назад оплатил услуги подрядчика. Но и ведущие к нему туннели уже должны быть зацементированы.

Отец Бенджамин стоял на лестничной площадке. Каменные ступени, убежавшие вниз, вели к туннелю и резервуару. Когда-то эти стены регулярно чистили, туннель освещали лампы. Теперь же темно-зеленый камень покрывала вонючая грязь. С потолка капала вода, вызывая в пустом туннеле гулкое эхо, похожее на удар колокола. Он пытался не обращать внимания на поднимающуюся панику, на темноту замкнутого пространства. В воздухе висел едкий запах, вызывая тошноту: смесь остро пахнущей плесени и тухлых яиц. Цепляясь за стену, чтобы определить направление, Отец Бенджамин опустил ногу на край верхней ступеньки и начал осторожно спускаться. Он понимал, что если упадет, никто не сможет найти его до утра. Или не отыщет совсем. Спускаясь, он беззвучно считал: «Один, два, три...», будто предупреждая кого-то внизу, что идет.

Гнилостный запах начал действовать подобно кислоте, обжигая слизистую оболочку носа. Мертвый воздух вокруг едва ли был пригоден для дыхания. И когда он спустился по

лестнице и зашагал по туннелю к резервуару, то вскоре понял, что плутает в темноте.

Капающая вода превратила туннель в ров. Запах, обжигающий нос, теперь раздражал глотку и щипал глаза. «Еще минута», — сказал он себе. Еще минута, и он получит нужные доказательства. И сможет отправиться домой спать.

Священник с усилием волочил вперед отяжелевшие ноги. Теперь к жжению добавилась и тяжесть в груди. Пытаясь ровно держать фонарь в дрожащей руке, он услышал позади какой-то шорох, словно шелестел на ветру бумажный пакет. Остановился и обернулся, направив фонарь туда, где слышал шум, но увидел лишь пустой туннель. Когда Отец Бенджамин снова двинулся вперед, отчаянно желая добраться до резервуара, шуршание превратилось в шепот. Сначала один голос, затем два, непонятный, еле слышный разговор. Несколько раз он останавливался, оборачивался, слушая собственное затрудненное дыхание. Ответа на его зов не было.

— Что он делает? — вдруг отчетливо прошептал кто-то прямо ему на ухо.

Отец Бенджамин вздрогнул и осветил фонарем в том направлении, но снова увидел вокруг лишь темный туннель.

Он почувствовал, что задыхается. Должно быть, уже близко.

— Где он, где он? — бормотал священник, нащупывая впереди каменную стену туннеля.

В висках стучало; туннель, казалось, становился уже, сжимаясь вокруг, на голову капала холодная вонючая вода.

— Думаю, он ищет резервуар, — проговорил другой голос, на этот раз дальше.

Отец Бенджамин помедлил, затем снова двинулся вперед. «Это лишь воздействие запаха и испарений», — внушал он себе, охваченный приступом кашля. Он почти согнулся пополам, почувствовав сильную тошноту. «Перестань, пожалуйста, хватит», — молил он свое тело. Он судорожно пытался вдохнуть поглубже. Но застоявшийся воздух туннеля не мог остановить овладевшее им головокружение.

Наконец, приступ кашля стих, но в ногах была такая слабость, что священнику пришлось привалиться к стене, чтобы не упасть.

— Это все испарения из резервуара, — произнес первый голос.

Отец Бенджамин поднял голову и увидел двух девушек в коричневых робах. Обе бледные, словно призраки, с выбритыми головами. Под глазом одной налился чернотой жуткий синяк.

— Они причиняют вред, — проговорила другая девушка. — Однажды меня заперли здесь внизу на всю ночь. Меня так сильно рвало, что из носа пошла кровь. И не могла остановиться. Помнишь? Матушка Карлин тогда сильно злилась.

— Я это хорошо помню. Бедная Марта, ты была очень храброй, — сказала первая девушка. Они крепко обнялись.

Отец Бенджамин выпрямился, насколько позволяла больная спина, и, шатаясь, двинулся вперед, пока не коснулся, наконец, края туннеля. Он остановился и опустился на пол, ощупывая руками стену, словно это было лицо старого друга. Он это сделал. Судорожно вздохнув, священник ощутил, как из желудка поднимается волна тошноты. Он наклонился вперед, и его начало рвать. Снова и снова; так часто, что он даже не мог перевести дыхание. И все-таки тошнота улеглась. Священник привалился головой к стене, тяжело дыша.

Откуда здесь испарения из резервуара? Ведь он был завален много месяцев назад.

Пока он безуспешно пытался подняться на ноги, громкий удар эхом разнесся по туннелю.

— Что это было? — спросила одна из девушек.

Отец Бенджамин увидел, что вместо двоих теперь их стало восемь или десять. Они стояли полукругом вокруг него.

— Думаю, дверь в туннель, — проговорила другая. — Надеюсь, у него есть ключ.

Отец Бенджамин потянулся к карману, но он был пуст. Ключи исчезли. Должно быть, выпали во время приступа. Медленно сев на корточки, он ощупал землю вокруг. Рука опустилась на кучку теплой рвоты.

— О боже, кажется, он их потерял, — произнесла третья девушка, сдерживая улыбку.

Ему стало трудно дышать, ощущение тяжести в груди усилилось. Священник снова закашлялся, начали слезиться глаза. Губы пересохли, а язык словно покрылся плотной сухой шерстью. Приступ острой головной боли заставил его рухнуть на землю, судорожно хватая воздух.

— Розочки, ромашки, и цветы в кармашке. Твой настал черед, гибель всех нас ждет.

Они смеялись и прыгали вокруг него. Священник лежал на влажной земле, чувствуя, как холодеет тело и ускоряется пульс. Он пытался двигаться, но любое усилие заставляло задыхаться и судорожно ловить ртом воздух. Он даже не мог глубоко вдохнуть, в груди все нарастала тяжесть. Снова начался кашель, вызывая резкую боль, словно горло изнутри царапали осколками стекла.

— Господи Иисусе, прости и забудь все деяния мои, — бормотал он снова и снова. Каждый раз, как он пытался встать, девушки толкали его на пол и продолжали петь:

— Розочки, ромашки, и цветы в кармашке. Твой настал черед, гибель всех нас ждет.

— Помогите мне! — прошептал Отец Бенджамин, почувствовав приближение конца. Теперь он едва мог видеть, зрение отказывало, свет фонаря тускнел.

— Молитесь за грехи свои, Отец, — произнесла одна из девушек. Они все повернулись и двинулись прочь.

Отец Бенджамин на коленях пополз по дурно пахнущему коридору. Все прекратилось — кашель, тошнота, головная боль. Наконец, он добрался до двери в гладильную комнату, заставил себя подняться с коленей. Глаза жгло так сильно, что он едва мог видеть. Но ему удалось нащупать ручку и повернуть ее. Дверь была заперта.

Он вскрикнул, навалившись на дверь, из последних сил дергая ручку.

В конце концов, веки отяжелели. Он лег на пол и закрыл глаза. Больше не было сил двигаться. Он хотел лишь спать. Спать, пока все не закончится, и он не предстанет перед Господом у врат рая. Как и велела девушка, он начал молиться.

— Прости мне грехи мои, Господи, прости мне грехи мои. Грехи юности и старости; грехи души моей и тела моего; грехи вольные и невольные; грехи знакомые и неизвестные; грехи, что долго скрывал я, сокрытые теперь в памяти моей. Я искренне жалею о каждом совершенном грехе, о равнодушии и корысти, о грехах из детства моего и до сего дня. Знаю, грехи мои ранили Твое нежное сердце, мой Спаситель; позволь мне освободиться от уз зла через самые горькие страдания Спасителя моего. Господи Иисусе, прости и забудь все деяния мои. Аминь.

Понедельник, 6 февраля 2017

Когда такси, вплетаясь в общий поток машин, въехало в Лондон, Китти спала, привалившись к плечу Сэм. Девушка взглянула на часы, 5 утра. Бабушка и Эмма, должно быть, еще крепко спят; она позвонит в шесть, чтобы убедиться, что все в порядке. Сэм беспокоилась, находясь вдали от Эммы, но просто не могла позволить таксисту увезти Китти Кэннон, обнаружив ее на землях обители Святой Маргарет. Вглядываясь в лицо, бывшее еженедельным гостем почти в каждой гостинице страны в течение двадцати лет, девушка чувствовала, как ее охватывает волнение. Она оказалась права, Китти Кэннон что-то связывало с обителью Святой Маргарет. И она была решительно настроена выяснить, что именно.

— Ты уверена, что ей не нужно в больницу? — спросил водитель.

Сэм пощупала неожиданно сильный пульс Китти, потом взяла ее замерзшую руку в свои.

— Нет, думаю, с ней все в порядке. Пульс в норме, просто замерзла. Вы можете включить печку?

Сэм плотнее запахнула пальто Китти, чтобы женщине стало теплее. Из кармана выскользнул мобильник и упал на пол машины.

— Черт, — пробормотала Сэм, безуспешно пытаясь достать его, не разбудив Китти.

С длинными, растрепавшимися седыми волосами Китти напомнила Сэм белую ведьму. Красивые тонкие черты лица, узкий рот, курносый нос, фарфорово-белая кожа. Она выглядела совершенно иначе, чем персонаж на экране: моложе, более уязвимой, почти по-детски невинной.

На телефоне Китти вспыхнуло напоминание. Сэм машинально прочитала: «Ричард Стоун, полдень». Ногой она подтянула телефон к себе, потом подобрала и вернула Китти в карман.

— Вы знаете, где она живет? — спросила девушка водителя.

— Нет, она поймала меня на набережной. Так что я просто возвращаюсь туда.

Сэм услышала, как в кармане тихо пискнул ее собственный мобильный. Сообщение от бабушки. Она спрашивала, где Сэм, и сообщала, что Эмме стало лучше. Девушка быстро ответила, попросив бабушку отправить Эмму после завтрака к Бену и пообещав позвонить, как только сможет. Пока они ехали вдоль реки, она гладила волосы Китти. Было мучительно находиться к ней так близко и не иметь возможности поговорить. Но в одном Сэм была уверена: Китти назвала ее Айви. Она что-то знала о бедной девушке.

— Здесь я ее подобрал, — сообщил водитель, останавливаясь на обочине дороги.

— Китти? — мягко позвала Сэм. — Нам нужно знать, где вы живете, чтобы отвезти вас домой.

Китти медленно открыла глаза и взглянула на девушку. Потом резко поднялась и отодвинулась, расправила пальто, свернула волосы в узел, словно пытаясь сохранить достоинство.

— Мы вернулись в Лондон? — спросила она.

— Да, вы попросили отвезти вас домой, но мы не знаем, где вы живете.

— Спасибо, что привезли меня обратно. Простите за случившееся, — проговорила Китти.

— Все в порядке, — ответила Сэм с улыбкой. — Хотя, думаю, вам выставят приличный счет за такси.

Китти взглянула на нее, не улыбнувшись в ответ.

— Кто вы?

Сэм секунду поколебалась.

— Меня зовут Саманта, я репортер из «Южных новостей».

— Ну, нет, — произнесла Китти. — Что за люди! Вы преследуете меня днем и ночью?

— Китти, прошу, уделите мне минуту, и я все объясню, — начала Сэм.

— Нет. — Китти повернулась к водителю, повысив голос, чтобы он услышал через разделяющее их стекло. — Прошу вас, высадите эту девушку из моего такси!

— Ну и ну, я почти ощущаю себя Джереми Кайлом [\[37\]](#), — пробормотал он, открывая свою дверь.

— Я знаю о вашей связи с обителью Святой Маргарет. Полагаю, вы родились там, — быстро проговорила Сэм.

Из глаз Китти брызнули слезы. Какое-то время она молчала, пытаясь успокоиться, потом сухо произнесла:

— Это мое личное дело, вас оно не касается. Если вы попытаетесь напечатать что-то подобное, я подам на вас в суд.

Сэм лихорадочно рылась в сумочке, когда водитель распахнул дверцу машины с ее стороны.

— Выходи, красавица.

— Прошу вас, послушайте. Я прочитала письма девушки по имени Айви. Она пишет о своем пребывании в обители Святой Маргарет. Думаю, вы ее знали. Когда я вас нашла, вы называли меня Айви. — Сэм выхватила письма, которые бабушка перевязала красной бархатной ленточкой, но Китти их не взяла.

— Держитесь от меня подальше, — холодно бросила она.

— Все люди, которые упоминаются в этих письмах, были связаны с обителью Святой Маргарет. Матушка Карлин, Отец Бенджамин... И все они мертвы. Я совершенно уверена что их смерти не были случайными, — умоляла Сэм.

Водитель такси взял ее за руку.

— Пойдем, не хочу, чтобы вмешалась полиция.

— Уберите от меня руки! — крикнула Сэм, вырываясь.

— Уходите! — прокричала Китти.

— Хорошо, — сдаваясь, проговорила Сэм, — я уйду. Я знаю, что вы были на месте аварии, в которой погиб ваш отец. Должно быть, ужасно, когда ребенок видит нечто подобное. Я никогда не хотела вас огорчить. Мне очень жаль. Я просто хотела добраться до правды и думала, что вы тоже.

— Подождите. Что вы сказали? — спросила Китти, когда Сэм выбралась из машины.

— Что мне очень жаль, — тихо проговорила Сэм, — и это правда. Просто эти письма слишком сильно на меня повлияли.

— Нет, чуть раньше. О том, что я была на месте аварии, в которой погиб мой отец. — Китти наклонилась к двери.

— Я разговаривала с людьми, жившими возле дороги, на которой произошла авария.

Мне рассказали, что был свидетель, который видел девочку в красном пальто. Решили, что вы были с отцом в машине, когда он перевернулся.

— Ну, так что? Мы едем или нет? — проговорил водитель, поднимая руки.

— Это была не я, — пробормотала Китти. — Я впервые услышала об аварии, когда меня разбудила полиция.

— Тогда кто же это был? — спросила Сэм.

Китти приложила руку ко рту.

— Боже...

— Что такое? — спросила Сэм, наклоняясь к ней.

Китти выхватила из бумажника пачку банкнот и сунула их водителю, затем выбралась из такси и взяла Сэм под руку.

— Лучше вернемся ко мне в квартиру, — произнесла она. — Нам нужно поговорить.

Вторник, 5 марта 1957

Айви лежала в темноте, глядя на балки потолка. В соседней кровати тихо плакала девушка. В комнате было мучительно холодно. И все предпочитали спать на боку, поджав под себя ноги, пытаясь сохранить крохи тепла. Запертое окно рядом с кроватью Айви не загоразживали шторы, и луна беспрепятственно бросала свет на несчастную девушку в соседней кровати. Такую юную, словно была еще школьницей. Когда она только приехала, то была упитанной и розовощекой, но сейчас ключицы выпирали из-под рубы, а бледная кожа вокруг испуганных глаз натянулась. Слезы теперь сопровождали ее постоянно.

Айви предположила, что ей примерно четырнадцать. Шептались, что девушка забеременела в результате насилия, а виновником этого был ее отец. Айви решила, что неправильно расслышала, когда Патрисия впервые об этом сказала: собственный отец сделал дочери ребенка, а потом бросил гнить в этом аду на земле. В конечном счете, Роза была плодом любви. Хотя Айви уже начала подозревать, что чувство ее не было взаимным. Девушка-соседка родила всего два дня назад, и уже была здесь, в своей колючей холодной кровати, одна в целом мире; ребенка вырвали из ее объятий. На рассвете прозвонит колокол, и ее ждет долгий, тяжелый день в прачечной.

Айви прислушалась, стараясь уловить звук шагов в коридоре, но все было тихо. Тогда она откинула одеяло и выбралась из постели, опустилась на колени возле кровати девушки. Та подняла на нее взгляд.

— Мне больно, — прошептала она, лицо ее было в красных пятнах от постоянных слез.

— Я знаю, но это ненадолго, — мягко проговорила Айви. — У тебя появилось молоко. Больно будет несколько дней, потом все пройдет. Обещаю.

Девушка непроизвольно вздрогнула. Айви просунула руку под одеяло. Простыня насквозь промокла, у девушки, без сомнения, был жар. Айви снова посмотрела на дверь, затем стянула через голову свою рубу.

— Вот, возьми. Давай мне свою.

Девушка медленно села, вздрагивая, пока пыталась стащить с себя рубу.

— Я не могу поднять руки.

— Иди сюда. — Айви наклонилась, чтобы ей помочь.

Когда она стянула грубую ткань со спины девушки, перед мысленным взором вспыхнула яркая картинка. Она сама — еще совсем ребенок, слабый свет в теплой, уютной спальне, за окном уже темно. Мама одевает ей через голову ночную рубашку, затем внезапно замирает. Айви так и сидит с поднятыми руками, лицо скрыто тканью сорочки, а мама начинает ее щекотать. Айви больно прикусила губу, сиюсь сдержать слезы, и отогнала воспоминание прочь.

— С тобой все будет хорошо, — прошептала она, помогая девушке лечь; потянувшись, сдернула одеяло со своей кровати и накрыла им соседку. Себе же взяла ее влажное.

— Спасибо. Почему тебе сбрили волосы? — спросила девушка, пытаясь устроиться удобнее.

— Потому что я сопротивлялась. Тебе это не грозит. Завтра я за тобой присмотрю. Если Сестра поставит тебя к тяжелой машине, мы сможем поменяться. Может, мне даже удастся

отправить тебя на кухню. — Айви знала, что подобное ей не по силам, но хотела успокоить девушку, чтобы та смогла отдохнуть.

— Где моя малышка? — тихо спросила девушка, когда Айви уже повернулась к своей кровати.

Айви замерла. И тут же нахлынули мысли о Розе. Что если девочка сейчас плачет, и некому о ней позаботиться? Она вновь взглянула на соседку.

— Она в детской, с ней все в порядке. А тебе нужно отдохнуть. Ты же знаешь, колокол прозвонит рано.

Айви лежала в темноте, укрыв ноги промокшим от пота одеялом девушки, крепко обхватив себя руками в попытке удержать тепло. Мысли о том, что Роза одна в детской, не давали уснуть. С того самого дня, как вернулась на работу в прачечную, Айви не могла спокойно проходить мимо комнаты, где находились малыши. Детский плач оглушал. Изредка она видела, как Патрисия спешит от кроватки к кроватке, чтобы взглянуть то на одного, то на другого туго спеленатого ребенка. Всего в огромной, беленой известью комнате стояло примерно сорок кроваток. Детская была холодной и бесцветной, ничего похожего на ту комнату, в которой, как мечтала Айви, ее малышка проведет первые месяцы жизни. С мягкими одеялами и удобным стулом в углу, на котором Айви сидела бы и кормила дочь. И всякий раз, проходя мимо детской, она прилагала огромные усилия, чтобы не забарабанить в дверь и не попросить Патрисию дать ей подержать Розу. Хотя знала, что это бесполезно; ее бы попросту побили и, вероятно, нашли бы способ вдобавок отыгаться на Розе. Может, «забыли» бы разок ее покормить. А еще Айви умоляла Патрисию сказать, в какой кроватке лежит Роза.

— Я не могу, они меня убьют, — прошептала подруга, когда одна из Сестер бросила на них взгляд.

В конце концов, воспользовавшись шумом гладильного пресса, Патрисия рассказала ей, что кроватка Розы в дальнем конце комнаты, рядом с кухней. И что в детской очень холодно. Окна покрываются льдом даже изнутри, и малыши постоянно плачут, когда она пытается сменить им пеленки онемевшими от холода руками. И что, как только ребенок покормлен, его нужно тут же вернуть в кроватку. А если кто-то не успел доесть бутылочку вовремя, его все равно отправляют обратно, даже если малыш еще голоден. Многие дети плачут постоянно, лишь утихая во время кормления. А кто-то уже перестал плакать, потому что в глубине крошечного сердечка понимает, что никто не придет.

Айви сжалась в комок еще сильнее. Ее спина и бедра до сих пор пестрели всеми оттенками фиолетового от побоев Матушки Карлин. Но именно боль от невозможности находиться рядом с Розой порой полностью перехватывала дыхание. Она сидела за ужином, гоня капусту по тарелке. Ночи стали длиннее, чем дни; казалось, в тишине спальни она все время слышала плач Розы. Лишь одно пока удерживало от потери рассудка — надежда, что Алистер еще может прийти за ними. Хотя Айви все чаще одолевали сомнения, мечты постепенно тускнели. Она думала о том, что он продолжает жить прежней жизнью, а ей с Розой достались лишь боль и страдания. Он получил ее письма? Остался к ним равнодушен? Зачем он приложил столько усилий, убеждая Айви в своей любви, если отказался от нее так просто и без сожалений?

События последних двух дней изменили девушку навсегда. Если бы Алистер узнал о случившемся, то, конечно бы, пришел. Дрожа от холода, Айви сунула трясущуюся руку под подушку и нащупала ручку. До тех пор, пока по утрам, направляясь в прачечную, девушка

могла слышать плач Розы, надежда еще оставалась. Ведь это означало, что малышка пока здесь, в обители Святой Маргарет. Еще было время для борьбы. Но оно стремительно утекало.

*Любимый,
я в ужасе.*

Сегодня меня вызвали из прачечной в кабинет Матушки Карлин. Там был и Отец Бенджамин. Матушка Карлин стояла в углу с застывшей на лице улыбкой, а Отец Бенджамин сидел за столом. Еще там была незнакомая женщина. Отец Бенджамин попросил меня сесть. И я внезапно испугалась, так сильно, как никогда прежде. Он представил женщину как миссис Кэннон, сказал, что она работает в Комитете по усыновлению при обители Святой Маргарет. Я села, глядя в пол, чтобы он не видел моих слез, пока произносил слова, которые, наверное, говорил многим: «Я беседовал с твоими родителями. Мы полагаем, малышке будет лучше, если ты отдашь ее в приемную семью. Отцу она не нужна, так что девочка всю жизнь будет объектом насмешек. Ты хочешь обречь ее на подобное? Ее отвергнет общество, отвернутся сверстники. Она будет расплачиваться за твои плотские грехи. Кроме того, у тебя нет средств, чтобы ее содержать. Вы обе окажетесь на улице».

Сквозь слезы я попыталась сказать ему, что сожалею, умоляла не забирать моего ребенка. Но Матушка Карлин прошипела, чтобы я не перебивала. Отец Бенджамин опять спросил, хочу ли я, чтобы за мои грехи расплачивался ребенок. Он ослаблял меня, гасил мой дух. Внушал, что мне нечего ей предложить, что родители не желают моего возвращения, что без меня у девочки будет намного больше возможностей в жизни. Она будет расти в приличной католической семье, с любящими матерью и отцом. Я сказала, что не хочу ее отдавать, что она моя дочь. Я умоляла их не забирать Розу.

Потом Отец Бенджамин встал, а женщина подошла и села рядом со мной. Она взяла меня за руку и попросила называть ее Хеленой. Сказала, что я должна подписать отказ от Розы, что девочка очень красивая, и ей без труда найдут любящую семью. Я умоляла ее связаться с тобой, назвала твое имя. Но Матушка Карлин объяснила, что с тобой уже связались и рассказали о ребенке, но ты не проявил интереса. Она улыбалась, когда говорила об этом. Я никогда не забуду ее улыбку. Миссис Кэннон вложила мне в руку ручку и произнесла, что для Розы это будет самое лучшее.

Я сказала, что никогда не подпишу. Матушка Карлин ударила меня. Так сильно, что я разозлилась, как никогда прежде. И велела ей отправляться в ад. Потом Отец Бенджамин и миссис Кэннон вышли. Следующий час Матушка Карлин стояла надо мной с ножницами. Она срезала единственное, чем я еще могла гордиться — мои длинные рыжие волосы. Лезвия ножниц клацали, время от времени задевая кожу на голове, по лицу сочилось несколько струек крови. И, стоя надо мной, Матушка Карлин проговорила, что будь ее воля, я бы никогда не вышла за стены обители Святой Маргарет. Ведь такая шлюха, как я, в конце концов, снова окажется в беде. И если я не подпишу бумаги, она посоветует моим родителям отправить меня в психушку.

Закончив стрижку, она избила меня ремнем, потом открыла дверцу в полу и затолкала меня в дыру. Я кричала, молила меня отпустить, но она лишь закрыла надо мной дверь и заперла ее. Лежа там, в непроглядной темноте, я слышала шорох ее шагов по полу. А потом она выключила свет и вышла из кабинета, заперев за собой дверь.

Я провела четырнадцать часов без еды и воды в настолько тесном пространстве, что невозможно было даже поднять руку, чтобы почесать нос. И все это время я ощущала себя погребенной заживо. Сперва меня охватил приступ неконтролируемой паники. Я начала кричать и брыкаться, яростно толкаясь в пол над собой, пока не поняла, что дверь закрыта наглухо. Дыхание участилось; я глотала воздух так быстро, что закружилась голова. И мысли блуждали вокруг, в тесном пространстве, где я не могла двигаться. Но чем дольше я паниковала, тем меньше воздуха оставалось мне для дыхания. Горячего, застоявшегося, с запахом мастики для пола и влажной земли. Только когда я подумала о Розе, то смогла хоть как-то успокоиться. Вспомнила ее крошечные пальчики, нос кнопкой, голубые глаза, рыжие волосы. И дышала медленно. Так прошло много часов.

Это была самая долгая ночь в моей жизни, и я до сих пор не понимаю, как выдержала. Что-то внутри меня умерло той ночью, и в первый раз с тех пор, как родилась Роза, я не слышала ее плача.

Утром, когда вернулась Матушка Карлин, она спросила, подпишу ли я отказ или хочу остаться здесь еще на день. Я сказала, что не подпишу, и она, не раздумывая ни секунды, снова закрыла надо мной дверь.

К тому времени, когда она вернулась, уже ночью, я почти не дышала. Меня мучила дикая жажда и волчий голод. Ногти кровоточили оттого, что я много часов царапала ими крышку гроба.

Когда она открыла дверь, то предупредила — если я не подпишу отказ, они перестанут кормить Розу. И только я буду во всем виновата. Я подписала бумаги и мысленно пообещала Розе, что однажды отыщу ее. Когда-нибудь я найду способ выбраться отсюда, и она узнает, как сильно я ее люблю.

Если у меня заберут Розу, я больше не смогу жить в этом аду. Не знаю, почему ты не обращаешь на меня внимания, почему отвергаешь нас. И меня больше не заботит, что ты обо мне думаешь. Но ты обязан прийти и забрать нас из этой тюрьмы. Ведь в том, что мы оказались здесь, есть и твоя вина. Ты — наш единственный путь к спасению.

*Со всей своей вечной любовью,
твоя Айви*

Айви затолкала ручку и бумагу обратно под подушку и прислушалась к тяжелому дыханию соседки. Та, наконец, уснула.

Девушка вспомнила темноглазую малышку, которая сегодня заходила в прачечную. При виде нее Айви пришла в ужас. Она уже видела в обители девчушек лет тринадцати, но этой девочке в робе, почти волочащейся по полу, не могло быть больше шести или семи.

И Айви приняла решение: если ей придется остаться в обители Святой Маргарет, не имея возможности помочь ни себе, ни Розе, то она приложит все усилия, чтобы защитить эту маленькую девочку. И будет противостоять Сестрам, занимаясь тем, что они больше всего ненавидели. Она заставит девочку с разбитым сердцем почувствовать себя любимой.

Когда взошло солнце, Айви, наконец, уснула. Ей снилось, что она сидит на плечах у отца, наблюдая за его длинными шагами; он руками придерживает ее за ноги. Она была счастлива; улыбалась всем прохожим со своей неприступной башни, а морской бриз развеивал ее длинные рыжие волосы.

Среда, 3 апреля, 1957

Айви подняла взгляд от прессы для простыней. В дверях стояла девочка, которую она уже видела несколько недель назад. Тогда Айви какое-то время наблюдала, как та, встав на скамейку для ног, с трудом пыталась дотянуться до раковины. Маленькая, хрупкая фигурка, спутанные черные волосы и кожа желтоватого оттенка, которая, казалось, никогда не видела солнца. Айви решила, что малышке не больше семи. Затем, несколько дней спустя, девочка исчезла. Айви понятия не имела, куда; может, в счастливую семью, о чем она часто молилась по ночам. И вот, несколько недель спустя, девочка появилась снова. И выглядела даже бледнее, чем прежде.

Теперь она широко раскрытыми глазами оглядывала комнату, крепко стиснув перед собой маленькие ручки. Коричневая роба висела на худощавом тельце, словно шатер, из-под нее виднелись лишь крошечные лодыжки и узкие ноги в открытых сандалиях.

Айви наблюдала, как Матушка Карлин о чем-то говорила с Сестрой Фейт, опустив взгляд, когда монахиня ткнула пальцем в ее направлении. Она заставила себя сосредоточиться на работе, протаскивая вместе с Патрисией через пресс тяжелые раскаленные простыни, расправляя их, складывая, подготавливая для отправки в сушильную комнату. Когда рядом появилась Матушка Карлин, Айви почувствовала, как напряглось ее тело. Ощущая на себе оценивающий взгляд настоятельницы, девушка чувствовала, как деревенеют, теряя привычную ловкость, пальцы, а шипение прессов все больше напоминает змеиное.

— Мэри. — Дыхание Матушки Карлин коснулось ее шеи.

— Да, Сестра, — проговорила она, прекратив свое занятие.

— Приставь это дитя к работе. Она может возить простыни в сушильную комнату, чтобы вам не приходилось тратить на это время и бросать работу здесь. А по вечерам пусть спускается в гладильную комнату, чтобы принять и разделить выстиранное. Пусть Сестра Эндрюс вас отведет.

— Да, Сестра, — снова сказала Айви, заметив, что малышка подошла к ней ближе, инстинктивно отодвинувшись от Матушки Карлин.

— В ней сидит дьявол. — Лицо Матушки Карлин скривилось, словно она съела что-то горькое. — Если не сможешь приструнить ее, я найду того, кто сможет. Сейчас же принимайся за работу, — бросила она девочке, которая испуганно кивнула.

Айви с болью осознала, что все это время Патрисии пришлось мучиться одной. Когда Матушка Карлин ушла, она быстро повернулась, подхватив огромную простынь прежде, чем та коснулась пола. Случись подобное, и побоев им не избежать. И непроизвольно вскрикнула, сжав зубы, когда раскаленный хлопок, обжигая, коснулся кожи.

Девочка взглянула на нее и потянулась, чтобы помочь, сдвинув простыню с руки Айви. Та благодарно кивнула, и малышка едва заметно улыбнулась уголком рта.

Она пристально смотрела, как Айви и Патрисия складывали влажные простыни, добавляя их к груде таких же, уже лежащих на дощатом столе. Айви бросила взгляд на Сестру Фейт, которая что-то штопала, потом взглянула на девочку. Несмотря на явную запущенность, малышка была красива. Темно-карие глаза, опущенные длинными ресницами,

смотрели так пристально, что порой казалось, будто девочка затерялась в своих мыслях. В ней чувствовалась внутренняя сила. Расправив плечи, выпрямив спину, высоко подняв голову, она так внимательно наблюдала за каждым движением Айви, будто бы от этого зависела ее жизнь.

Сама же Айви пыталась сосредоточиться на работе, но в голове ее крутилось множество вопросов. Почему девочка оказалась здесь? Очередной ребенок, рожденный в стенах обители? Бродяжка, подобранная на улице? Малышка чистотой не отличалась; застарелая грязь въелась под ногти, проникла в складки кожи на сгибе локтей. Костлявые ручонки были все в синяках, а из-под забранных рукавов коричневой робы торчали пожелтевшие бинты, покрытые пятнышками засохшей крови. Они напомнили Айви воробьиные яйца, которые отец порой находил в гнезде на дубе, что рос во дворе дома.

У Айви кружилась голова от возложенной ответственности. Работа в прачечной была достаточно тяжела и для двадцатилетней женщины, не говоря уж о ребенке. Рабочий день начинался в шесть утра и заканчивался в восемь вечера. И два коротких перерыва на еду. Но пища была такой скудной, что после нее живот начинал урчать еще сильнее. Айви знала, что самой юной девушке, которая здесь работала, исполнилось четырнадцать, и дни той, в основном, состояли из постоянной борьбы с тяжелыми механизмами, сильной жары и бесконечных повторов изнуряющих действий. И не понимала, как сможет справиться с работой это хрупкое создание.

Айви, протянув руку, нажала на кнопку, выключая пресс. И принялась вместе с Патрисией грузить простыни на стоящую рядом тележку. Девушка пыталась понять, как же сделать так, чтобы эта работа оказалась по силам малышке. Ей самой с трудом удавалось протащить тележку через прачечную и дальше по коридору к сушильной комнате, не ударившись обо что-то или не опрокинув ее. Тележка была старой, а от веса простыней еще и тяжелой, с большими, неуклюжими колесами и грубой, выщербленной ручкой. В комнате, находящейся в конце длинного коридора, каждую мокрую простыню нужно было осторожно переложить на сушильные рельсы, а затем поднять к потолку всю платформу. Айви посмотрела на худенькую девочку, понимая, что той придется нелегко. Но если малышка проявит достаточно ловкости, то, может, все и получится.

Айви толкнула тележку, сделав девочке знак следовать за собой. Та мгновенно оказалась рядом. Пока тележка, скрипя и гроыхая, катилась по комнате, мимо десятков девушек, в молчании работавших у раковин, малышка пристально наблюдала, запоминая, как Айви постоянно поправляет и выравнивает ее, заставляя двигаться прямо. Когда они добрались до двери, Сестра Фейт повернулась к Сестре Эндрюс и протянула той связку ключей.

— Поторопись! — рывкнула Сестра Эндрюс, когда Айви повернула ручку и вытолкнула тяжелую тележку в коридор.

Она повторила движение, чтобы убедиться, что девочка запомнила. Здесь нужна была сноровка. И обе понимали, что, если девочка сделает что-то не так, ее накажут. Малышка, казалось, читала мысли Айви. А та умоляла взглядом: «Смотри внимательно!», и девочка кивала в знак того, что поняла.

Сестра Эндрюс двинулась впереди них по коридору к сушильной комнате, открыла тяжелым железным ключом дверь и встала у выхода. Расшатанная тележка, стуча, катилась по черно-белой плитке, ржавые колеса громко стонали от напряжения. Никто не произнес ни звука. Айви двигалась быстро, но осторожно, чтобы не врезаться в стену. Добравшись до

сушильной комнаты, она еще раз показала, как повернуть тележку, потом отодвинулась и отдала ручку девочке, чтобы та попробовала. Поначалу, когда Айви только начинала возить тележку, ей редко удавалось повернуть ее с первой попытки. Малышка справилась со второго раза, и, вцепившись в ручку обеими руками, провезла простыни через порог во влажную комнату сушки. Как только Айви с девочкой оказались внутри, Сестра Эндрюс вышла обратно в коридор и, со стуком захлопнув дверь, заперла их внутри.

Айви взглянула наверх. С двенадцати потолочных вешалок свисали сотни простыней, паря в воздухе, словно призраки на метлах. Она быстро прошла в угол комнаты, где оставалась последняя пустая вешалка. Отцепила шнур от крюка, и, быстро перебирая руками по веревке, спустила ее вниз. Затем взяла с тележки одну из простыней. Оказавшись впервые без посторонних глаз, Айви опустилась на корточки и заговорила с малышкой.

— Их нужно складывать ровно, иначе будут такие складки, что даже глажка не поможет. И работать следует быстро, — проговорила она, раскладывая простыню на вешалке. — Мы довольно быстро складываем столько простыней, чтобы заполнить тележку. И нужно, чтобы ты вернулась вовремя, чтобы их забрать.

Девочка кивнула, но промолчала. И начала помогать Айви, одну за другой стаскивая влажные простыни с тележки и расправляя их поверх деревянных прутьев вешалки. Айви наблюдала за ее работой. Руки малышки двигались быстро, и она внимательно следила за Айви, чтобы убедиться, что все делает правильно. Несколько раз девушка открывала рот, чтобы задать один из множества мучивших ее вопросов, но всегда одергивала себя, не желая лишней раз расстраивать малышку. Наконец, она все же решилась задать один, безопасный.

— Как тебя зовут? — мягко улыбнувшись, спросила она.

— Эльвира, — тихо ответила девочка.

— Приятно познакомиться, Эльвира. Я Айви, но тебе лучше звать меня Мэри. Это имя дала мне Матушка Карлин. Теперь каждый вечер мы будем возвращаться в эту комнату, снимать с вешалок сухие простыни, складывать и отправлять вниз по скату в гладильную комнату. — Айви указала на маленький люк в стене.

Малышка снова кивнула, и Айви повезла расшатанную тележку к узкой двери в коридор.

— Эльвира, сколько тебе лет? — спросила она.

Но прежде, чем девочка смогла ответить, щелкнул отпираемый замок, и дверь резко распахнулась. Казалось, с лица Эльвиры схлынули последние краски.

— И чем, во имя Господа, вы занимаетесь? — бросила Сестра Эндрюс, ее круглые щеки вспыхнули от злости. — Мне рассказать Матушке Карлин, как вы празднично болтали, пока другие трудились в поте лица?

— Нет, Сестра. Простите, Сестра, — пробормотала Айви, толкая тележку. Эльвира семенила за ней следом, как испуганная мышь. — Матушка Карлин попросила показать девочке гладильную комнату, — добавила она, — чтобы она знала, куда идти вечером.

Сестра Эндрюс тяжело вздохнула и окинула их взглядом, затем развернулась и направилась к темной лестнице в конце коридора. Включила тусклый свет и начала спускаться; каблуки ее ботинок глухо стучали по ступенькам.

Айви обернулась, знаками показывая Эльвире держаться ближе к перилам. Когда они спустились, Сестра Эндрюс сняла с пояса связку ключей и открыла тяжелую дубовую дверь. Айви бессознательно взяла Эльвиру за руку, чтобы провести между гладильными прессами. В комнате царил невыносимая духота. У каждого пресса размером с обеденный стол стояла девушка в коричневой робе. Все с покрасневшими лицами и огромными животами, двигаясь

так ловко, как только позволяло их положение, толкая горячие гладильные прессы вверх и вниз над разложенными простынями. Сестра Эндрюс остановилась возле огромного стального ската и повернулась к девочке.

— Этот скат ведет сюда из сушильной комнаты. Каждый вечер, как только прозвонит колокол, ты будешь спускаться сюда, принимать и складывать в корзину сухие простыни. — Она указала на огромную корзину из ивовых прутьев с колесами, стоящую в дальней части комнаты. — Потом, готовясь к утру, будешь поровну делить простыни между девушками. Думаю, дитя, тебе не нужно объяснять, что случится, если работа не будет выполнена, как должно?

— Нет, Сестра, — прошептала Эльвира, голос ее был едва слышен в окружающем шуме.

— Тогда поставь тележку у двери, — посоветовала Айви.

— У какой? — спросила Эльвира, бросив взгляд на маленькую дверь в дальнем конце комнаты, а затем на другую, уже большего размера, в противоположной стороне.

— Говорить будешь, когда к тебе обратятся, — бросила Сестра Эндрюс, отвесив девочке оплеуху. — У этой черной двери. Твоей глупой голове не пристало даже думать о какой-либо другой двери. Мы же не ошиблись, отправив тебя спать к азиатам? Говори, дитя. — Она подошла ближе, и Эльвира съежилась.

— Нет, Сестра, — пролепетала она, так сильно сжав пальцы, что они совершенно побелели.

Айви взглянула на маленькую дверь. Ходили слухи, что та вела в туннели под домом. Девушка никогда не видела, чтобы кто-то ей пользовался, а Патрисия предупреждала любой ценой избегать даже упоминания о том, что же может за ней скрываться. Она говорила, что слышала разговоры о туннеле, ведущем к резервуару и кладбищу, насквозь пропахшем смертью.

Оставшуюся часть дня Эльвира работала усердно и спокойно, делая все точно так, как показала ей Айви. Девушка ожидала, что малышка начнет уставать и медлить, жаловаться на стертые ладони или боль в плечах. Но жалоб не было, и к концу первой недели она, казалось, привыкла к непосильной работе. Когда Сестры не смотрели, Айви ей помогала, не испытывая ни малейшего раздражения, просто надеясь сосредоточиться на чем-то еще помимо своих мыслей.

Девочка вела себя спокойно, на вопросы отвечала осторожно. Но в те драгоценные минуты, что они каждый вечер проводили вдвоем в сушильной комнате, Айви мягко, но настойчиво пыталась вытянуть из нее как можно больше. Постепенно девушка выяснила, что Эльвире шесть лет, скоро исполнится семь, и спит она в комнате на чердаке. Что первые шесть лет жизни девочка провела в приемной семье, но затем ее вернули в обитель Святой Маргарет, потому что она «сделала что-то плохое». Она не говорила, что именно, и Айви действовала осторожно, мысленно репетируя вопросы, что так отчаянно хотелось задать, прежде, чем произнести их вслух. Существовала некая невидимая черта, которую Эльвира явно боялась пересекать. Когда Айви спрашивала об окровавленных бинтах на руках девочки, или о том, есть ли на чердаке другие дети, и хватает ли ей еды, руки Эльвиры начинали дрожать, и она замолкала.

Сделав несколько попыток выяснить правду, и видя, как Эльвира пытается сдерживать слезы после подобных вопросов, Айви отступила, начав говорить о другом. О том, что позволяло выбраться из обители Святой Маргарет и вернуться в мир, по которому обе так отчаянно скучали. Они мечтали очутиться в огромном поле в летний полдень, растянуться

на покрывале на мягкой траве и, греясь на солнце, поесть все то, что так любили. Хлеб с сыром, пышные пирожки со свиной начинкой, пшеничные лепешки с вареньем и хрустящие красные яблоки.

Но однажды утром Эльвира не появилась у дверей прачечной.

Айви провела в тревожном ожидании целый день. Она молилась, чтобы причиной отсутствия девочки была найденная для нее новая любящая семья. Но боялась, что действительность окажется намного более злободневной. Она умоляла Патрисию выяснить, не попала ли Эльвира в лазарет. Но девочки и там не оказалось.

Как и прежде, Эльвиры не было целый месяц. И Айви почти все время думала о ней. Словно, скорбя по Розе, она придумала себе малышку, которая теперь тоже исчезла из ее жизни.

Затем, так же внезапно, как пропала, Эльвира появилась снова.

Тихим шепотом в пустоте сушильной комнаты она поведала Айви, что сильно болела. Что так бывает всегда, когда приходят врачи, чтобы сделать им уколы.

— Нам приходится присматривать друг за другом, — добавила девочка.

— О чем ты говоришь? Кому это — нам? — спросила Айви, глядя на волосы Эльвиры.

— Детям, что живут на чердаке.

Понедельник, 6 февраля 2017

Оказавшись в квартире Китти, Сэм сразу позвонила бабушке. Эмма все еще болела, но, кажется, шла на поправку.

— Бабуль, что не так? Ты какая-то грустная, — спросила девушка.

— Все хорошо, милая. Я просто устала, — тихо ответила бабушка.

— Пожалуй, я позвоню на работу и скажу, что заболела. Так что скоро буду дома, — пообещала Сэм.

— Не стоит, — запротестовала бабушка. — У тебя могут быть проблемы. Бен сказал, что приедет в обед.

— Бабуль, все хорошо. Ты вымоталась, и я за тебя беспокоюсь. Правда, мне придется чуть-чуть прокатиться на поезде, чтобы забрать машину. Но вернусь, как только смогу. Думаю, часам к одиннадцати. Эмма болеет, и я ей нужна.

— Хорошо. Я люблю тебя, милая. И не беспокойся о нас.

— Я тоже люблю тебя, бабуль. Скоро увидимся.

— Ты смогла прочитать последнее письмо Айви? — добавила бабушка, когда Сэм уже собиралась повесить трубку. Голос старушки ощутимо дрожал. Похоже, история Айви очень сильно на нее подействовала. Настолько, что, казалось, будто затрагивала ее лично.

Однако с прошлого вечера, когда бабушка отдала Сэм письмо, столько всего произошло, что у девушки не было возможности его прочитать.

Закончив звонок, Сэм потянулась к сумочке и вытянула стопку писем Айви, перевязанных красной бархатной ленточкой. Она открыла самое последнее и быстро его прочитала, сознавая, что вот-вот снова появится Китти. Письмо было таким же душераздирающим, как и остальные. В нем упоминалась женщина — некая миссис Хелена Кэннон, которая занималась вопросами усыновления детей из обители Святой Маргарет. Сердце Сэм замерло, когда она прочитала это имя. Кэннон. Мать Китти? Возможно ли это? Быстрый поиск в Гугле подсказал, что мать Китти на самом деле звали Хеленой, и она неожиданно и скоротечно скончалась в больнице во время процедуры диализа.

— Все в порядке? — спросила вошедшая Китти, протягивая Сэм чашку чая. Девушка улыбнулась ей и убрала телефон с письмами обратно в сумочку.

— Да, конечно. Спасибо за чай, — проговорила Сэм, блуждая взглядом по комнате.

Квартира казалась очень большой. Она была оформлена в современном стиле. Окна от пола до потолка открывали вид на Темзу. Строгость обстановки смягчали тяжелые шторы, большие коврики и расставленные повсюду изящные лампы. В углу над столом висел помещенный в рамку гобелен с надписью: «А у вас и волосы на голове все сочтены. Не бойтесь».

Внезапно Сэм почувствовала легкую слабость. Она не помнила, когда ела в последний раз; веки налились тяжестью. Она осмотрелась вокруг, раздумывая, куда можно присесть. Все в квартире было настолько чистым и аккуратным, что она походила на витрину магазина. Сэм не решалась даже коснуться этой безукоризненно чистой мебели, опасаясь ее испачкать.

— Садитесь, Саманта, — предложила Китти, жестом указывая на диван рядом с

собой. — Вы немного бледная. Расслабьтесь и почувствуйте себя, как дома.

— Спасибо, — проговорила Сэм.

Какое-то время обе молчали, Сэм пыталась успокоиться. Она не могла понять, почему ей так сложно расслабиться. «Чувствуйте себя, как дома». Но «дом» обычно наполняли личные вещи, милые безделушки, фотографии. За время работы ей довелось побывать в сотнях гостиных — брать интервью, слушать истории самых разных людей, но подобного она прежде не испытывала. Несмотря на идеально подобранные предметы обстановки, здесь не было ничего личного. Сэм осмотрелась, ища фотографии Китти с семьей или друзьями, но не нашла. Комната, подобно самой Китти, была великолепна, но ничто в ней не могло приоткрыть завесу тайны. Так что здесь не было смысла искать следы Хелены Кэннон.

— Вы звонили бабушке? — Китти пристально посмотрела на Сэм.

— Да, — кивнула Сэм, отпивая чай. «Не удивительно, что я чувствую себя странно, — подумала она. — Оказаться в квартире Китти Кэннон после ночной охоты за подробностями истории, в которую босс лезть запретил». — Мы с дочерью живем в ее квартире. Она очень добрая. Без нее я бы пропала.

— Похоже, вы очень близки. Ваша мать тоже живет с вами?

Сэм опустила голову, раздумывая над ответом.

— Простите, я не хотела совать нос в чужие дела, — извинилась Китти.

— Не беспокойтесь, все в порядке, — ответила Сэм, хотя чувствовала, как внутри поднимается раздражение. Она не хотела ни говорить о бабушке, ни думать об Эмме. Ведь она сейчас так далеко от них. И от уютной, веселой, суматошной, неприбранной бабушкиной квартиры. — Понятно, что вы хотите узнать детали моей жизни. Я за последние пару дней уже покопалась в вашей.

Китти улыбнулась, показав идеально ровные, белые зубы. Сэм пыталась не слишком пристально ее разглядывать. Было в ней нечто невозможно идеальное. Девушка знала, что Китти уже за шестьдесят, так что она немного старше бабушки. Но, в отличие от бабушки, у сидящей перед ней женщины едва ли были морщины — кожа по гладкости могла соперничать с попой Эммы. Аккуратные ногти, привлекательное лицо с недавно нанесенным макияжем. Сэм ощутила непонятный порыв протянуть руку и коснуться сидящей рядом женщины, только чтобы убедиться, что перед ней не голограмма.

Девушка сжала чашку в руках, чтобы согреться.

— Мама умерла, когда мне было двенадцать. Она была алкоголичкой. До этого я даже не знала о существовании бабушки; они не общались. История моей семьи довольно колоритная, если не сказать больше. Думаю, те письма глубоко затронули нас обеих.

— Могу я на них взглянуть? На письма? — спросила Китти.

По непонятным ей самой причинам Сэм внезапно почувствовала за них беспокойство, но, поколебавшись, потянулась к сумочке и вытащила пачку писем.

— Их написала девушка по имени Айви. Она родила ребенка в обители Святой Маргарет, которого силой у нее отобрали. Письма любого заставят задуматься. Но бабушку удочерили, и она не знала свою настоящую мать. Полагаю, поэтому они так сильно на нее повлияли.

— Думаю, отнятый у матери ребенок может изменить жизнь нескольких поколений семьи, — проговорила Китти, протягивая руку к письмам, которые держала Сэм. — Похоже, они очень старые. Где вы их взяли?

— Мой дедушка торговал антиквариатом. Когда он умер, бабушка нашла письма среди

его бумаг. Вероятно, они завалились в каком-нибудь купленном им старом столе. — Сэм помедлила. — Полагаю, я видела родственницу Айви, но не знаю, где ее можно найти.

— Да? — Китти подняла взгляд от письма, которое держала в руке.

— Да. Я поехала на поминальную службу по Отцу Бенджамину. И заметила там очень странную женщину преклонного возраста. Уверена, что уже видела ее раньше. Она положила на гроб Отца Бенджамина эту фотографию. — Сэм потянулась к сумочке и, вытащив фотографию Айви, протянула ее Китти.

Когда Китти взглянула на фото, руки ее задрожали. Она словно окаменела, пристально вглядываясь в снимок.

— Вы в порядке? — спросила Сэм, ошеломленная ее реакцией. Девушка взглянула на черно-белое изображение Айви, затем вновь перевела взгляд на Китти. — Вы ее узнали?

Китти медленно покачала головой.

— Нет, не совсем. Думаю, это все последствия бессонной ночи. — Китти потянулась, чтобы поставить чашку на столик, но промахнулась, и та упала на пол, расплескав остатки чая по диванной подушке.

— Вот черт, — пробормотала Сэм, оглядываясь вокруг в поисках чего-либо, чтобы вытереть жидкость.

— Простите, я на минутку, — проговорила Китти, положила фотографию и вышла из комнаты, забрав с собой и подушку.

— Конечно. Вы в порядке? — прокричала Сэм ей вслед. Ответа не последовало.

Сэм вытащила из сумочки мобильник и нажала вызов. После нескольких гудков Фред поднял трубку.

— Фред, это я. Как дела?

— Отлично. Забыл вчера тебе сказать... Звонила некая Джейн Коннорс, спрашивала твой адрес. Сказала, что хочет тебе написать.

— Джейн Коннорс? Та самая, что в субботу предоставила эксклюзивный материал?

— Да. Та, что живет по соседству с ведьмой. Ну а ты как? — спросил Фред, когда Сэм нацарапала имя миссис Коннорс в своем блокноте.

— Все в порядке, хотя глаз не сомкнула. Сегодня будет тот еще денек. Завтра утром снесут обитель Святой Маргарет, но вершина еще не покорена. Думаю, позвоню позже и скажу, что заболела. Мюррей будет в восторге.

Сэм бегло пролистала свой блокнот. С того момента, как она прочитала последнее письмо, ее преследовало еще одно имя. Айви упоминала его несколько раз. Доктор Джейкобсон. Он отправил ее к Отцу Бенджамину, когда она узнала о своей беременности. И присутствовал в обители Святой Маргарет, когда родился ребенок Айви. Она понизила голос.

— Фред, можешь сделать одолжение и попробовать раскопать что-нибудь о докторе Джейкобсоне и о Хелене Кэннон. Они местные, полагаю, из Престона. — Сэм увидела, что в комнату вернулась Китти.

— Конечно, — проговорил Фред. — И еще, тот футболист, что ты просила найти. Единственным игроком Брайтонского клуба, который умер внезапно, был парень по имени Алистер Хендерсон. У него случился приступ астмы. Не знаю, считать ли это подозрительным. — Сэм услышала стук клавиш на заднем фоне.

— Это интересно. Спасибо. — Она записала имя «Алистер Хендерсон» в блокнот.

— И еще кое-что, — добавил Фред. — На момент смерти он был помолвлен с Китти

Кэннон.

— Что? — девушка взглянула на Китти, которая двигалась по комнате, раздвигая шторы и включая лампы, время от времени наблюдая за Сэм. Почему-то ее поведение раздражало. Она не производила впечатление женщины за шестьдесят, которая провела бессонную ночь, бродя по заброшенной стройплощадке. Китти казалась воплощением спокойствия и невозмутимости. Словно ее ничто не волновало.

— Да, в марте 1969. Ей было тогда... восемнадцать или девятнадцать? Может, именно поэтому она так и не вышла замуж и не завела детей. Поинтересуйся у нее в следующий раз, как увидишь, — проговорил Фред, усмехаясь про себя.

— Так и сделаю, — согласилась Сэм. — Спасибо, Фред. Позвони, если выяснишь что-либо о тех, чьи имена я тебе дала. — Она повесила трубку и взглянула на Китти. Та вновь устроилась на диване. — Китти, можно задать вопрос?

— Конечно.

— Вы не знаете, ваша мать... м-м... она работала в обители Святой Маргарет? — нервно спросила девушка.

Китти отвела взгляд, рассеянно перебирая кисточки на лежащем рядом покрывале.

— Да, работала. Но Хелена Кэннон не была моей биологической матерью.

Сэм понадобилась вся выдержка, чтобы не выразить чувств, охвативших ее после заявления Китти. Внешне девушка казалась совершенно спокойной, боясь заговорить или даже шевельнуться, чтобы не помешать той продолжить. По мнению Сэм, внешне невозмутимая Китти, которая двигалась с тайной грацией и сидела, выпрямив спину, прежде, чем заговорить, тщательно обдумывала каждое слово, что хотела сказать. В результате, когда она говорила, оставалось только слушать.

— У меня есть сестра-близнец, — проговорила Китти. — Ее зовут Эльвира. Думаю, у отца была интрижка, и та женщина, кем бы она ни была, родила нас в обители Святой Маргарет. Вероятно, она умерла при родах, хотя об этом нет никаких записей. Отцу сообщили, что у Эльвиры повреждение мозга. Но это оказалось не так. Ее удочерили, но шесть лет спустя вернули обратно в обитель Святой Маргарет. Насколько я знаю, там ей пришлось очень тяжело.

Китти подвинулась, опершись на спинку дивана. Сэм напомнила себе, что нужно дышать.

— Конечно, я об этом ничего не знала. Я росла в Суссексе, была единственным ребенком в семье. Как правило, я была счастлива. Обо мне в основном заботился отец. Хелена же, женщина, которую я считала матерью, сильно болела. Она страдала от почечной недостаточности и постоянно лежала в больнице.

Сэм взглянула на свой блокнот, отчаянно желая протянуть руку и схватить его. Но боялась, что малейшее движение может заставить Китти замолчать.

— В один воскресный день, в феврале 1959, когда мне исполнилось восемь, я поехала в церковь в Престоне. Это в полумиле от обители Святой Маргарет. Я была одна, потому что отец остался в больнице с Хеленой. Я стояла возле церкви, когда увидела за надгробием девочку. Она пряталась и подавала мне знаки. Я осмотрелась, не зная, что делать. В конце концов, я направилась к ней. — Китти помедлила. — И увидела себя, лишь более худую и грязную. Мы были так похожи, будто я смотрелась в зеркало.

— Боже, — пробормотала, не сдержавшись, Сэм. — Невероятно. И что вы сделали? Китти покачала головой.

— Она замерзла, весь день ждала меня снаружи. И явно была напугана, шептала, что мы должны спрятаться. Она взяла меня за руку и отвела в сарай. На Эльвире была грязная коричневая роба и сандалии с открытыми пальцами, а на улице лежал снег. Я отдала ей свое пальто и умоляла пойти со мной, чтобы отыскать отца, но она отказалась. Трудно описать то состояние Эльвиры. Она сбежала из обители Святой Маргарет, и страх парализовал ее.

Китти немного помедлила, потом продолжила.

— Я провела с ней в сарае часа два или около того, пока не стемнело. Я предложила найти отца, нашего отца, чтобы он отвез ее домой. Но она только впала в истерику и повторяла, что снаружи ее кто-то ищет. И, если найдут, то заберут обратно в обитель Святой Маргарет, а там ее убьют.

— Бедняжка, — проговорила Сэм. — А что, правда, можно вернуть усыновленного ребенка?

Китти немного помолчала. На ее лице ничего не отражалось.

— Безусловно, в те времена. Помню, когда я вернулась домой из больницы после того случая, к нам пришел Отец Бенджамин, чтобы поговорить с отцом. Я сидела на лестнице, внимательно слушая. Он сказал, что у пары, которая удочерила Эльвиру, появился свой ребенок, и что девочка пыталась ему навредить.

— Значит, они просто избавились от нее? Милые люди, — Сэм покачала головой.

— Я спрашивала об этом Эльвиру, — продолжила Китти. — Кажется, она сказала, что они отправили ее обратно потому, что она сделала что-то плохое. Но мне было восемь. Можете представить, насколько произошедшее ошеломило меня. Тяжело было воспринять все и сразу. В конечном счете, я сказала, что пойду за помощью, а потом вернусь за ней. Она умоляла меня не уходить, пыталась удержать, но я пообещала, что все будет в порядке. И выбежала в темноту. — Китти встала и подошла к окну, скрестила руки на груди, глядя на улицу.

— И вы нашли отца? — Сэм слегка подвинулась, ноги одеревенели от долгой неподвижности.

Китти покачала головой.

— Я только помню, что бежала. Дыхание вырывалось ледяным туманом, сердце оглушающе колотилось. Трудно описать, насколько было холодно, стоял февральский вечер. И я без пальто, потому что отдала его сестре, среди сельской местности. До той ночи я не понимала, что означает крошечная тьма. Я совсем ничего не видела. Я обещала ей, что не буду кричать, но была в отчаянии. Я слышала шорох животных в подлеске. Луну скрывали облака. Очень скоро я совсем замерзла. Я бежала по каким-то полям, надеясь вскоре выбраться на дорогу, но теперь знаю, что лишь глубже забиралась в Суссекские холмы. Я думала только о том, что нужно вернуться к Эльвире, или она умрет.

— Бедные девочки — и вы, и Эльвира, — Сэм покачала головой. — Печальная история.

— Я точно не помню, что случилось, но на пути оказалась канава. Я упала и сломала лодыжку. Я мучилась от боли, не в силах двинуться, не имея возможности вылезти. Я провела там всю ночь, звала на помощь. Когда взошло солнце, у меня началось переохлаждение. Хотя, не помню, чтобы я тревожилась о себе. В памяти осталось лишь лицо сестры и чувство, что я ее подвела.

— Но это не так, вы сделали все, что могли. — Сэм подошла к Китти и потянулась, чтобы положить руку ей на спину, но остановила себя.

Китти повернулась и посмотрела на нее.

— Я очнулась в больнице три дня спустя. Я чуть не умерла. Конечно, я была очень расстроена, спрашивала про Эльвиру. Отец сообщил, что она умерла. Он сказал, что понятия не имел о ее возвращении в обитель Святой Маргарет, думал, что ее удочерили. Он так и не признался, что меня родила не Хелена.

— Разве не осталось записей об Эльвире? Я слышала, как одна из Сестер обители Святой Маргарет упоминала об уничтоженных записях, но не знаю, что конкретно имелось в виду, — проговорила Сэм, когда Китти вновь устроилась на диване.

Китти покачала головой.

— Она говорила об архивах, где велись записи о рождении и смерти. Их обитель Святой Маргарет должна была передать Совету. Об Эльвире вообще записей не было. Часть архивов того времени пострадала в результате наводнения. По крайней мере, так говорили. Я пыталась ее отыскать, но следов не было. Она исчезла. Саманта, я никогда ее не оплакивала, ни разу в жизни. Будто бы никогда на самом деле не верила, что она умерла. И, похоже, оказалась права.

Глаза Сэм расширились, и она подвинулась ближе.

— Простите, вы думаете, что ваша сестра жива?

— Да. Девочка на месте аварии, в которой умер отец. Полагаю, это была Эльвира.

— Но почему вы считаете, что она не умерла? — спросила Сэм.

— Отец Бенджамин сказал отцу, что ее похоронили в обители Святой Маргарет. Но в отчете по раскопкам кладбища следов ее тела не оказалось. — Китти поправила подушку рядом с Сэм. — Я не была в обители Святой Маргарет с того дня. Но подумала, что вдруг удастся понять, что могло с ней случиться. Почувствовать себя к ней ближе. Знаю, звучит глупо, но, когда я уходила, она была жива. Может, ее кто-то нашел.

— Кто? — спросила Сэм.

— Не знаю. Возможно, та, кто написала эти письма, — проговорила Китти, разглядывая их. — Вы сами сказали, что люди, о которых писала Айви, были связаны с обителью Святой Маргарет. И умерли при подозрительных обстоятельствах. Я совершенно уверена, что те же Матушка Карлин и Отец Бенджамин были ответственны за состояние, в котором находилась Эльвира.

Сэм взглянула на лицо Китти. Оно было абсолютно спокойно, несмотря на тягостную беседу. Девушка почувствовала, как разрывается между желанием продолжать и чувством неудобства из-за отсутствия у Китти эмоций. Произносимые слова имели смысл, но было во всем этом что-то неправильное. Складывалось впечатление, что монолог давно отрепетирован, и Сэм будто оказалась на дешевой постановке в сельском клубе.

— Могу я задать личный вопрос? — спросила Сэм.

— Конечно, — согласилась Китти.

— Вы знаете, от чего умер ваш жених, Алистер Хендерсон?

— Да, у него случился приступ астмы. — Китти нахмурилась.

— И в этом не было ничего странного? — Сэм взглянула на лицо Китти. Как обычно, никакого выражения.

— Что вы имеете в виду? — неожиданно резко спросила Китти.

— Письма Айви адресованы отцу ребенка. Он был футболистом Брайтонского футбольного клуба. Возможно, еще один кусочек паззла, имеющий к вам отношение, — ответила Сэм.

Китти помедлила. Казалось, она уже не здесь, а где-то далеко. Плечи ее опустились,

челюсти сжались, словно она вновь вернулась в то болезненное время. Она так и не вышла замуж, не родила детей. Без сомнений, Алистер был любовью всей ее жизни.

— Да, раз уж вы спросили... было кое-что странное, — наконец, проговорила она. — Я рассказала об этом полиции, но они просто отмахнулись. В день, когда он умер, я должна была забрать его после матча. Но мне позвонили, чтобы сообщить, что он уехал с другой женщиной. Так что я не поехала. И он умер, пока ждал меня. Я никогда себе этого не прощу, — добавила она, ее голос снова был спокоен.

— Кто позвонил вам в тот день? — Сэм снова взглянула на свой блокнот.

— Точно не знаю. Какая-то женщина. — Китти взглянула на девушку. — Раньше мне это не приходило в голову, но... Возможно, то была Эльвира.

— Вы сказали, что встретили Эльвиру в 1959. Эти письма написаны примерно в то время, когда Эльвира находилась в обители Святой Маргарет. Может, Айви ее знала. Боже, хотела бы я вспомнить, где прежде видела ту женщину, — тихо проговорила Сэм.

— С похорон Отца Бенджамина? — спросила Китти. — Как она выглядела? Было в ней что-то приметное? Вы сказали, что она уже в возрасте. Она передвигалась с трудом?

— Да, на ходунках фирмы «Зиммер».

Сэм мысленно вернулась к разговору с Фредом, и, кажется, все начало обретать смысл. «Та, что живет по соседству с ведьмой», — сказал он. Женщина, которая наблюдала за Сэм, пока та шла по дорожке к дому миссис Коннорс. Это она положила фотографию Айви на гроб Отца Бенджамина.

— Вот! Теперь я вспомнила. — Она вскочила на ноги. — Мне нужно с ней поговорить.

— Вы поедете к ней прямо сейчас? — спросила Китти, тоже вставая.

— Боже, сейчас не могу. Мне нужно домой к бабушке и Эмме. — Сэм торопливо принялась собирать вещи.

— Эта женщина живет в Суссексе? — Китти проследовала за ней в коридор.

— Да. — Сэм натянула ботинки. Китти стояла рядом.

— Ну, можно заехать туда по пути домой, просто оставить записку. На это не уйдет много времени. Обитель Святой Маргарет вскоре снесут. Нам сегодня же нужно понять, знает ли она что-либо. — Китти стояла возле двери. Лицо ее внезапно окаменело, и Сэм, опустив взгляд, увидела, как руки ее нервно постукивали по бедрам.

— Хотите поехать со мной? Если вы сможете меня отвезти, путь займет намного меньше времени, — с надеждой проговорила Сэм.

— Простите, Саманта, но мне опасно садиться за руль. Я не спала всю ночь. Мне правда нужен отдых. Иначе мы обе окажемся в опасности.

— Хорошо. Я позвоню вам, как только с ней поговорю. Она может знать, жива ли Эльвира!

Китти улыбалась и махала из окна, пока такси Сэм не исчезло из вида. Потом подняла лежащую у двери дорожную сумку, вышла из квартиры и закрыла за собой дверь.

Суббота, 1 марта 1969

Алистер Хендерсон, шатаясь, бежал по полю. Весенний свет уже начал тускнеть.

Скоро раздастся звонок, возвещающий окончание выездного товарищеского матча между Брайтонским футбольным клубом и командой «Фулхэма» [38]. Осталось всего десять минут, а счет по-прежнему был «ноль-ноль». Секунды летели с устрашающей скоростью. Наконец, Алистер на мгновение замедлил бег, чтобы более пристально изучить защиту «Фулхэма». Он задыхался, но из страха привлечь к себе внимание, не взял с собой ингалятор. И теперь «Вентолин» [39] надежно покоился в сумке, оставшейся в раздевалке.

В последнее время менеджер команды все чаще выражал беспокойство по поводу его игры. И Алистер не собирался давать тому повод отправить его на скамью запасных всего лишь из-за какой-то астмы. Алистера пригласили играть за Брайтонский футбольный клуб, когда ему исполнилось двадцать. С тех пор прошло уже тринадцать лет, и, без сомнений, его золотые деньки остались в прошлом. Нынешний сезон оказался особенно неудачным. Если Алистер в ближайшее время не добьется результата, его, скорее всего, просто заменят.

За две минуты до финального свистка он смог использовать краткий миг, когда защитник «Фулхэма» упал, и забил гол. Когда же к Алистеру дружно бросились товарищи по команде, его дыхание стало таким затрудненным, что начали слабеть ноги. Он поднял взгляд на трибуны, где сотни болельщиков, выкрикивая его имя, махали синими шарфами. В ушах звенели поздравления. Он вглядывался в лица на передних рядах. Алистер не видел Китти, но было отрадно сознавать, что она там.

Когда судья объявил окончание матча, а игроки разошлись, он ударил себе в грудь сжатым кулаком. Было холодно, и трибуны быстро пустели. Люди стремились добраться до теплых баров. Алистер стоял на краю поля, оглядываясь вокруг в поисках Китти. Вообще-то, ей бы уже следовало появиться, скрестив руки, прислониться к двери, ведущей в туннель для игроков, откинуть назад длинные черные волосы, обрамлявшие красивое лицо.

— Мне нужно кое-что тебе рассказать, — сообщила она в их последнюю встречу, взяла его за руку, переплела его пальцы со своими. — Я заберу тебя после матча с «Фулхэмом» и сниму для нас номер в местном отеле.

— Ты идешь? — позвал Стэн, выдергивая его обратно в настоящее.

— Нет, спасибо. Китти уже едет, — проговорил Алистер, тяжело дыша.

— Ал, ты в порядке?

Алистер кивнул. Последнее, чего он хотел, это оказаться в автобусе для игроков, и чтобы сильный приступ астмы свалил его на глазах всей команды. Все бы суетились вокруг, наблюдая, как он борется за очередной глоток воздуха. И полные сочувствия лица за его спиной исказились бы страхом за будущее команды и его в ней место. Он забил гол, стал героем матча. И отчаянно нуждался в том, чтобы все так и осталось.

В конце концов, болельщики, распевая, растворились в туманной ночи, с шипением закрылись двери автобуса за игроками Брайтонского клуба. Алистер торопливо направился в раздевалку, желая лишь вдохнуть так необходимый сейчас сальбутамол и ослабить тяжесть в груди. Комната была заполнена паром. Игроки «Фулхэма» молча, подавленно смывали разочарование от проигрыша. Тут и там бродили обернутые полотенцами тела. Жар в

комнате, по контрасту с морозными сумерками снаружи, лишь усилил его состояние. Он торопливо искал свою сумку.

— Кто-нибудь видел синюю сумку? Она висела здесь, — спросил Алистер так громко, как только смог. Несколько игроков осмотрелись вокруг, но никто ничего не сказал. Он забил победный гол для команды соперников, и явно был здесь не самым популярным парнем.

Нужно выбраться наружу прежде, чем он потеряет сознание от жары. Теперь все происходящее напоминало дурной сон.

Весь день, вглядываясь в морозный туман над Южными холмами, Алистер чувствовал неодолимое беспокойство. Для его астмы холод был хуже всего. Мимолетную надежду на отмену матча принесло объявление по радио о том, что поле «Фулхэма» замерзло и стало непригодным для игры. Но по прибытии на место стало ясно, что надеялся он напрасно. Когда Алистер оказался в раздевалке, в воздухе уже разлилось ожидание скорой игры, и ему оставалось только смириться. Он позвонил Китти, лишь чтобы убедиться, что она приедет. Ее соседка по комнате сообщила, что девушка уже уехала. В туалетной кабинке он несколько раз вдохнул ингалятор, потом повесил сумку около входа.

Весь день температура неуклонно снижалась. Когда команды выбежали на поле, под ногами игроков захрустела трава. Теплое дыхание окутывало Алистера словно черное облако. Через полчаса он ощутил, что стало хуже. Какое-то зудящее ощущение, возникшее в теле, подсказывало остановиться. Он не мог отдышаться, мышцы шеи напряглись; казалось, кто-то набросил петлю ему на горло.

Сдаваться было нельзя. Двое запасных стояли у кромки поля, наблюдая и выжидая того часа, когда их разогревшиеся мышцы занюют от долгого бега, ждали возможности биться, блистать и попасть в число избранных. А потом, опершись о барную стойку в переполненном городском баре, наслаждаться тем, как местные красавицы, соперничая, пытаются привлечь их внимание.

— Какой позор, — сокрушались бы члены его команды. — Алистер, конечно, хорош, но в этот раз он совсем не блистал.

— А все из-за астмы, — подхватил бы другой. — Играть-то он умеет, но какой в этом прок, если он даже дышать не может?

Но что его ждет, если он лишится места в команде? Куча непогашенных долгов. Дом, за который он не сможет выплатить ипотеку. Машину, вероятно, заберут судебные приставы, как и вообще все мало-мальски ценное. Его признают банкротом, возможно, отправят в тюрьму. И, вне всяких сомнений, он потеряет любовь всей своей жизни.

Нет, выбора у него не было. Оставалось лишь продолжать игру, бороться и забить гол. И он это сделал. За две минуты до конца матча, собрав все оставшиеся силы. И с того самого момента, как на него набросились товарищи по команде, а тренер прокричал что-то в знак одобрения, он втягивал через нос иглы воздуха в сжимающиеся легкие, отсчитывая секунды до того, когда сможет воспользоваться крошечным баллончиком, лежащим на дне сумки, оставшейся висеть на крючке у входа в раздевалку. Сейчас же сумка исчезла.

— Проклятье, — выкрикнул Алистер.

Раздевалка быстро пустела. Горячий воздух вызывал приступы кашля, но он методично проверял каждый крючок и шкафчик. Бумажник тоже остался в сумке, так что у Алистера не было ни наличных, ни способа отсюда выбраться. Китти должна скоро приехать.

Постепенно кто-то начал гасить свет. Если он вскоре не попросит о помощи, то попадет

в беду. Но если он это сделает, а потом придет Китти... Алистер не хотел предстать перед ней таким слабым. Безуспешно пытаясь сохранять спокойствие, он направился к парковке. Делая неглубокие вдохи, он пытался привести мысли в порядок. Уезжали последние игроки. Забирались в свои машины и уносились прочь, шурша шинами по гравию под ногами.

— Хорошая игра, Алистер, — проговорил один из них. — Надеюсь, твоя черная полоса закончилась.

Алистер усмехнулся облаченному в комплимент оскорблению. Он смотрел, как машина движется к главной дороге, как огни передних фар вдали вливаются в общий поток транспорта. Он внушал себе, что Китти просто задерживается. Уже едет, ведь ничто не говорило об обратном. Наверное, стоит направиться к воротам и подождать ее там. Если станет совсем плохо, он просто посигналил какой-нибудь другой машине. Уж лучше незнакомец, чем игрок «Фулхэма». Так он сможет сохранить произошедшее в тайне.

— Спокойно, спокойно, — бормотал он, пытаясь подавить овладевавшую им панику.

Пока он шел к дороге мимо освещенного прожекторами поля, один за другим начали гаснуть огни. С каждым шагом он все больше погружался во тьму. Вновь нахлынули воспоминания о самом первом приступе астмы. Ему было четырнадцать, и он тренировался на поле, загоня себя до предела, чтобы попробовать пройти отбор в юношескую команду Брайтона. И в какой-то момент он вдруг понял, что не может дышать. Ноги его подкосились, и, хватая ртом воздух, он свалился в траву. Его окружили другие мальчишки. А потом он потерял сознание.

Доктор Джейкобсон сказал отцу Алистера, что мальчик вряд ли сможет профессионально играть в футбол. Он никогда не забудет выражение отцовского лица, как тот резко и ощутимо побледнел. Ведь история повторялась. И в тот миг Алистер впервые ясно осознал, насколько для него важно добиться успеха. Понял, что если придется, он охотнее умрет в погоне за мечтой, чем будет жить лишь наполовину, влачить существование рабочего, подобно отцу, смирившись с неудачей.

Пошатываясь, он брел сквозь пронизывающий холод, чувствуя, будто пытается дышать под водой. Постепенно огни фар пронесившихся мимо ворот машин начали вытягиваться, расплываться. Машин было мало, но когда одна проезжала мимо, казалось, что свет тянулся за ней, и следующий автомобиль словно принимал эстафету огней у предыдущего.

— Пожалуйста, помогите, — прохрипел Алистер, с трудом переставляя ноги.

С каждой проходящей секундой он все сильнее молился, надеясь услышать шорох подъезжающей машины, почувствовать на себе руки Китти, помогающей ему забраться внутрь. А потом она отвезет его в больницу. Успокаивая, позаботится о нем. Она всегда его оберегала, с самой первой их встречи.

Китти была единственной, кому Алистер рассказал об Айви. Прошло уже тринадцать лет с тех пор, как он узнал о беременности девушки. И за все это время упомянул о ней лишь в разговоре с Отцом Бенджамином. Это случилось в 1956. В то время Алистер готовился подписать контракт с Брайтонским футбольным клубом. Он любил Айви, но был молод. И находился на гребне высочайшей волны в своей жизни. Отец его неоднократно предупреждал, что улыбочивые красотки со временем превращаются в унылых, вечно недовольных жен, способных положить конец всем мечтам. Поэтому, когда Алистер пришел в церковь, чтобы исповедаться в своих грехах, а Отец Бенджамин предложил решение проблемы, юноша сразу согласился.

Айви бы его не отпустила. Им было хорошо вместе, Алистер был влюблен в девушку, но

ничего ей не обещал. Она писала ему несколько месяцев после рождения ребенка. Но в письмах было столько вымысла, что он просто перестал их открывать. Его злила подобная настойчивость. Айви явно потеряла рассудок, и Алистер был счастлив, что вовремя от нее сбежал. Он не представлял, что мог бы жениться на ком-то вроде нее, и вскоре окончательно убедился в своей правоте. У Айви не было ни подходящих манер, ни сдержанности, ни самообладания. Беременность явилась просто досадной ошибкой. Так почему же она не могла этого понять и просто продолжать жить дальше, как остальные девушки из обители Святой Маргарет? Письма становились все более беспокойными, и Алистер начал опасаться, что может произойти, если Айви когда-нибудь покинет обитель. И он решил поделиться своими тревогами с Отцом Бенджамином. Не хватало еще, чтобы какая-то девчонка поливала его грязью. А если об этом узнает его менеджер? Пресса? И Алистер с Отцом Бенджамином пришли к соглашению. В обмен на щедрое пожертвование найдется способ удерживать Айви в стенах обители Святой Маргарет как можно дольше.

Теперь Алистер уже видел дорогу, всего в нескольких шагах. Приступ сухого кашля разрывал горло; он не мог остановиться, не мог восстановить дыхание. Тяжело дышать. «Дыши!» Он рухнул на скамейку у входа, опустил голову между коленей и несколько раз неглубоко судорожно вдохнул. Нужно убраться из этого ледяного тумана, от него легкие горели огнем.

Алистер начал терять ощущение пространства. Попытался встать, но ноги его подогнулись, и он мешком рухнул на землю, ударившись головой о скамейку. Падение вышибло весь воздух, что еще оставался в теле. Он лежал спиной на земле, беспомощный, будто неспособный перевернуться жук. Вокруг разливались галлоны [\[40\]](#) воздуха, а он не мог сделать один-единственный вдох.

— Вставай, Ал! Мы опоздаем!

Он медленно открыл глаза и посмотрел вверх. Над ним стояла Айви, ее рыжие кудри были перевиты увядшими цветами, яркий луч света озарял бледное, перепачканное лицо.

— Айви? — с трудом пробормотал он.

— Служба начнется через минуту, все ждут. Глупыш, что ты делаешь на земле? Ты же испачкаешь костюм!

Когда она наклонилась вперед, чтобы взять Алистера за руку, он заметил живот, выступающий под белым шелковым платьем. Кое-где на нем разошлись швы. Под ногтями виднелась грязь, на испачканных ногах не было обуви.

— Я не могу двинуться, — прошептал он.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Айви, глаза ее заблестели от слез. — Отец Бенджамин ждет, чтобы нас поженить. Нам нужно идти!

Позади них появилась другая девушка, одетая в легкое голубое платье подружки невесты, все грязное и в жирных пятнах. В руках она держала плачущего младенца в одном лишь перепачканном подгузнике.

— Айви, что-то не так? — спросила она.

— Алистер сказал, что не может пойти со мной, — проговорила Айви, утирая слезы тыльной стороной грязной руки.

Ребенок заплакал еще громче и настойчивей.

— Вставай! — прокричала девушка. — Ты разобьешь сердце Айви.

Алистер заметил у дороги телефонную будку. Если он продолжит двигаться вперед, то шансы еще есть.

— Куда ты собрался? — спросила девушка.

И голова Алистера упала обратно. Она нависала сверху, злая, полная решимости. А у него больше не осталось сил двигаться. Закончился воздух для дыхания. Не было выхода. Слезы заструились по его щекам.

— Какой позор. — Она уселась прямо на него, зажав ему руками рот и нос. Поначалу он сопротивлялся, цепляясь ей за руки, пытался оттолкнуть, но силы были не равны. — Ты никогда не заботился об Айви. Ни о ком, кроме себя, — проговорила девушка, с силой ударив его по лицу.

Нет воздуха, нет сил, нет борьбы. Он смотрел, как Айви прижимает к себе ребенка, которого забрала у подруги, поет ему песенку, и малыш начинает смеяться.

— Карусель у нас в саду, медвежонок, я иду. Раз — шажок, два — шажок, щекочу тебя, дружок.

«Сними ее с меня. Помоги мне. ПОМОГИ МНЕ».

Алистер боролся, пытаясь дергать ногами, но они лежали неподвижно, будто придавленные упавшим деревом. Девушка сосредоточенно зажимала ему рот и нос, надавливая все сильнее, пока в груди его не возникла обжигающая боль. Затем поползла вверх по шее, проникла в мозг, снова и снова взрываясь внутри, подобно фейерверку. Медленно наползала темнота, словно он смотрел внутрь постепенно сужающегося туннеля. Карусель у нас в саду, медвежонок, я иду...

Смех ребенка становился все глуше. Все усилия Алистера дышать были бесполезны, будто он находился под водой. Казалось, он стал невесомым, погружался все глубже и глубже. Он откинул голову назад, пытаясь поймать напоследок несколько крошечных пузырьков воздуха. До того, как исчезнет навсегда.

И тогда он увидел Китти.

Взгляд его замер на ее лице, а он скользил вниз, глубже и глубже, пока внезапно яркий свет не пронзил тьму, заполнив весь туннель.

Ее голос прокричал его имя.

— Алистер. АЛИСТЕР!

«Китти, это ты?»

Он пытался открыть глаза, но погрузился слишком глубоко. Теперь уже поздно. Он устал, очень устал.

«Просто дай мне поспать. Пожалуйста, дай поспать».

Понедельник, 6 февраля 2017

Поездка на поезде обратно в Суссекс заняла два часа. Забрав машину, Сэм направилась к дому Джейн Коннорс. Она была здесь менее двух суток назад, но мир за это время разительно изменился.

Сэм достала блокнот, раскрытый на странице со списком имен: отец Бенджамин, Джордж Кэннон, мать Карлин, Алистер Хендерсон.

Сэм почувствовала, как внутри у нее все сжалось, сделала глубокий вдох и вытаскала из сумочки письма Айви. Стиснула их так сильно, словно бы они были ключом в тайный мир, куда ей отчаянно хотелось попасть. Потом вылезла из машины и направилась к воротам соседнего дома. В прошлый раз отсюда за Сэм так пристально наблюдала старушка, что ей сделалось не по себе. Деревянная табличка на воротах гласила: «Розовый коттедж», но арка над ее головой была пуста. Девушка медленно двинулась вперед, осторожно ступая по обледеневшей брусчатке, ноги дрожали от недостатка сна.

Когда Сэм, протянув руку, нажала на звонок у двери, все ее тело дрожало. Сильнее затянув пояс пальто, она ждала ответа. Нервы начали медленно сдавать. Внезапно она поняла, что едва ли готова встретиться с женщиной, находящейся по другую сторону двери. Девушка снова нажала на кнопку звонка, затем отступила назад, оглядывая дом сверху донизу. И заметила, как дернулась штора в одном из окон.

Сэм открыла блокнот на новой странице.

Женщине, которая оставила фотографию Айви на крышке гроба Отца Бенджамина.

Мы никогда не встречались, но я чувствую, будто знаю вас. У меня есть несколько писем. Полагаю, их написала та самая Айви с фотографии. Я отчаянно хочу встретиться с вами, чтобы узнать наверняка.

Вероятно, вы считаете, что пережитые Айви боль и несправедливость нельзя ни забыть, ни простить. Я тоже так думаю.

Мне бы очень хотелось с вами поговорить. Я — репортер, и полагаю, что мир должен узнать правду об обители Святой Маргарет. Но я уважаю ваши чувства. Ваша соседка миссис Коннорс подтвердит, что я буду действовать на ваших условиях. И не упомяну о том, что вы посчитаете неудобным.

Айви бы очень гордилась таким поступком. Ей бы хотелось поведать миру о произошедшем. Полагаю, что и вам тоже.

Пожалуйста, позвоните мне сегодня же. Ради Айви. Наверное, вы уже знаете, что у нас мало времени. Завтра обитель Святой Маргарет снесут, и тогда ее история будет похоронена навсегда.

Саманта Харпер

Сэм нацарапала внизу свой номер, затем сложила листок и сунула в щель для писем на двери. И пошла обратно по дорожке, зная, что за ней наблюдают. Она понимала, что, стоит ей забраться обратно в машину, старушка склонится над дверным ковриком и поднимет записку.

Она завела двигатель и устала на телефон, желая, чтобы он зазвонил. В зловещей тишине перед мысленным взором мелькали события последних двух дней. Несмотря на неумолимо несущееся вперед время, Сэм не знала, что делать дальше. Разговор с Китти Кэннон казался каким-то нереальным. Если Эльвира существовала, Айви должна была ее знать.

Сэм вновь взглянула на письма, отчаянно желая вытянуть Айви с их страниц. Могла ли она оказаться той седоволосой женщиной из коттеджа? Голова Сэм кружилась от усталости, наполняясь мыслями о бабушке и Эмме. И о Бене. Она так сильно по нему скучала. Наверное, стоит попытаться вновь. У них были непростые времена, но ради блага Эммы нужно приложить все усилия.

Сэм понимала, что пытается бежать от проблем, но не знала, как остановиться. Если бы она просто смогла поговорить со старушкой, распутать этот клубок, то, возможно, обрела бы частичку покоя и в собственной жизни.

Она вздрогнула, когда зазвонил телефон. Взглянула на экран.

— Привет, Фред. — В голосе Сэм отчетливо слышалось разочарование.

— Слушай, Мюррей вышел на тропу войны. Он хочет знать, где ты.

— Я же попросила тебя сказать, что заболела, — в панике пробормотала Сэм.

— Нет, ты сказала, что позвонишь ему позже и объяснишь все сама.

— Черт. Скажешь ему, что у меня мигрень, и я не смогу приехать? У меня нет сил с ним разговаривать. — Сэм посмотрела в зеркало и попыталась расчесать пальцами волосы, чтобы привести их в порядок.

— У тебя ужасный голос. Все нормально? — тихо спросил Фред.

— Не совсем, — пробормотала Сэм, вытирая смазавшуюся тушь.

— Ну, я немного покопался в архивах, в поисках того, что ты просила. Как написано в «Суссекс Таймс», согласно следствию, Хелена Кэннон долгое время пролежала в отделении нефрологии 6 (Нефрология (от др. — греч. νεφρός — «почка», и λόγος — «учение») — область медицины, изучающая функции и болезни почек.) брайтонской больницы с острой почечной недостаточностью. Каким-то образом рано утром 3 июля 1968 у нее в фистуле (Фистула (лат. fistula «трубка») — патологическое или искусственно созданное отверстие в теле.) сдвинулась игла, и женщина истекла кровью.

— Как это случилось? Кто дежурил той ночью?

Сэм услышала, как Фред стучит по клавиатуре.

— Медсестра по имени Кэрол Аллен. Во время следствия она давала показания, пояснила, что всю ночь у Хелены Кэннон была процедура диализа. По всей видимости, женщину надолго подключали к машине, у нее была почечная недостаточность в терминальной стадии (Терминальная стадия почечной недостаточности — стадия развития хронической почечной недостаточности, при которой заболевание переходит в завершающую стадию и угрожает жизни и здоровью человека.). Медсестра Аллен заявила, что та мирно спала, когда она в последний раз проверяла Хелену, и все было в порядке.

— Что насчет доктора Джейкобсона?

— Он умер в 1976. Утонул в бассейне собственного дома. Его разыскать было не сложно, он много лет проработал терапевтом в Престоне. Но большего я сделать не могу, Сэм. Я в шаге от того, чтобы вылететь с работы.

Сэм вздохнула.

— Еще одна просьба, Фред. Может, у тебя получится сегодня днем заехать в дом

доктора Джейкобсона и поговорить с его женой? Мне очень нужно вернуться к Эмме.

— Посмотрю, что смогу сделать. Но ничего не обещаю, — пробормотал Фред.

— Огромное спасибо. За мной должок.

Сэм бросила телефон на сиденье, где кучкой лежали письма Айви, потом вновь взглянула на дом. Вернувшись к странице с именами, добавила еще два: Хелена Кэннон и доктор Джейкобсон. Шесть человек, которые умерли внезапно. Не считая Джорджа Кэннона, все они упоминались в письмах Айви.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, Сэм подняла глаза. В дверях дома стояла старушка, которую девушка видела накануне на похоронах Отца Бенджамина. И знаками показывала ей подойти.

Понедельник, 20 мая, 1957

Айви неподвижно лежала на кровати в спальне. Прозвенел колокол, созывающий на утреннюю молитву. Девушки вокруг нее засуетились: поспешно направляясь в уборную, натягивая робы прямо на ночные сорочки, заправляя кровати и замирая рядом для утренней проверки. Они ждали прихода Сестры Мэри-Фрэнсис.

— Мэри, нужно вставать. Сестра вот-вот появится, — проговорила девушка, спавшая на соседней кровати, и мягко потрясла ее за плечо.

Айви всю ночь глаз не сомкнула. Сорочка ее промокла от пота, но она лежала неподвижно, глядя в пространство широко раскрытыми глазами. И удивлялась тому, что до сих пор способна дышать. Ведь она видела собственными глазами, как два дня назад молодая пара забрала Розу из обители.

Тот день в прачечной выдался особенно тяжелым. Много часов подряд она тянула простыни через каток и сильно обожглась. Эльвира снова исчезла. Айви понятия не имела, куда, но без своего единственного утешения, маленькой отдушины, чувствовала рвущее душу отчаяние. Последние несколько недель ей с трудом удавалось удерживать в себе какую-либо пищу. В обители Святой Маргарет не было зеркал, но ночью в кровати, проводя руками по ребрам и ключицам, Айви отчетливо понимала, что происходило с ее истощенным телом.

Сестра Мэри-Фрэнсис пристально наблюдала за ней все утро. Айви не знала причины, но чувствовала в происходящем какую-то неправильность. После обеда пришла Сестра Фейт. Монахини о чем-то беседовали, то и дело по очереди, поглядывая на Айви. Когда же девушка попыталась прочесть что-то по их губам, из катка вырвалась струя пара, и она не смогла вовремя отдернуть руку.

Айви вскрикнула, просто не смогла сдержаться. Сильный жар коснулся кожи как раз там, где уже красовался ожог, полученный несколько часов назад. Она нервно взглянула на Сестер. Конечно же, они все видели, и сейчас одна из них устроит ей взбучку за невнимательность. Но на нее даже не взглянули. Наконец, закончив разговор, Сестра Фейт кивнула Сестре Мэри-Фрэнсис, в последний раз взглянула на Айви и ушла.

Осознание пришло, когда по пути в столовую она шла мимо детской. Сквозь какофонию детских криков не слышно было голоса Розы. Ее накрыла волна чистой паники. Айви неподвижно замерла у двери. Девушки, шедшие позади, врезались в ее застывшую фигуру.

— Боже, Мэри, в чем дело? — прошипела Сестра Мэри-Фрэнсис.

— Где она? Где Роза? Я ее не вижу. — Айви напряженно пыталась рассмотреть сквозь маленькое оконце на двери, что происходило в детской.

— Вот-вот отправится в свой новый дом. Намного лучше всего, что могла бы дать ей ты. Так что сейчас же прекращай дерзить.

И Айви отмерла, метнулась вверх по лестнице в спальню, перепрыгивая через ступеньку. Снизу, отдаваясь эхом, вслед ей неслись крики Сестры Мэри-Фрэнсис, призывающей вернуться. Девушку все сильнее накрывал ужас. Подбежав к окну спальни, она выглянула наружу.

На подъездной дорожке стояла элегантная черная машина. Рядом с ее открытой дверцей находилась Матушка Карлин, держа на руках ребенка в розовом одеяльце. Том самом,

которое Айви сама связала для Розы. Поддерживаемая мужчиной в сером костюме женщина, одетая в летнее кремовое платье и черные туфли, опустилась на пассажирское сиденье.

Айви забарабанила по стеклу, закричала во всю силу легких. Матушка Карлин протянула Розу женщине. Мужчина захлопнул дверцу машины и пожал руку Матушке Карлин, потом поднял взгляд на окно, где стояла Айви. В тот самый момент, как Сестра Мэри-Фрэнсис оттащила ее прочь. После этого девушка мало что помнила. Лишь чувствовала, что от горя теряет рассудок. Уже позже Патрисия рассказала Айви, что с помощью Сестры Мэри-Фрэнсис Матушка Карлин буквально стащила ее вниз по лестнице в свой кабинет.

— Вставай, Мэри. — Теперь над ней возвышалась Сестра Фейт. Девушка по-прежнему лежала в кровати, уставившись в потолок.

Айви знала, что, если не будет двигаться, ее снова могут отвести в кабинет Матушки Карлин. А если наложенное наказание не заставит прийти в себя, ей обещали, что Матушка, не колеблясь, отправит девушку в сумасшедший дом.

— Сейчас же поднимайся с кровати. Или пожалеешь, что на свет родилась.

Когда ботинки Сестры Фейт зашлепали к двери и раздался ее призыв о помощи, Айви закрыла глаза и подумала о письме, которое написала любимому прошлой ночью.

Алистер,

Роза уехала.

Я видела, как ее забирали приемные родители. И расстроена до глубины души.

Не могу перестать плакать, даже из страха, что меня отправят в сумасшедший дом, если не приду в себя. Не могу есть, так что в руках и ногах почти не осталось сил. Часто обжигаясь о машины в прачечной. Но почти рада физической боли, потому что хоть на краткий миг она облегчает душевные страдания.

Прежде я всегда считала себя сильной. Ничто не могло меня сломить. Даже после смерти отца я нашла способ выбраться из уныния. Ведь я была свободна. Могла гулять, смотреть на звезды и воображать, как он смотрит на меня сверху. Но с тех пор, как я приехала сюда, мне не позволяли покидать стен обители. И с каждым днем я все сильнее ощущаю, как здешний воздух меня душит.

С той ночи в кабинете Матушки Карлин бывают моменты, когда я не могу дышать. Остается только сжаться в комок и ждать, пока пройдет приступ. Я не могу спать. Лежу без сна всю ночь, а в голове проносятся мысли о Розе. Где она сейчас? Куда ее забрали? Здорова ли она? Счастлива? Я все еще чувствую запах ее кожи, помню, как она двигалась внутри меня. И там, где была Роза, ощущаю пустоту, которая день за днем, словно черная дыра, высасывает из меня жизнь.

Если же удастся задремать на краткий миг, я вижу вас с Розой. Ты несешь малышку на плечах, а она ест мороженое. Мы гуляем вдоль причала. Я чувствую на лице соленый воздух, а внутри — чистое счастье. А потом я просыпаюсь и понимаю, где нахожусь. И снова медленно схожу с ума. Меня больше ничто не радует, словно между мной прежней и мной теперешней встала невидимая стена. Ежедневно я напоминаю себе, что я — Айви, у меня были длинные рыжие волосы, что меня любили. Но с каждым днем голос внутри становится все слабее. Я скучаю по школе, по своим друзьям, по прежней жизни. По тебе, Алистер. Почему ты не приходишь за мной? Вскоре от той Айви, что ты знал, ничего не останется. У меня уже отняли ребенка. Так зачем забирать и все остальное? Мое будущее,

мечты, любовь? Почему бы просто меня не отпустить? Разве я мало страдала?

Остальные девушки смотрят, как я плачу, но даже не пытаются утешить. Разговаривать запрещено, наказание будет жестоким. Иногда я смотрю на кривящиеся от ненависти лица монахинь, избивающих тощих, сломленных девчонок. И думаю, насколько же они безнадежно несчастны, если ведут себя подобным образом. На самом деле, мне их жалко. Ведь они — такие же жертвы, как и мы. И тоже страдают. Пусть монахини олицетворяют собой обитель, но не они нас сюда поместили. Это сделали люди, которые должны были о нас заботиться. Но вместо этого бросили. Наши возлюбленные, родственники, врачи, священники... Если бы они не повернулись к нам спиной, кровати обители Святой Маргарет были бы пусты.

Меня больше не волнует, отправят ли меня в сумасшедший дом. Что может быть хуже, чем этот живой ад? Работать в прачечной с момента пробуждения и пока от усталости не подогнуты ноги. Чтобы оплатить долг, мне предстоит терпеть все это еще несколько лет.

Я мечтаю сбежать, но за нами везде наблюдают. Не смотрят лишь ночью в спальне. Но окно от земли в сорока футах. Если бы не Роза, не мечты, что однажды мы будем вместе, я бы его разбила и прыгнула вниз.

Я не могу умереть, не сказав, что любила ее и отчаянно хотела удержаться рядом. Прошу, если ты однажды ее встретишь, покажи ей эти письма. Хочу, чтобы она знала, как сильно я ее любила, что каждую минуту отчаянно желала прижаться к себе. Скажи, что у меня не было выбора, мне пришлось от нее отказаться. Скажи, что я за нее боролась.

Теперь я знаю, что ты меня не любишь. Ведь ты прочитал все письма, но оставил меня гнить здесь. Ненавижу тебя за то, что ты с нами сделал. Однажды ты об этом пожалеешь.

Айви

Понедельник, 6 февраля 2017

Выровняв дыхание, Сэм во второй раз направилась по мощеной дорожке к «Розовому коттеджу». Она пыталась расслабиться. Хотелось, чтобы эта беседа прошла для старушки как можно менее напряженно. Когда Сэм впервые увидела ее два дня назад сквозь струи дождя, то не обратила особого внимания. Теперь же, в строгом свете дня, не составляло труда определить возраст женщины. Он отражался на ее коже, на том, как она, сгорбившись, цеплялась за ходунки, словно боялась упасть. Сэм мысленно прикинула: если Айви родила Розу в 1957, тогда матери Айви сейчас должно быть около ста лет.

— Здравствуйте, вы получили мою записку? — улыбнувшись, спросила Сэм.

— Да, — проговорила женщина. В уголках ее рта возникла слабая улыбка. — Должно быть, ты — Саманта.

— Да, — живо подтвердила Сэм. — Очень приятно с вами познакомиться.

Тонкие руки женщины лежали на ходунках фирмы «Зиммер». С шеи на цепочке свисали очки.

— Я — миссис Дженкинс. Хочешь войти?

— Да, с удовольствием, — проговорила Сэм.

Миссис Дженкинс подвинула ходунки, чтобы Сэм смогла пройти внутрь. Девушка потянулась, чтобы ей помочь.

— Я справлюсь, — сказала старушка. — Милая, закрой дверь. И буду благодарна, если разуешься. Я стараюсь соблюдать чистоту.

— Без проблем, — проговорила Сэм, сняла ботинки и поставила их у двери.

— Хочешь чашку чая? — спросила миссис Дженкинс, направляясь вглубь коридора.

— Да, конечно. — Сэм рассматривала висящие на стенах светильники, картины, изображающие холмы, черно-белые фотографии. Взгляд зацепился за зеркало в деревянной раме. Она поймала в нем свое отражение и отвернулась.

— Прошу тебя, садись, — предложила миссис Дженкинс, когда они оказались в уютной кухне в деревенском стиле. В центре ее стоял деревянный стол.

Сэм вытянула стул и села.

— Спасибо, миссис Дженкинс. Все называют меня Сэм.

— Тогда я просто Мод. — Старушка включила чайник. — Значит, ты репортер?

— Да, грешна, — пробормотала Сэм. Взглянув на Мод, она заметила, что женщина снова улыбнулась.

— Я получила твою записку, — продолжила Мод. — Письма у тебя с собой?

Сэм вытащила их из сумочки.

— Судя по ним, Айви была особенной.

Мод устроилась на соседнем стуле.

— Так и есть. Не проходит и дня, чтобы я о ней не думала. — Мод посмотрела на письма, медленно развернула страницы. — Я по ней очень скучаю. — Она потянулась и погладила Сэм по волосам. Девушка немного удивилась, но выдавила улыбку.

— Значит, Айви была вашей дочерью? — мягко спросила она.

— Конечно, — подтвердила Мод.

— Мод, могу я задать вопрос? Конечно, в письмах это есть, но я хочу услышать вашу версию. Как Айви оказалась в обители Святой Маргарет?

Мод вздохнула.

— Она забеременела от местного парня. Влюбилась в него без памяти. Отец Айви умер на войне. Скорее всего, он бы согласился оставить ребенка в доме. Но я вышла замуж за его брата Фрэнка, дядю Айви. А он был очень строгим. Доктор Джейкобсон, местный врач, предложил в качестве выхода обитель Святой Маргарет. Чтобы родить ребенка и потом отдать на усыновление. Для отца ребенка Айви это оказалось вполне приемлемо.

— Его звали Алистер Хендерсон? — спросила Сэм, сверившись с блокнотом.

— Да, именно так. В конце концов, мне пришлось согласиться. Но я никогда не прощу себе, что отказалась от борьбы. Результатом стали наши разрушенные жизни. — Мод перевела взгляд на окно. — Думаю, вскоре после рождения ребенка Айви впала в уныние. Отец Бенджамин убеждал, что ей нужно остаться на лечение в обители Святой Маргарет, чтобы прийти в себя. Я часто писала ей, приносила письма прямо к воротам. Но сколько бы я ни умоляла, Сестры так и не позволили мне ее увидеть. В конечном счете, мне пришлось смириться.

— Лечение в обители Святой Маргарет? От чего? — спросила Сэм, быстро записав это в блокнот.

— Нам сообщили, что у Айви психические расстройства. Я ходила туда, неделю за неделей, спрашивала, можно ли ее увидеть. Но Матушка Карлин говорила, что момент не подходящий, что Айви может только сильнее расстроиться. Я чувствовала себя виноватой. В первую очередь, в том, что Айви вообще оказалась в обители.

Мод немного помолчала, потом взглянула на Сэм.

— Тебе этого не понять, но в те времена люди практически полностью находились под влиянием католической церкви. Хотя я была взрослой женщиной, мне и в голову не приходило спорить с монахиней. Наверное, если бы муж меня поддержал, я бы нашла способ пробраться внутрь, пусть даже силой. Но для Фрэнка... — Голос ее дрогнул. — Его все это раздражало с самого начала. Волновало то, что может произойти. Так что, в то время обитель Святой Маргарет казалась хорошим выбором. У нас не было причин сомневаться.

Сэм оторвала взгляд от своих записей.

— Но что еще вы могли сделать?

Мод только покачала головой.

— Айви провела в обители Святой Маргарет около двух лет. И все то время я ненавидела себя за это. В конечном счете, у меня развилась ужасная депрессия. Вероятно, причиной ее стало все произошедшее с Айви. Я сказала Фрэнку, что намерена найти законный способ ее вернуть. И если он мне не поможет, я просто от него уйду. Он как раз обдумывал эту мысль, когда мы получили письмо.

— Письмо? — Сэм показалось, что Мод выглядела очень усталой, словно каждое движение давалось с трудом и требовало огромных усилий.

— Милая, загляни в буфет. Не хочу вставать. Внизу внутри лежит коробочка. — Сэм посмотрела, где было сказано. Открыла дверцу буфета, и вытащив коробку из-под обуви, поставила ее на стол перед Мод. Та сразу же начала в ней рыться.

— А вот и оно. — Старушка передала Сэм конверт.

С течением времени бумага приобрела темно-кремовый оттенок. С даты на почтовом штемпеле прошло уже больше пятидесяти лет. Сэм осторожно вытащила письмо,

напечатанное на бланке обители Святой Маргарет, и начала читать.

20 февраля 1959

Уважаемые мистер и миссис Дженкинс,

пишу вам от имени всех сотрудников Дома матери и ребенка имени Святой Маргарет в Престоне. С прискорбием сообщаю, что ваша дочь, Айви Дженкинс, в пятницу 13 февраля покончила с собой. Как вы знаете, какое-то время мисс Дженкинс страдала от психических расстройств. Пытаясь оказать посильную помощь, мы отправили запрос в Брайтонскую психиатрическую больницу с просьбой принять девушку. К сожалению, она умерла прежде, чем мы получили ответ.

Похороны Айви состоятся в обители Святой Маргарет в пятницу. Если вы хотите отдать ей последние почести, вам позволят в этот день пройти на кладбище.

С глубочайшей симпатией,

Матушка Карлин,

Мать-настоятельница обители Святой Маргарет

— Мне так хотелось ее увидеть, — проговорила Мод, ее покрасневшие глаза наполнились слезами. — Саманта, она была моим единственным ребенком. Я должна была ее защищать. Но позволила незнакомцам мне помешать. Почему? И где теперь все те незнакомцы? Жили долго и счастливо, а мой ребенок оказался в могиле.

Девушка взглянула на список в своем блокноте. Ей хотелось объяснить Мод, что та ошибается. Что Сэм оказалась здесь именно потому, что у тех людей не было долгой и счастливой жизни. Была смерть, ужасная и преждевременная.

Дрожащими руками Мод вытащила из коробки другое письмо и протянула его девушке. Оно выглядело так, будто его зачем-то разорвали, а потом снова склеили. Сэм начала читать. Оно было напечатано на старомодной пишущей машинке и адресовалось приемному отделению Брайтонской психиатрической больницы.

В соответствии с Законом о психическом здоровье настоящим письмом прошу немедленно принять в отделение мисс Айви Дженкинс. По рекомендации Матушки Карлин и Отца Бенджамина беседа с мисс Дженкинс состоялась 12 февраля 1959 года в обители Святой Маргарет. Руководство обители выразило озабоченность по поводу безопасности самой мисс Дженкинс и остальных послушниц.

Вид мисс Дженкинс имела неопрятный. Видны были признаки истощения, вызванного временным отказом от приема пищи. Призывала к подобному других послушниц. В поведении наблюдались признаки безумия, склонность к самоповреждению и суициду. Периодически возникали мысли психотического характера с выраженными патологиями. Мисс Дженкинс признала наличие депрессии и беспокойства, которые, вероятно, явились следствием удочерения ее ребенка. С течением времени симптомы только усилились.

По моему мнению, мисс Дженкинс в течение сорока восьми часов надлежит поместить в Брайтонскую психиатрическую больницу на неопределенный срок, дабы она смогла отдохнуть, восстановить здоровье и перестала быть угрозой для себя и окружающих.

Искренне ваши,

Мод вытащила из коробки Библию и покрутила в руках.

— Я спрашивала, можно ли узнать, где живет малышка Айви. Но Матушка Карлин лишь усмехнулась. Я никогда этого не забуду. Она сказала, что Айви подписала согласие на то, что не будет пытаться искать ребенка, и сунула мне это.

Она протянула Сэм лист бумаги. Девушка взяла его и, бегло просмотрев, прочитала одну фразу вслух: «Таким образом, я полностью и навсегда отказываюсь от всех прав на моего вышеупомянутого ребенка, Розу Дженкинс». Внизу стояла подпись Айви. Рядом с ней расписалась Хелена Кэннон из Комитета по усыновлению обители Святой Маргарет.

Взгляд Сэм зацепился за лежащую в коробке шариковую ручку с выцветшим логотипом.

— Что это? — спросила девушка, вытащив ее. — «Мерсер Фармасьютиклс».

— Она лежала в корешке Библии Айви, — объяснила Мод.

Сэм вытащила телефон.

— Мод, можно воспользоваться вашим туалетом?

— Конечно, милая. По коридору налево.

Сэм заперлась в туалете и быстро набрала в Гугле «Мерсер Фармасьютиклс». Ничего значительного на глаза не попало, так что девушка продолжила поиски, продираясь сквозь страницы «Википедии». И, наконец, наткнулась на упоминание «Мерсер». В семидесятых годах компанию продали, и теперь она называлась «Краниум». Когда Сэм ввела в поисковик новое название, на веб-странице появился заголовок: «Краниум Фармасьютиклс, почти сто лет исследований в области фармацевтики».

Для Сэм медицинская реклама не имела никакого смысла. Не зная, что именно ищет, девушка пролистала несколько фрагментов. И когда уже готова была сдать, ее внимание привлекла надпись «Основатели». Сэм нажала на нее.

Фирма «Краниум», прежде известная как «Мерсер Фармасьютиклс», была основана в 1919 году кузенами Чарльзом Джеймсом и Филипом Стоуном. Они стремились создать медицинский препарат для лечения посттравматических стрессовых расстройств, получивших в то время широкое распространение. Ими страдали сотни тысяч солдат, вернувшихся с Первой мировой войны, поэтому заболевание стали называть «военным неврозом». Открытия Джеймса и Стоуна в области лечения психических заболеваний ошеломляли. Самым значительным их достижением стало обнаружение триметалина. Это успокоительное помогало облегчить многие из подрывающих здоровье симптомов, наблюдавшихся у тех, кто побывал в окопах.

Проводя новаторские исследования, в середине пятидесятых годов XX столетия Джеймс и Стоун выявили все более растущую потребность в транквилизаторах, особенно среди домохозяек. В 1959 компания «Мерсер» выпустила на рынок коцинаранол, снижающий симптомы хронического беспокойства, депрессии и случаи помешательства. Благодаря препарату, в 1968, незадолго до смерти, Филип Стоун получил Нобелевскую премию в области медицины, а «Мерсер Фармасьютиклс» вышла на международный уровень. Впоследствии «Мерсер» привлекла внимание доктора медицины «Краниум» Карла Хермолина, который в 1970 выкупил компанию у оставшегося основателя Чарльза Джеймса. Заплаченная им сумма осталась неизвестной.

Филип Стоун. Кажется, письмо о направлении Айви в психиатрическую больницу написал Ричард Стоун. И Сэм была уверена, что это же имя всплыло на экране телефона Китти в такси. Фамилия «Стоун» была довольно распространенной, но в совпадения девушка почему-то не верила.

Она набрала в Гугле «Ричард Стоун» и «Мерсер Фармасьютиклс», подождала результата. Практически ничего. Лишь статья на каком-то сайте под названием «Психология сегодня». Это было интервью, в котором известный психиатр Ричард Стоун упоминал о том, что в шестидесятых годах поссорился с отцом, Филипом Стоуном. В статье не было деталей, лишь говорилось, что они не общались практически до самой смерти старика.

Почувствовав растущую тревогу, Сэм набрала номер Китти. И попала на автоответчик.

— Китти, это Сэм. Я сейчас в доме матери Айви. Возможно, это всего лишь совпадение. Вероятно, утром вы виделись с человеком по имени Ричард Стоун. Думаю, это тот же Ричард Стоун, чей отец основал компанию под названием «Мерсер Фармасьютиклс». Похоже, он был каким-то образом связан с обителью Святой Маргарет. Но как именно, я понятия не имею. Просто немного за вас беспокоюсь. Пожалуйста, перезвоните мне.

Понедельник, 6 февраля 2017

Как и каждое утро, заканчивая завтрак, Ричард Стоун выпил большой стакан апельсинового сока, затем направился в ванную. Его утренняя ванна была уже готова. Сбросив одежду и вытянувшись в горячей воде, он застонал от удовольствия. Поддаваясь слабости, Ричард не завернул кран до конца. Так вода в ванне не остынет. А он сам будет окутан клубами пара.

Постепенно комната превращалась в сауну. Ричард лежал в тишине. Он пытался расслабиться, но мысли его все время возвращались ко вчерашней встрече с Китти. Упоминание об обители Святой Маргарет стало для Ричарда ударом. Тут же нахлынули старые воспоминания, все то, что он с таким трудом пытался забыть. Он надеялся, что во время сегодняшнего сеанса эта тема больше не всплывет. Переживания слишком сильно эмоционально влияли на Ричарда, и он не знал, сможет ли найти в себе силы, чтобы поддержать Китти. А ведь ей это было нужно. В зависимости от того, как пройдет сегодняшняя встреча, Ричард будет что-то решать. Возможно, придется поговорить с Китти и обсудить возможность прекратить сеансы. Его сын Джеймс прав. Похоже, пришло время полностью отойти от дел.

Пульсирующая головная боль не давала полностью расслабиться. Немилосердно ныла спина. Он чувствовал себя каким-то потрепанным и разбитым. Когда Ричард был моложе, для подобного состояния нужны были веские причины, вроде падения с велосипеда или полученной от брата трепки. Теперь же оно превратилось в почти ежедневное напоминание о возрасте. Вскоре с запотевшего зеркала в раковину закапала вода, пронзительным звоном отдаваясь в комнате. Он закрыл глаза.

Шипение полуоткрытого крана вызвало в теле Ричарда волну мурашек. Он чувствовал, как они медленно движутся вниз по шее, ползут по спине. Ричард немного подвинулся, пытаясь устроиться удобнее, поправил под головой подушку. Масло для ванны, которое обычно мгновенно его успокаивало, сегодня раздражало кожу, будто колючее шерстяное одеяло в жаркий летний день. Он попытался не обращать внимания, думать о другом, и внезапно ощутил, как из желудка поднимается волна тошноты.

Ричард вновь открыл глаза, медленно обвел взглядом комнату, пытаясь понять, что же вызвало болезненные ощущения. Пар, заполнявший комнату, был таким густым, что он даже не видел своих ног. И знакомого звука работающего вытяжного вентилятора почему-то не было слышно. Нахлынуло ощущение какой-то нереальности происходящего. Ричард сел и несколько раз глубоко втянул воздух. Ему нестерпимо захотелось вылезти из ванны, чтобы это странное чувство, наконец, отступило. Наверное, он стал слишком стар, чтобы валяться в горячей воде, окутавшись клубами пара. Вероятно, это еще одно из немногих оставшихся в жизни удовольствий, от которого придется отказаться.

Когда Ричард подался вперед, раздумывая над тем, стоит ли вылезти из воды, прозвенел дверной звонок. Кто это мог быть? Сейчас девять утра. Китти не должна появиться до полудня. Он вздрогнул, пару минут спустя услышав в коридоре женский голос. Сын с женой неожиданно решили его навестить? Нет, не может быть. Они бы сначала позвонили.

Пока Ричард пытался убедить себя, что просто выдумал этот голос, раздался резкий стук

закрывшейся двери. Звук заставил его подпрыгнуть.

Он положил ладони на бортики ванны, чтобы, опершись, вылезти из воды. Но в руках не было силы, и он лишь свалился обратно.

— Джеймс? Это ты?

Встревожившись, Ричард снова попытался выбраться из ванны, но ладони лишь скользнули по мокрым бортикам. И он вновь с глухим стуком рухнул в воду, погружаясь на дно. Мир внезапно расплылся перед глазами, паническое дыхание громом отдавалось в ушах. Он попытался закричать, но лишь вдохнул в себя воду, яростно закашлялся, с усилием выбираясь на поверхность.

— Джеймс! — пробормотал он, отдышавшись. — Джеймс! Помоги мне!

Ричард уцепился за край ванны, выплевывая воду и жадно глотая воздух. И увидел на лежащем рядом коврик чьи-то грязные, окровавленные ноги. Медленно он поднял взгляд. Возле ванны стояла девочка лет восьми. Голову ее обрили так небрежно, что редкие клочья волос торчали, словно материки на карте. Шея ее сильно опухла, и от этого голова клонилась назад. Кожа горела от лихорадки. Стекающий со лба пот оставлял дорожки на грязном личике.

— Мне плохо, — проговорила она, обхватив руками дрожащее тельце. Ричард заметил рану на ее руке. Она явно чесалась, под ногтями девочки виднелись струпья кожи. — У меня болит горло, — прохрипела она, потирая рукой распухшую шею.

Ричард с трудом мог на нее смотреть. Он не произнес ни слова; был слишком напуган, чтобы говорить. Она склонилась ближе. Ее дыхание вызывало тошноту. Кровь из раны теперь капала в ванну.

— Матушка Карлин злится, когда я плачу. Но мне очень больно, и слезы все текут. Помогите мне, пожалуйста. — Она медленно потянулась к руке Ричарда. Он оттолкнул ее.

— Не надо, — проговорил он.

Девочка не обратила на это внимания. Она потянула его за руку, и пальцы его снова соскользнули с бортика ванны. Он вцепился в него другой рукой, так, будто висел на краю утеса.

Девочка не сводила с него глаз. Внезапно Ричард услышал, как повернулась ручка на двери в ванную, скрипнули петли. На плиточном полу раздались чьи-то шаги. Он скосил глаза, пытаясь разглядеть того, кто вошел, сквозь клубы пара.

— Эй! — пробормотал он. — Джеймс, это ты? — Нет ответа. — Ради Бога, помоги! Я не могу двигаться!

Внезапно его руки задрожали. Последние силы оставили Ричарда, и он упал в воду. С трудом удерживая голову на поверхности, он перестал метаться и попытался успокоиться.

Постепенно ему удалось пальцами ноги вытащить лейку душа из опоры. С глухим звуком она упала на дно ванны. Ричард подтянул лейку ближе, подпихнул под ягодицы, добиваясь того, чтобы рот и нос его оставались над поверхностью воды. Затем резким рывком вытащил затычку.

И начал считать: раз, два, три. Дышать. Спокойно, без паники. Просто оставаться в том же положении. Скоро спустится вода, а силы вернуться. Он здесь не умрет.

Глядя в потолок, Ричард снова почувствовал возле ванны девочку в рубе. Медленно он повернул к ней голову.

Девочка была не одна. Рядом с ней стояла Китти Кэннон.

Ее длинные седые волосы были заколоты сзади, голова опущена, подбородок почти

касаясь груди. Китти молчала, ее карие глаза какое-то время пристально смотрели на Ричарда. Затем она медленно опустила на пол ванной коробку, которую держала в руках.

— Китти, слава Богу. Помоги мне. — Его разум был будто в тумане; звуки доносились словно сквозь вату. Когда Ричард качнул головой, накатила тошнота.

Китти ничего не сказала; вместо этого начала вытаскивать что-то из коробки. Потом по керамической плитке застучали каблуки. Она ушла и вернулась с другой коробкой, повторив все сначала. Девочка спокойно наблюдала за ней и улыбалась. Ричард изогнул шею и заглянул за край ванны. Пол был усеян папками. К некоторым из них крепились фотографии, к другим — нет. Папок было так много, что к тому времени, как Китти закончила, они покрыли весь пол.

— Китти? Что ты делаешь? Ради Бога, Китти, прошу, вытащи меня отсюда!

— Меня зовут Эльвира, — спокойно проговорила она, протягивая руку.

Ричард инстинктивно схватился за нее, решив, что женщина хочет ему помочь. И закричал от боли, когда кухонный нож погрузился в его запястье, оставляя глубокий порез на внутренней стороне предплечья. Кровь хлынула из открытой раны. Столько крови, что через минуту вода в ванне стала красной. Ричард отчаянно попытался отодвинуться, собрать остатки сил, но их не было.

— Вижу, коциранол действует, — произнесла она; его запястье немилосердно болело. — Ты ведь помнишь этот препарат, Ричард? Конечно же, да. Когда вы с отцом тестировали его на нас, у лекарства наблюдались довольно неприятные побочные эффекты. Удивительно, что так легко удалось его раздобыть. Всего лишь пришлось написать письмо в «Краниум Фармасьютиклс» от твоего имени. Кажется, твоя подпись все еще высоко ценится.

Он с ужасом видел, как она обошла вокруг ванны, потом снова подняла нож. Его мысли неслись вскачь. Эльвира. Это сестра Китти, Эльвира. Китти умерла той ночью. А женщина, что находилась сейчас в его доме, была одной из тех, на ком его отец проводил испытания в обители Святой Маргарет.

— Ты была одной из тех детей! — проговорил он, снова вскрикнув, когда она воткнула острое лезвие в другое его запястье. Боль была нестерпимой; словно его прижгли раскаленным железом. — Китти, прошу, не надо. Из-за тех испытаний я поссорился с отцом. И не разговаривал с ним сорок лет.

— А сам ты все делал правильно? — спросила Китти. — Уверен? Не ты ли направил Айви Дженкинс в психбольницу, потому что так велел тебе отец? Их ведь беспокоила ее дружба с восьмилетней девочкой по имени Эльвира? Невинной маленькой девочкой, которая рассказала Айви, что в обители Святой Маргарет на ней, как и на других детях, тестировали лекарства твоего отца?

Ричард закрыл глаза, мысленно вернувшись в тот день. На встречу, на которую велел прийти отец.

Они собрались, чтобы решить судьбу Айви Дженкинс. Расположились вокруг стола в задней комнате престонской церкви: Отец Бенджамин, Матушка Карлин, доктор Джейкобсон и Хелена Кэннон. Он приехал позже, потому что заблудился. И когда шел через церковь в маленькую, душную комнату, Отец Бенджамин провожал юношу со светлыми волосами и голубыми глазами. Позже Ричард узнал, что его звали Алистер Хендерсон. И что он был отцом ребенка Айви.

Священник представил собравшихся и продолжил, взяв на себя руководство собранием.

— Спасибо, что пришли, — медленно и уверенно произнес он, словно вел службу. —

Как вы все знаете, в обители Святой Маргарет есть дети, которые по различным причинам, в основном, из-за врожденных проблем, не годятся для усыновления. Чтобы не выгонять их на улицу, мы согласились на предложение «Мерсер Фармасьютиклс». И это позволило нам продолжить свое благое дело.

Ричард почувствовал, как волна жара прилила к голове при неприятном напоминании об ужасной ситуации, сложившейся в обители Святой Маргарет. Он знал, что его отец использовал местных детей, чтобы ускорить разработку нового лекарства, которое отчаянно хотел выпустить на рынок. Когда Ричард впервые услышал об этом, он высказал отцу свое неодобрение. Больше эту тему они не поднимали, и Ричард прилагал все усилия, чтобы держаться в стороне.

Отец Бенджамин повернулся к нему.

— Тем не менее, в сложившейся ситуации надо действовать осмотрительно. И мне нужна ваша помощь. Одна из местных девушек, Айви Дженкинс, сдружилась с ребенком, принимающим участие в испытаниях. Полагаю, ей может быть известно о происходящем. Конечно же, она не признается. Но вскоре ей предстоит покинуть обитель Святой Маргарет. Одно лишнее слово, и работа компании, которой руководит ваш отец, окажется под угрозой.

Ричард ничего не сказал. Ему было стыдно выступить в этом деле на стороне отцовской фирмы.

— Возникла еще одна проблема, — продолжил Отец Бенджамин. — Алистер Хендерсон, отец ребенка Айви, получил от нее несколько писем. Весьма душераздирающих и, похоже, полных домыслов. Сегодня он отдал их мне. Мистера Хендерсона ждет спортивная карьера, и он тревожится, что Айви может усложнить ему жизнь. Он готов помочь с расходами, если мы задержим ее у себя еще на несколько лет.

Подал голос доктор Джейкобсон.

— Несколько лет? Как вы собираетесь это сделать? — Он скрестил руки на груди и отвернулся, словно бы это могло отдалить его от разговора.

Отец Бенджамин не обратил на него внимания. Он смотрел на Ричарда.

— Доктор Стоун, насколько я понимаю, вы недавно получили степень по психиатрии.

Ричард ничего не сказал. Направление разговора было достаточно очевидно. И он уже понял, почему отец отправил его на эту встречу. Чтобы наказать за то, что высказался против испытаний на глазах у коллег. Чтобы напомнить, кто главный.

— Похоже, ваш отец полагает, что вы можете помочь нам решить проблему с Айви Дженкинс. После рождения ребенка у нее наблюдались приступы ярости, галлюцинации. Она даже объявила голодовку. Вероятно, если она покинет обитель Святой Маргарет, то может стать опасной для себя или окружающих.

— Не думаю, что на этой встрече нужно мое присутствие, — бросил доктор Джейкобсон. И Матушка Карлин, которая пока еще не проронила ни слова, повернулась к нему.

— Думаю, важно, чтобы мы все четко осознавали сложившуюся с Айви Дженкинс ситуацию, доктор Джейкобсон. И решение должно быть совместным. Вам платят огромные деньги за то, чтобы вы отправляли к нам девушек. Так почему же вы решили, что не причастны к принимаемым нами решениям? Господь наблюдает за всем. Несомненно, даже волосы на вашей голове сочтены. Если же вы хотите со всем покончить и вернуться к зарплате терапевта, несмотря на то, что вы с семьей только что переехали в огромный дом, скажите об этом прямо сейчас.

Произнося все это, монахиня не спускала с него взгляда. Лицо доктора Джейкобсона стремительно краснело. Несмотря на очевидное желание высказаться, он молчал, пока она не закончила. А потом встал и быстро вышел из комнаты.

Отец Бенджамин тоже поднялся и подошел к Ричарду.

— Эти письма отдал мне Алистер Хендерсон. Можете их прочитать. Думаю, вы сделаете те же выводы, что и я. Айви Дженкинс неуравновешенна, так что в обозримом будущем ей лучше находиться в специальном учреждении. Учитывая важность нашей работы, это вполне очевидное решение. Когда же испытания закончатся, можно будет пересмотреть ее ситуацию.

Ричард взглянул на пять конвертов, которые Отец Бенджамин разложил перед ним на столе.

— Когда вы хотите ее отослать?

— Сейчас. Конечно, вам стоит с ней пообщаться. Мы уже сообщили ей о встрече с врачом в связи с ее отъездом домой.

— К чему эта бессмысленная жестокость? — бросил Ричард, неспособный сдержаться.

— Ваш отец объяснил, что вам нужно сделать. Как только вы отыщете необходимые основания, полагаю, девушку стоит сразу же отправить куда следует. Так ведь? — Отец Бенджамин указал рукой на дверь. И этот простой жест окончательно решил судьбу Айви Дженкинс.

Ричард медленно перевел взгляд на свое хрупкое тело в пустой ванне; теперь он дрожал от холода и страха.

— Прошу тебя, Китти. Я был молод и глуп. Умоляю, вызови «скорую». Потом мы сможем обо всем поговорить.

— Ричард, я устала с тобой говорить. У тебя был шанс, и неплохой. Другим я подобного не давала. Не хочу обижать, ведь психиатрия — работа всей твоей жизни. Но не так уж ты и хорош. Ты много месяцев наблюдал за мной, но подобного предвидеть не смог.

Пока он наблюдал, как испарина капает с ее лба, свет в комнате начал тускнеть.

— Я ведь рассказывала тебе о ночи, когда умер мой отец? — поинтересовалась она. — Неужели ты не почувствовал, что я могла сказать намного больше?

Она держала окровавленный нож, обзревая проделанную работу, и вокруг нее медленно возник темный контур.

— Я не хотела этой аварии. Не желала его смерти. Я проснулась от ночного кошмара, мне снилась Китти. Она не давала мне покоя. Больше я не могла терпеть и решила, что должна рассказать ему правду. Что я была самозванкой, а в обители Святой Маргарет похоронили его любимую Китти.

Тыльной стороной затянутой в перчатку руки она смахнула со лба бисеринки пота.

— Я вышла в снежную бурю, чтобы поймать автобус до больницы. Невзирая на последствия, я отчаянно хотела рассказать все ему и Хелене. Но автобуса до больницы не было, и я просто пошла пешком. Я хорошо знала дорогу, ведь мы почти каждый день ездили ее навестить. Почти час я брела сквозь снег. А потом внезапно появилась его машина. Он вывернул руль в сторону, чтобы не сбить меня, и на огромной скорости вылетел с дороги. Когда я подбежала к нему, то сразу поняла, что он мертв. В обители Святой Маргарет я повидала достаточно смертей. И понимала, что его больше нет. Не знаю, сколько я там простояла. Но появился мужчина и застыл, разглядывая меня. А я убежала. Мчалась весь путь до дома. Я ждала, что полицейские придут меня арестовать и вернут обратно в обитель

Святой Маргарет. Но когда они, наконец, прибыли, то рассказали об ужасной аварии. Они не знали, что я там была, что это я ее спровоцировала. Когда схлынул шок, и я поняла, что меня не винят в смерти отца, у меня словно пелена с глаз упала. Я увидела новые возможности, и довольно вдохновляющие.

Внезапно нож с грохотом упал на пол ванной. Затем, щелкнув, закрылась дверь.

— Пожалуйста, не уходи, — тихо пробормотал Ричард, моля об утешении в последние мгновения жизни.

Не было ярких огней, лишь медленно наползала темнота. В одиночестве он лежал в холодной, пустой ванне и наблюдал, как кровь его стекает в сливное отверстие. «Это скоро закончится», — сказал он себе и заплакал. Он скучал по своей жене, молил, чтобы она сейчас появилась и встретила его.

— Эвелин, — бормотал он снова и снова, погружаясь во тьму. — Прости меня.

Четверг, 12 февраля 1959

Айви проснулась, когда раздался детский плач. Она не собиралась спать, но изнеможение оказалось сильнее, и теперь она проклинала себя за глупость. Айви и прежде много раз слышала, как плачут дети. Эльвира говорила, что от уколов детям на чердаке становилось очень плохо, и поэтому им приходилось присматривать друг за другом. Но до сегодняшнего дня Айви была не в силах им помочь.

Она села и обвела взглядом комнату, всматриваясь в девушек на соседних кроватях в поисках резких движений. Но все спали. Лишь время от времени то одна, то другая принимались что-то бормотать во сне. Всех здесь мучили ночные кошмары.

Айви все еще не верила, что поедет домой. Слишком внезапно все произошло. За завтраком к ней подошла Матушка Карлин и сказала, что завтра за ней приедет мать. И что перед отъездом все девушки посещают врача. Обычное дело. И Айви должна оказать ему содействие.

Он был молод. На взгляд Айви, лишь чуть старше ее самой. Мягкие каштановые волосы, модный синий блейзер [\[41\]](#) и манеры, говорившие об особом воспитании. Он вел себя мило, спрашивал, как она чувствует себя из-за ребенка и пребывания в обители Святой Маргарет. Конечно, Айви понимала, что лучше ему не доверять, и говорила очень мало. Пока он делал заметки, она сообщила, что благодарна за проведенное здесь время, счастлива, что Розе нашли хороший, любящий дом, а она сама смотрит в будущее, желая оставить все случившееся в прошлом. Он упомянул о ее худобе и завел разговор о голодовке, но Айви сказала лишь, что отчаянно тоскует по дому. Несомненно, Матушка Карлин и Отец Бенджамин это заметили и любезно решили ее отпустить. Он улыбнулся ее ответам и мягко кивнул, а кончик его ручки что-то нацарапал на листе бумаги, лежавшем между ними на столе.

Айви отбросила одеяло, холод впился в ее ноги и нижнюю часть спины. Вздвогнув, она стянула с кровати одеяло и, осторожно завернувшись в него, на цыпочках двинулась по комнате. Скрип досок под ее ногами разрезал тишину. Она знала, что, скорее всего, по ту сторону двери наткнется на Сестру Фейт. Ночь за ночью та дремала в коридоре в кресле-качалке. Айви прежде не пыталась проскользнуть мимо нее. Не хватало смелости, да и шансы на успех, на ее взгляд, были невысоки. Но теперь, перед отъездом, у нее просто не было выбора. Она должна поговорить с Эльвирой. Другой возможности может не представиться.

Едва дыша, Айви приблизилась к двери и взглянула на латунную ручку. Девушка потянулась к ней дрожащей рукой, хоть и понимала, что шум неизбежен. А звук насторожит Сестру Фейт. Ручка, щелкнув, повернулась, и Айви, глубоко вздохнув, медленно потянула на себя тяжелую дубовую дверь. В груди болезненно колотилось сердце.

За дверью спальни в тишине коридора стояло пустое кресло. Оно мягко покачивалось, словно сидевший на нем только что поднялся, небрежно бросив на сиденье клетчатое одеяло. Айви разглядывала его, застыв в нерешительности. Внезапно из соседней уборной донесся звук бегущей воды, и кожа девушки покрылась мурашками. Она взглянула на тянувшийся слева длинный коридор, в конце которого была еще одна дверь. Айви знала, что

за этой дверью был путь наверх: на чердак и в спальню Эльвиры.

Сердце билось неровно, когда девушка быстро закрыла за собой дверь спальни и бросилась бежать. Босые ноги почти неслышно касались начищенных до блеска половиц. Нырнув во тьму в конце коридора, Айви услышала, как на двери в уборную поднялась щеколда, потом раздались шаги. Когда же девушка схватилась за ручку и повернула ее, Сестра Фейт громко кашлянула, и звук этот пронзил Айви, как электрический ток.

Девушка шагнула на ступеньку ведущей на чердак лестницы и медленно потянула за собой дверь. Наконец, та тихо щелкнула. А Айви замерла, заставляя себя дышать. И лишь когда уверилась, что Сестра Фейт не придет, бросилась вверх по крутой лестнице, перескакивая через ступеньку.

Оказавшись в спальне Эльвиры и увидев ряды детских кроваток по бокам узкой комнаты без окон, Айви смахнула слезы, которые так долго сдерживала. В каждой кроватке было по двое детей в возрасте от года до семи, привязанных за лодыжки к прутьям с обеих сторон. Большинство из них спали на грязных матрасиках, и лишь засунутые в рот большие пальцы служили им единственным утешением. Другие бодрствовали, глядя широко открытыми глазами на лунный свет, раскачиваясь взад-вперед, словно животные в клетках. Айви видела и темнокожих детей с длинными, спутанными волосами; азиатов, насколько она знала. Были и такие, кто никогда не вставал с кровати из-за физической неполноценности.

В углу комнаты из стены торчал грязный керамический умывальник. На полу под ним лежал кусочек мыла.

— Айви? — отчетливо раздался голос Эльвиры, и девушка обернулась. Красивая малышка, которая стала так дорога Айви, смотрела прямо на нее. — Что ты здесь делаешь?

Айви подбежала к ней, зная, что у них мало времени. Волосы Эльвиры были спутаны, лицо — грязным; от матраса отчетливо несло мочой. Девушке отчаянно захотелось подхватить малышку на руки и унести из этого унылого места.

— Эльви, послушай. Я не могу здесь задерживаться. Я просто пришла сообщить тебе, что уезжаю.

— Когда? — Из глаз малышки брызнули слезы. — Пожалуйста, не бросай меня.

— Все хорошо, Эльви. Я за тобой вернусь. Я завтра же пойду в полицию и расскажу, что здесь делают с тобой и с другими детьми. И когда мы вытащим тебя отсюда, я заберу тебя домой. Ты будешь жить со мной. — Она притянула Эльвиру к груди и крепко обняла.

— Жить с тобой? — Малышка взглянула на нее блестящими от слез глазами, и на Айви нахлынула такая тоска из-за всего того, что выпало на долю Эльвиры, что стало больно дышать.

— Да. Ты этого хочешь? — спросила она, все еще крепко прижимая к себе Эльвиру.

— Больше всего на свете.

— Тогда решено. Но, Эльви... никому ни слова об этом. Понимаешь? Завтра за мной придет мама. Но потом я вернусь.

Эльвира кивнула.

— До того, как снова придут врачи?

— Да, обещаю. Мне нужно было с тобой поговорить, чтобы успокоить. Я знала, как ты расстроишься, когда поймешь, что я уехала. И не могла этого допустить. Тебе и так досталось. — Айви отстранилась и взяла ее за руки.

Эльвира заплакала, слезы заструились по щекам, оставляя дорожки на грязном личике.

— Прежде, чем ты вернешься, с тобой что-нибудь случится. Что-то плохое. Ведь и я плохая.

— Эльвира, посмотри на меня. Это не так. Ты не плохая, ты — ангел. Все, что говорят о тебе Сестры — ложь. А Господь знает правду, он все видит; все то зло, что они причиняют тебе, знает, как ты страдаешь. Он знает, что ты хорошая, вплоть до прядей волос на голове. В Евангелии от Луки, часть двенадцатая, стих седьмой, говорится: «А у вас и волосы на голове все сочтены». Не бойся. — Она взяла лицо Эльвиры в свои ладони.

Малышка теперь рыдала, ее тельце тряслось так, словно она больше себя не контролировала.

— Я не ангел. Говорили, что я сделала что-то плохое с тем ребенком, что я пыталась утопить его в ванне. Но мы просто играли, и он поскользнулся.

— Эльвира, ты сама была ребенком. Ты этого не заслужила. И в том, что ты очутилась здесь, нет твоей вины. Это они виноваты. Они плохие, а не ты. И я собираюсь забрать тебя отсюда.

— Не бросай меня. — Эльвира вцепилась в Айви так сильно, что ее ногти царапнули кожу девушки.

— Эльвира, прошу, перестань, — проговорила Айви, с беспокойством глядя на зашевелившихся детей. — Пожалуйста, Эльви, не плачь. Милая, ты должна мне верить.

Она обнимала малышку, пока ее рыдания не начали стихать. Наконец, девочка успокоилась.

— Мне пора идти. Мы еще увидимся утром в прачечной, но ты ничего не скажешь. Поняла? Обещай мне, Эльви.

— Обещаю.

— Я люблю тебя, Эльвира, — прошептала Айви.

— Ты меня любишь? — спросила Эльвира, утирая слезы.

— Да, я люблю тебя. Теперь ложись спать, завтра важный день. — Айви улыбнулась и послала малышке воздушный поцелуй. Потом прокралась обратно к выходу. Дети провожали ее широко распахнутыми глазами. Они слишком боялись, чтобы издать хоть звук. Айви хотелось схватить их всех в охапку и бежать, но она не могла. Не сейчас. Завтра.

Теперь оставалось лишь найти информацию о Розе. Айви не сможет незамеченной спуститься по лестнице и проникнуть в кабинет Матушки Карлин. Так что придется пойти туда, ускользнув во время завтрака.

Оказавшись у подножия лестницы, Айви услышала за дверью храп Сестры Фейт. Но все тело девушки дрожало от страха, когда она кралась по коридору всего в нескольких дюймах от монахини. Айви видела, как дернулась верхняя губа Сестры, когда шла мимо, почувствовала на руке тепло ее дыхания. И так поспешно, как смогла, прокралась обратно к безопасности кровати.

Айви лежала, глядя в темный деревянный потолок, и в голове ее начал складываться план. Адреналин струился по венам. Скорее всего, заснуть ей не удастся. В сердце трепетало что-то, чего Айви не чувствовала уже много месяцев. Нечто, чему не могла подобрать названия. И лишь когда солнце медленно поползло из-за горизонта, девушка поняла, что это было.

Надежда.

Понедельник, 6 февраля 2017

— Милая, у тебя все в порядке? — спросила Мод с другой стороны двери.

— Все хорошо, спасибо, — проговорила Сэм, смывая воду в унитазе и открывая кран. Когда девушка вышла в коридор, взгляд зацепился за гобелен в рамке, который она не заметила по пути в туалет.

Мод заметила ее интерес.

— Это работа Айви. Ей тогда было четырнадцать. Правда, красивый? Она пыталась и меня научить, но оказалось слишком сложно. У нее же терпения хватало. Она даже занималась с детьми в воскресной школе.

Сэм изучала искусно вышитую надпись: «А у вас и волосы на голове все сочтены. Не бойтесь».

— Она все время это повторяла. «Не бойся, мамочка, Господь видит все, что ты делаешь. Он знает, какая ты хорошая». А когда смотрела на дядю Фрэнка, то шептала: «И плохих он тоже знает».

Сэм мягко улыбнулась, взяв Мод за руку. Ее кожа была тонкой, словно бумага. Сэм чувствовала исходящую от нее печаль. Будто бы любая ее часть, даже сердце, могла в любую минуту распасться напополам.

— Ты так на нее похожа, — проговорила Мод, пристально глядя на Сэм.

— На кого? — спросила Сэм.

— На Айви. — Мод указала на висящую на стене фотографию. — Здесь ей, наверное, лет семнадцать.

Сэм пристально взглянула на снимок. Айви с длинными рыжими волосами была точной ее копией.

— Когда я впервые встретила тебя, то словно призрак увидела, — призналась Мод.

Сэм почувствовала неловкость. О чем говорила старушка? Изучая доброе, доверчивое лицо в поисках ответов, Сэм пыталась осознать слова Мод, но мозг девушки вопил о недостатке сна.

— Признаюсь, я была слегка разочарована, когда увидела, что ты идешь по тропинке одна, — проговорила Мод. — Я надеялась, твое появление означает, что Роза меня простила.

— Что вы имеете в виду? — спросила Сэм. Она почувствовала, как внутри поднимается волна паники, но причин ее не понимала. — Какая Роза?

Мод испустила легкий нервный смешок.

— Твоя бабушка, конечно.

— Бабушка? Она здесь ни при чем. Просто после смерти деда она наткнулась в его бумагах на эти письма. Он занимался антиквариатом, и часто находил в продаваемой мебели письма и личные документы. — Сэм тщательно подбирала слова, отчаянно желая, чтобы они оказались правдой. Но уже понимала, что это не так.

— Я сама отдала эти письма твоей бабушке, лет пятьдесят назад, — пояснила Мод, на лице ее явно читалось замешательство. — Когда они с подругой пришли меня навестить.

Слова повисли в воздухе. Сэм не могла их понять.

— Моя бабушка, Аннабель Крид, была здесь? Пятьдесят лет назад?

— Да, ей тогда было двенадцать. Я думала, ты здесь именно поэтому. Что она отдала тебе письма и рассказала, что между нами случилось.

Сэм внезапно почувствовала легкую слабость и села прямо на пол, опустив голову на руки.

— А как они к вам попали?

— Пришли по почте через несколько дней после смерти Айви, — проговорила Мод, глядя на фотографию дочери. — Они разбили мне сердце. Я понятия не имела, что ей довелось пережить. Я ездила с ними в обитель Святой Маргарет, но Матушка Карлин лишь сказала, что все написанное Айви вызвано ее психическим расстройством. И отдала мне письмо психиатра с подтверждением, что Айви была не в своем уме и все, о чем она писала, было просто выдумкой.

— Но бабушка никогда не упоминала о встрече с вами, — пробормотала Сэм. — Не понимаю. Вы уверены, что речь о ней? Об Аннабель Крид?

— Да, Аннабель Роза Крид. Саманта, она — дочь Айви. Та самая Роза, о которой говорится в письмах Айви.

Сэм вскочила и бросилась в туалет. Ее стошнило в унитаз. Она медленно поднялась, опершись о раковину, брызнула водой в лицо. Затем взглянула на себя в зеркало и вышла обратно в коридор.

— Прости, Саманта. Я на самом деле думала, что тебе все известно. Я была так счастлива, когда утром прочитала твою записку. Решила, что твоя бабушка наконец-то меня простила.

— Простила? За что? — спросила Сэм, снова глядя на фотографию Айви.

— В тот день, в основном, говорила ее подруга. Она была немного старше Аннабель, — проговорила Мод. — Аннабель же просто сидела молча. Тогда как раз изменили правила усыновления, и приемным детям разрешили вступать в контакт с биологическими родителями. Я получила письмо из Совета. Они сообщали, что Аннабель хотела меня видеть. И устроили встречу.

Сэм слушала, качая головой. Она не могла этого осознать. Бабушка знала, где жила ее собственная бабушка, знала о своей матери. Почему же она никогда об этом не говорила? Почему?

— А та подруга моей бабушки... что она сказала? — спросила Сэм.

— Нечто ужасное. Я волновалась при мысли о встрече с Аннабель Розой, считала минуты до момента, как увижу ее в первый раз. Она была красива и очень похожа на Айви. Когда она позволила себя обнять, мне пришлось приложить усилия, чтобы не задушить бедную девочку. Я тогда не собиралась отдавать ей письма, ведь от них веяло печалью. Но я вытащила коробку с вещами Айви, чтобы показать ей фотографию, и ее подруга их нашла. Она сидела в углу и читала, пока я болтала с Аннабель. Те полчаса были прекрасными. Аннабель оказалась очень милой и сильно напоминала мне Айви. Но затем ее подруга закончила читать письма и сильно разозлилась. Она кричала, что мне должно быть стыдно, ведь я не спасла Айви, и она умерла по моей вине. Что с таким же успехом я могла бы убить ее своими руками.

— Боже, какой кошмар. Мне так жаль, Мод. — Старушка так побледнела, что Сэм не удивилась бы, если бы та упала в обморок. Она схватила первый попавшийся стул из коридора, чтобы усадить Мод.

— Спасибо, — проговорила Мод, когда Сэм помогла ей сесть. — Это она разорвала

письмо Ричарда Стоуна и швырнула им в меня. Она была в ужасной ярости. Сказала, что в письме сплошная ложь, что Айви не была сумасшедшей. С моей стороны было глупостью склеивать обрывки. Но у меня так мало осталось от Айви, что я цеплялась за что угодно.

Сэм взяла руку Мод в свои.

— Кем была эта так называемая подруга? — спросила она.

— Ее звали Китти. Я помню, потому что несколько лет спустя увидела ее по телевизору. И не могла поверить, — продолжила Мод, утирая слезы тыльной стороной ладони. — Она сказала мне больше не искать встреч с Аннабель, в противном случае, она меня убьет.

Сэм протянула Мод бумажный носовой платок.

— Боже, — прошептала девушка, качая головой. — Когда я нашла Китти в обители Святой Маргарет, она назвала меня Айви. Потом она это отрицала. Но когда я показала ей фотографию Айви, она заметно расстроилась.

— Ты знаешь Китти? — спросила Мод, сжимая платок в руке.

— Сегодня впервые с ней встретилась, — тихо сказала Сэм, погружившись в свои мысли.

— Когда в тот день она была здесь с Розой, то говорила об Айви, словно знала ее. Но как это возможно? — пробормотала Мод.

— Невозможно, — медленно проговорила Сэм. — Но ее сестра-близнец могла знать Айви.

— Сестра-близнец? — переспросила Мод.

— Сегодня утром Китти рассказала мне о своей сестре-близнеце Эльвире. Они появились на свет в обители Святой Маргарет как результат любовной связи их отца. Женщина, давшая им жизнь, умерла при родах. Китти растил отец, а Эльвиру удочерила семейная пара. Но потом ее вернули обратно в обитель Святой Маргарет. Она находилась там примерно в то же самое время, что и Айви.

Сэм снова взглянула на фотографию Айви, затем на свое собственное отражение в старинном зеркале на стене.

— Думаю, она назвала меня Айви, потому что увидела во мне старую подругу. Она была немного не в себе и поэтому забылась; не понимала, что говорила.

— Забылась? — спросила Мод. — Что ты имеешь в виду?

— Китти не могла знать Айви. В отличие от Эльвиры. — Взгляд Сэм впился в гобелен на стене. — У Китти в квартире висит нечто подобное. Думаю, Айви научила ее этому псалму, когда они вместе жили в обители Святой Маргарет. — Она вновь взглянула на Мод.

— Когда Китти и Айви жили вместе в обители Святой Маргарет? Я думала, ты говорила об Эльвире? — пробормотала Мод.

— Когда я беседовала с Китти, она рассказала о своей первой встрече с Эльвирой. Им было восемь. Эльвира сбежала из обители Святой Маргарет и смогла найти Китти. Они прятались в сарае возле обители, а, когда стемнело, Китти сказала, что пойдет за помощью. Но она упала и очнулась три дня спустя в больнице. И отец рассказал ей о смерти Эльвиры.

— Какой ужас. Бедняжка, — прошептала Мод, ее глаза наполнились слезами.

— А что если той ночью умерла Китти? — спросила Сэм. — И Эльвира заняла ее место из страха, что ее отправят обратно в обитель Святой Маргарет?

— Не понимаю, о чем ты. Как она могла так просто занять место сестры? Это невозможно. — В голубых глазах Мод читалось беспокойство.

— Разве? — спросила Сэм. — Они были близнецами.

— Но могли выглядеть по-разному, так ведь? — Мод наклонилась ближе. — Эльвира жила в обители Святой Маргарет, где за ней вряд ли ухаживали. Китти же росла в любящей семье. У Эльвиры могли быть грязные волосы, ногти, зубы. Наконец, она просто могла быть более худой, чем Китти.

— Не обязательно. Китти сказала, что очнулась в больнице три дня спустя после встречи с Эльвирой. И рассказала, что провела ночь в канаве. Так что, когда она попала в больницу, она в любом случае была вся в грязи. И ее просто помыли.

— Но мать и отец должны были понять. Мать всегда знает, — убеждала Мод, глядя на Сэм.

— Их биологическая мать умерла. Если вы о Хелене Кэннон, то она сама лежала в то время в больнице. А Джордж под влиянием стресса мог просто не придать значения. — Сэм помедлила. — Возможно, что Эльвира, узнав о смерти Китти, заняла место сестры. И всю свою жизнь мстила за то, что с ней случилось.

— Мстила? Что ты имеешь в виду? — Мод смущенно тербила в руках платок.

— Все, о ком упоминала Айви в письмах, мертвы. Думаю, их убила Эльвира.

— Святые небеса, — пробормотала Мод и замолчала, пытаясь осознать услышанное. — Все, за исключением Розы.

Сэм уставилась на Мод, глаза ее расширились от ужаса.

— О боже. Бабушка.

— Что? — спросила Мод. — Что-то не так?

Сэм подбежала к двери, схватила сумочку и натянула ботинки, по пути крикнув Мод:

— Звоните в полицию. Скажите, что на пожилую женщину было совершено нападение. «Уайтхоук Эстейт», квартира 117.

Понедельник, 6 февраля 2017

Следуя указаниям женщины из почтового отделения, Фред довольно быстро отыскал отдельно стоящий викторианский особняк. Он не слишком надеялся, что семья Джейкобсонов все еще живет здесь, и сердце его забилось чаще, когда дверь открыла милостивая старушка в розовой кашемировой кофте. Закрепив очки на идеально уложенных волосах, она пристально его рассматривала.

— Миссис Джейкобсон? — спросил Фред с теплой улыбкой. В некрологе доктора Джейкобсона он прочитал, что тот умер в 1976, а женился лет за двадцать до того. Так что миссис Джейкобсон, должно быть, уже за восемьдесят. Фред решил, что она явно гордилась своей внешностью и отлично выглядела для своего возраста.

— Да? — нервно откликнулась она.

— Не знаю, помните ли вы меня. В детстве я жил неподалеку. Я — Фред Картрайт, ваш муж много лет был терапевтом моего отца, — солгал он, чувствуя себя виноватым. Но делал это ради Сэм.

Женщина нахмурилась, пытаясь понять смысл его неожиданного визита.

— Отец всегда о нем очень хорошо отзывался. Думаю, он писал вам, когда умер ваш муж. Отец был очень расстроен, — проговорил Фред.

— Понимаю. Чем могу помочь? — спросила женщина.

Фред помедлил.

— Если у вас есть время, мне бы хотелось задать вам пару вопросов о вашем покойном муже.

— Даже не знаю. Я просто смотрела субботнюю серию «Катастрофы», — сказала женщина, оглядываясь через плечо.

— Я был так расстроен известием о смерти доктора Джейкобсона. Должно быть, вы с дочерьми ужасно по нему скучаете. Кажется, отец говорил, что их зовут Сара и Джейн. — Фред припомнил, что эти имена упоминались в заметке, которую он читал чуть раньше.

— Спасибо. Да, вы правы.

— Я не отниму у вас больше пяти минут. Можем даже поговорить прямо здесь, на скамейке.

— Нет, здесь очень холодно. Простите, возраст и все такое... так что я немного нервничаю. Мне всегда приятно говорить об Эдварде. Входите. — Фред проследовал за ней в коридор. — Хотите чаю?

— Спасибо, миссис Джейкобсон, — кивнул он.

— Называйте меня Салли. Прошу, проходите и садитесь, я пока заварю чай.

Старушка привела Фреда в огромную гостиную. В глаза бросалось огромное количество мягкой мебели, семейных фотографий и цветов. В комнате царил идеальный порядок; даже диванные подушки располагались строго на своих местах. Было очевидно, что особняк недавно ремонтировали. Конечно, хрупкая старушка вроде миссис Джейкобсон в одиночку не могла следить за домом подобного размера. Вероятно, Эдвард Джейкобсон позаботился, чтобы и после его смерти жена долгое время ни в чем не нуждалась.

Пока миссис Джейкобсон возилась в кухне, Фред изучал фотографии, стоящие на

полированном антикварном столике. Он взял в руки снимок, на котором доктор Джейкобсон обнимал медовой окраски спаниеля.

— Мы все любили эту собаку, — проговорила старушка, появляясь позади него с подносом, на котором стояли чашки с чаем и вазочка печенья. — Наверное, Хани я оплакивала даже больше, чем Эдварда. Когда не стало мужа, Хани была мне отличной компанией. И ее смерть стала последней каплей.

— Могу себе представить. Как поживают Джейн и Сара? — спросил Фред.

— Боже, они уже такие взрослые, что верится с трудом. Сара стала врачом, как отец. А Джейн — архитектор, — проговорила она, расставляя содержимое подноса на столе. — Навещают меня по возможности часто. Но они много работают. Вы же знаете, каково это.

Фред улыбнулся.

— Наверное, вы очень гордитесь ими.

— Да. Только грустно, что Эдвард не смог увидеть, какими они стали. — Салли протянула ему чашку чая. — Ну а вы чем занимаетесь, Фред?

— Честно говоря, Салли, я — историк. И сейчас собираю информацию о местечке в Престоне, носящем имя Святой Маргарет. Не знаю, слышали ли вы о нем. — Он взял печенье с предложенной ему тарелки и положил на свое блюдце.

— Конечно, дом матери и ребенка. Много лет стоял заброшенным. Полагаю, скоро его снесут.

— Да, вы правы, — помедлив, проговорил Фред, пытаясь подобрать слова. — Я просто подумал... возможно, ваш муж был как-то связан с обителью Святой Маргарет? — Он взглянул в лицо миссис Джейкобсон, ожидая каких-либо признаков напряжения, но ничего не увидел.

— Да, конечно. В обитель принимали незамужних беременных девушек. Эдвард иногда ходил туда, чтобы помочь при трудных родах. Но он не любил об этом говорить.

Фред кивнул.

— Должно быть, желание помогать было у него в крови, — сказал он, отпивая чай.

Старушка откинулась на пухлые диванные подушки, неторопливо потягивая чай из тонкой фарфоровой чашки. Воображение Фреда тут же нарисовало сцену. Салли, завернутая в шелк простыней, шевелится во сне, хлопает входная дверь, и доктор Джейкобсон на цыпочках входит в спальню. Его руки все еще в крови после битвы за спасение жизни бедной девушки. Наверное, она просыпается, поднимает голову, а он, стоя у двери, шепчет:

— Я в душ, милая. Лягу в соседней комнате, чтобы тебя не тревожить.

У французского окна возникла персидская кошка, и оба подпрыгнули от неожиданности.

— Что ты здесь делаешь, Джесс? — спросила Салли, вставая, чтобы ее впустить.

— У вас красивый сад, — проговорил Фред, разглядывая его сквозь французское окно, которое Салли, плотнее завернувшись в кофту, поспешно закрыла. — Должно быть, нелегко следить за таким большим домом.

— К счастью, я в состоянии позволить себе нанять помощников. Девочки пытаются уговорить меня переехать, но я не могу. Конечно, они верят, что так будет лучше. Но как я смогу жить одна в незнакомом месте, оставив Эдварда в прошлом? Я бы его подвела. — Она поставила чашку на стол. — Знаете, он ведь здесь умер.

— Я не знал. Простите. Должно быть, это очень тяжело. — Фред ждал продолжения, но Салли потерялась в мыслях. — Он болел?

— Нет, ничуть. Он утонул в крытом бассейне. Мы до сих не знаем точно, что же произошло. Каким-то образом он очутился под крышкой. Вскрытие показало, что он вывихнул плечо. Возможно, там застряла Хани, а он пытался ее вытащить и упал.

— Какой ужас. А вы были здесь? — спросил Фред.

— Нет, уезжала за подарками к Рождеству. У машины спустило колесо, так что меня не было какое-то время... — Голос Салли замер, она стиснула лежащие на коленях руки. — Мы купили самую прочную крышку для бассейна, чтобы девочки в него не упали. Она бы его выдержала. Но, вероятно, падая, он ударился головой, так что был без сознания, когда соскользнул в воду.

— Просто ужасно. А полицейские чем-то помогли? — спросил Фред, осторожно глядя в лицо Салли.

— Да. Я сказала им, что что-то не так. Хани ненавидела этот крытый бассейн; она боялась воды и никогда туда не ходила. А Эдвард, пытаясь войти, разбил стеклянную панель — отпечатки его пальцев нашлись на брошенном им камне. Он же знал, где ключи. Зачем он вломился в собственный бассейн? Я не виню полицейских за то, что меня не слушали. После смерти Эдварда я была в таком состоянии, что несколько дней принимала успокоительное. И не смогла присутствовать на дознании. Вердикт я и так знала. Смерть в результате несчастного случая. Почему бы и нет? Ни у кого не было причин вредить Эдварду.

— Конечно, — проговорил Фред, разглядывая висящую на стене фотографию доктора Джейкобсона с девочками.

— Никогда себе не прощу, что меня здесь не было.

— Мне так жаль, Салли, — посочувствовал Фред. — Он всегда с большой теплотой относился к нашей семье. Порой жизнь действительно несправедлива.

Салли смахнула слезы тыльной стороной ладони.

— Знаю, что порой веду себя как эгоистка, ведь те двадцать лет, что мы прожили вместе, были невероятно счастливыми. Но иногда, когда я вижу, как подруги ссорятся со своими мужьями, мне хочется крикнуть: «Неужели вы не понимаете, как вам повезло. Ведь у вас есть на кого сердиться!»

Фред ждал продолжения. Ему стало грустно: ведь Салли чувствовала себя настолько одинокой, что делилась самым сокровенным с первым встречным.

— Он хотел поехать со мной за покупками, но я придумала какую-то отговорку. В магазинах он лишь мешался. Если бы я была хоть немного терпимее, он и сейчас был бы здесь, со мной.

— Как говорит мой отец, каждый человек виновен во всем хорошем, чего он не сделал, — проговорил Фред.

Салли взглянула на него и улыбнулась, глаза ее еще были полны слез.

— Простите. Вы же явно пришли не для того, чтобы слушать мои рассказы об Эдварде. Чем я могу помочь?

— Ну, я просто подумал... вдруг у вас остались какие-то документы доктора Джейкобсона? Возможно, сведения о девушках, которых он помог спасти в обители Святой Маргарет. И тогда я бы мог с ними поговорить. И таким образом отдать ему дань уважения в своей диссертации.

— Даже не знаю, — проговорила Салли, внезапно нахмурившись. — Честно говоря, у меня так и не хватило духу должным образом разобрать его бумаги. И я просто решила оставить все, как было.

— Конечно, я понимаю, — кивнул Фред, сделав эффектную паузу. — Может, вы могли бы просто посмотреть, есть ли какие-то папки с документами из обители Святой Маргарет? И тогда, возможно, подумали бы над моими словами, поговорили с дочерями. Если будет удобно, я мог бы зайти в другой раз. Я не настаиваю.

Салли медленно обдумывала его предложение.

— Звучит неплохо. Однако не думаю, что многое найдется. Случилось нечто очень странное. Перед самой смертью он разбирал четыре или пять коробок с папками. За несколько дней до того их привез ему Отец Бенджамин. Полагаю, они имели отношение к обители Святой Маргарет.

Салли вновь мысленно вернулась в тот декабрьский день в 1976, за неделю до смерти Эдварда. Тогда на пороге неожиданно возник Отец Бенджамин.

— Здравствуйте, Салли. Эдвард дома? — спросил он, стоя в дверях с тростью в руке.

— Да. Он вас ждет, Отец? — Она знала, что это не так, что Эдвард предвкушал тихий вечер дома. Но она явно не могла прогнать Отца Бенджамина.

— Черт возьми, чего ему надо? Может, скажешь, что я заболел? Или что-нибудь в этом роде? — буркнул Эдвард, когда Салли сообщила ему. В его усталых глазах мелькнуло выражение тревоги.

Салли слегка отпрянула, удивленная тоном мужа.

— Эдвард, сейчас я уже не могу ему этого сказать. Слишком поздно.

— Ради всего святого! Ладно, тогдапусти его, — прошипел он, пока, пыхтя и сопя, убирал бумаги со стола.

Когда Отец Бенджамин поднялся в кабинет Эдварда, Салли нервно застыла на лестничной площадке. Разговор внутри явно шел на повышенных тонах.

— Отец, я с трудом понимаю, чего вы теперь-то от меня хотите, — проговорил Эдвард. — Еще тогда я предупреждал, что стоит надлежащим образом вести записи о тех бедных детях, упокой Господь их души.

— Мы кормили тех детей и давали им кров. Каким-то образом мы должны были компенсировать их содержание. И ваши высокие моральные устои, Эдвард, в данном вопросе просто оскорбительны. Вы всегда знали о происходящем, и, тем не менее, продолжали отправлять к нам девушек, получая с этого немалый доход.

— Отправлял, Отец, было дело. Но уже почти шесть лет я к вам никого не посылал.

В ответ на это Отец Бенджамин лишь рассмеялся. Салли услышала его смех — грубый какой-то пустой, почему-то вызывающий тошноту.

— Думаю, доктор, вы отлично разыграли свою партию еще до этого. Я не хочу враждовать, но у меня в машине документы. Архивы, к которым Совет теперь имеет законный доступ. Если я откажусь их предоставить, меня могут обвинить в неуважении к суду. Если дело дойдет до процесса.

— Стоило подумать об этом прежде, чем тратить все деньги, полученные от «Мерсер Фармасьютиклс».

— Послушайте меня, Эдвард Джейкобсон, — прорычал Отец Бенджамин так громко, что Салли поспешно сбежала вниз по ступенькам. — Если мне придется отвечать на вопросы об этом деле, я утяну с собой и вас. Лишь вы способны продраться через эти папки и найти объяснения их содержимому. У нас всего неделя, я советую вам начать сегодня же.

Салли услышала, как открылась дверь кабинета, и поспешно юркнула в кухню. Священник, спустившись вниз по лестнице, вышел через входную дверь, оставив ее широко

открытой. Она видела, как он открыл багажник машины и достал четыре большие коробки с папками, затем втащил их в дом, оставив посреди коридора. Заметив, что Салли наблюдает за ним, он ничего не сказал. Просто развернулся и вышел, захлопнув за собой дверь.

Фред посмотрел на нее. Теперь он слушал очень внимательно.

— Если это были документы из обители Святой Маргарет, мне бы, конечно, очень хотелось на них взглянуть, — проговорил он, пытаясь скрыть нетерпение.

— Я не знаю, что Эдвард с ними сделал. Больше я их не видела. Конечно же, в кабинете их нет. Ума не приложу, куда они подевались. Может, подождете здесь, а я пойду и взгляну, вдруг найду что-то полезное? — радостно улыбаясь, спросила Салли.

Фред кивнул. Как только он услышал шаги наверху, то, взглянув на свои трясущиеся руки, бросился к шкафчику с напитками. Открыл его, плеснул в стакан немного виски и залпом выпил. Через несколько минут он услышал голос Салли. Она явно говорила по телефону. Ей кто-то позвонил, решил Фред. Или она сама, забеспокоившись, позвонила кому-то.

— Я так думаю. Не знаю, милая! — проговорила она, вернувшись в комнату с телефоном у уха. От волнения она заговорила немного громче. — Боюсь, вам не повезло, — сказала она Фреду; ее мягкие жесты и тон голоса полностью изменились. — Здесь мало документов. К тому же, в любой момент приедет дочь, она живет в соседней деревне. Думаю, вам лучше уйти.

— Конечно, — согласился Фред, пытаясь скрыть панику. — Спасибо за чай. Вы позволите мне перед уходом воспользоваться туалетом? Впереди меня ждет долгая дорога обратно в Лондон.

Губы Салли сжались. После разговора с дочерью она была явно очень напугана.

— Да, хорошо. Прямо и налево.

Фред прошел по коридору, ища по пути другие комнаты. Добравшись до туалета, он заметил напротив лестницу, а на верхней площадке — открытую дверь. Он даже не колебался. Проверив, что все чисто, он закрыл дверь туалета и тихо поднялся по ступенькам. И очутился в огромном кабинете со столом из красного дерева, кожаным стулом и двумя картотечными шкафами, в замке одного из которых торчала связка ключей.

Зная, что его хватятся уже через несколько минут, Фред быстро повернул ключ и выдвинул первый ряд свисающих папок. Ничего не найдя на букву «С» — «Святая Маргарет», он посмотрел на «М». Но увидел лишь папку «Мерсер Фармасьютиклс», и вытащил ее. Внутри лежал одинокий лист бумаги. Кажется, договор, на фирменном бланке, с пометкой «Секретно и конфиденциально» сверху. Внизу стояли две подписи, доктора Джейкобсона и директора «Мерсер Фармасьютиклс», Филипа Стоуна. Поспешно Фред отыскал букву «О», а следом — пухлую папку с именем Отца Бенджамина. Дрожащими руками он вытащил ее и открыл.

Сначала шли медицинские записи о здоровье Отца Бенджамина, какие-то заметки о перенесенных им заболеваниях, впрочем, несерьезных. Но дальше лежали отчеты о родах — штук сорок, — которые принимал доктор Джейкобсон в обители Святой Маргарет. Похоже, большинство этих детей родились мертвыми.

Как ни старался Фред уделить документам должное внимание, отчаянно колотящееся сердце напомнило ему, что временем он не располагает. Действуя максимально быстро, Фред добрался до конца папки, и наткнулся на тонкую пачку листов, скрепленных вместе канцелярской скрепкой. Согласно пометкам доктора Джейкобсона, в обители Святой

Маргарет он лечил детей трех-четырёх лет от лихорадки, более в шее, скованности, спазмов, тошноты, апатии и приступов эпилепсии. Кто были те дети? Насколько знал Фред, обитель Святой Маргарет являлась домом матери и ребенка, где детей, появившихся на свет, отдавали в приемные семьи.

Голос Салли Джейкобсон эхом разнесся по ступенькам.

— Фред?

Ударившись коленом об стол, Фред метнулся к выходу и увидел, что женщина барабанит в дверь туалета внизу.

Дрожащими руками он вытащил листок из папки «Мерсер», сложил пополам и сунул в задний карман брюк. Потом закрыл папку и сунул ее в шкаф с максимально возможной скоростью. Убедившись, что все осталось в прежнем состоянии, он выскользнул из кабинета и сбежал вниз по ступенькам.

— Большое спасибо, Салли. Было приятно познакомиться, — беспечно бросил он, направляясь к выходу.

— Что вы делали наверху? — спросила она, вспыхнув от злости.

— Был в туалете, — поспешно проговорил Фред, отчаянно желая сбежать. — До свидания, Салли, передавайте привет дочерям. — Он повернул ручку двери, с облегчением отметив, что она не заперта, вышел на улицу и поспешил по тропинке к дороге.

Очутившись в безопасности внутри машины, Фред вытащил телефон. Он уже собирался позвонить Сэм и поведать ей о беседе с Салли Джейкобсон, когда мимо проехал черный «Ягуар». За рулем сидела женщина с длинными седыми волосами. Ее лицо сразу показалось Фреду знакомым, но лишь спустя несколько секунд он осознал, что это была Китти Кэннон. Из заметок о несчастном случае с Джорджем Кэнноном Фред знал, что дорога, на которой он припарковался, называлась Престонским шоссе, и вела к обители Святой Маргарет.

Фред развернул машину и последовал за ней.

Отъезжая, он бросил взгляд в зеркало заднего вида. Возле открытой входной двери стояла Салли Джейкобсон и с каменным лицом смотрела ему вслед.

Суббота, 18 декабря 1976

От трели дверного звонка доктор Эдвард Джейкобсон резко проснулся.

Какое-то время неподвижно сидел в темноте, пытаюсь понять, где находится. Свет, загоревшийся возле входной двери — там кто-то стоял, — проникал в окна, освещая разбросанные на полу коробки с архивными записями. Бронзовые часы на столе сообщали, что уже больше шести вечера. Салли не говорила, что кто-то придет. Кто же мог появиться без предупреждения?

Эдвард вздрогнул. В комнате было холодно. Пока он спал, на окне появился конденсат. Кажется, отопление не работало. Он понятия не имел, ни сколько времени проспал, ни почему жена его не разбудила. Задержав дыхание, он прислушался. В доме стояла полная тишина.

Тук-тук-тук. Теперь вместо звонка раздался стук дверного молотка. Снаружи был кто-то настойчивый. Придется спуститься и открыть. С трудом поднявшись со стула, Эдвард тихо застонал — тело одеревенело от долгой неподвижности. Из-за неудобной позы, в которой он заснул, болела шея, ныли отвыкшие от движения суставы. Подойдя к окну, он взглянул вниз на ряды шляп с помпонами и листов с песнями, ждущих возле входной двери. Рождественские певцы. Он слышал, как они переговариваются: «Света нет... Салли сказала, что они будут дома... еще разок попробуем». Кто-то из них отступил назад, чтобы взглянуть на окна верхнего этажа, и Эдвард поспешил исчезнуть с обзора. Ему совсем не хотелось в мороз стоять на пороге и слушать песнопения местного хора. Этого хватало и в церкви.

Тук-тук. Последняя попытка. Потом, наконец, хруст промерзшего гравия под ногами. Они ушли.

Он тяжело вздохнул и поднял очки, чтобы потереть глаза. Неделя выдалась суровой. Зимняя эпидемия гриппа в деревне означала, что в приемной он проводил ежедневно не меньше шестнадцати часов. А, придя домой, каждую ночь получал послания от Отца Бенджамина, которые становились все более срочными. Первые несколько дней Эдварду удавалось его избегать. Но когда священник начал звонить посреди ночи, телефон пришлось взять — это могла оказаться одна из дочерей.

— Надеюсь, вы занялись папками, которые я оставил на прошлой неделе, — резко бросил он.

— Да, делаю все возможное. Но я могу отправиться в тюрьму за подделку. Честно говоря, не самое приятное чтение.

Отец Бенджамин тяжело вздохнул.

— Надеюсь, вы сделаете их более удобоваримыми, — угрожающе произнес он. — Чтобы все мы могли спать спокойно.

— Я ведь давно предупреждал, Отец, что эти записи когда-нибудь могут проверить. — Эдвард чувствовал, что в груди нарастает чувство тревоги.

— До настоящего времени приход не был обязан предъявлять какие-либо записи, — бросил Отец Бенджамин. — Мы же не могли предвидеть, что изменятся законы усыновления, и женщинам разрешат доступ к документам. Так что нужно подготовить более приемлемые версии случившегося с их детьми.

— Как? — Он вспомнил содержание нескольких выцветших свидетельств о смерти. Тех, что Отец Бенджамин выгрузил из своей машины. — Как можно приукрасить... психические припадки, судороги и постоянное отсутствие ухода?

— Не знаю, Эдвард. Вы их выписывали, — ответил священник. — Худшие уничтожьте, для остальных подготовьте благовидные объяснения. Вы с легкостью выбрались из обители Святой Маргарет. Так что, полагаю, поможете и нам выйти из этой ситуации. Я ведь уже говорил — если что-то всплывет, я позабочусь, чтобы ваше участие не осталось незамеченным.

Когда Отец Бенджамин повесил трубку, Эдвард так и не смог уснуть. Ему отчаянно хотелось разбудить жену и поделиться своими проблемами, но любое упоминание об обители Святой Маргарет всегда встречалось молчаливым неодобрением. Несмотря на то, что деньги, получаемые от Отца Бенджамина за направление в обитель одиноких беременных девушек, шли на оплату обучения дочерей, дома престарелых для матери Салли и большого уютного особняка, его жена не хотела пятнать свою совесть подобными мыслями.

Внезапно Эдвард вернулся в настоящее. Снаружи донесся слабый собачий визг. Он заметил, что подстилка Хани пуста. Он не представлял, где находилась его постоянная спутница. Сколько он помнил, она всегда приходила к нему после ужина. Возможно, Салли пошла с ней на прогулку, навестить деревенскую подругу. Однако она еще днем уехала за покупками к Рождеству. Он бы услышал, если бы жена вернулась. Звон ключей, стук дверцы буфета и лай собаки, выпрашивающей ужин, разбудили бы его. Даже если Салли все еще дулась из-за визита Отца Бенджамина, она бы сообщила, куда собралась. Может, что-то случилось с ней? Или с одной из девочек? И Салли выбежала из дома в панике.

— Салли? — позвал он, направляясь по коридору к лестнице. — Где ты?

Неуклюже спустившись по лестнице, он очутился в прихожей. Каменный пол оказался неуютно холодным. Шлепая по нему босыми ногами и что-то ворча себе под нос, Эдвард направился в кухню. Святые Небеса, где же они? Добравшись до задней двери, он снова услышал собачий визг. Огляделся в поисках ответа. Это Хани?

На смену скопившемуся внутри раздражению пришло беспокойство. Он сел на табурет и натянул резиновые сапоги прямо на босые ноги. Может, жена упала где-то в саду, и Хани пытается привлечь его внимание. Открыв шкаф в прихожей, он начал рыться в куче верхней одежды в поисках куртки «Барбур» ^[42], с грохотом уронив на пол корзину с зонтами. Потом рывком распахнул заднюю дверь, вздрогнув от неожиданно ледяного ветра, и направился в сад.

Под ногами хрустел и скрипел гравий, от соседнего дома доносились голоса рождественских певцов.

— Хани? — прокричал он, направляясь к забору.

Зимнее солнце уже село, живописная белизна утра полностью исчезла. Эдвард обнаружил, что тонет в темноте. Земля под ногами превратилась в грязную слякоть, темные облака грозили осыпаться снегом. Он упорно двигался вперед, хватаясь за забор, чтобы не споткнуться о камни, ветки живой изгороди или хвойные деревца. Продираясь мимо розовых кустов, он уколол руку о шипы на толстом стебле.

— Салли? Ты здесь, снаружи? — прокричал он, вздрогнув, когда теплая струйка крови потекла вниз по тыльной стороне руки. — Хани!

Он почувствовал, как онемели ступни, и холод пополз вверх по ногам. Идти по

неровной земле стало невероятно трудно. Он спотыкался на каждом шагу, кричал и свистом подзывал Хани, пока не добрался до своего любимого дуба. Немного помедлив, оперся о ствол, потревожив сидящую наверху сипуху. Птица издала длинный, неприятный крик. Эдвард вытянул шею, вглядываясь в голые, похожие на когти ветви, и увидел пару мигающих черных глаз. Какое-то время они просто смотрели друг на друга. Потом сова, издав еще один пронзительный крик, взлетела, скинув с насеста снежный ком. Звук заставил Эдварда вздрогнуть. Пытаясь уклониться от падающего снега, он отступил назад. И зацепился ногой за корень. А потеряв равновесие, уже не смог его восстановить. Он хватался за воздух. Ноги его так замерзли, что почти не слушались. Падая, Эдвард инстинктивно выставил руку, чтобы смягчить удар.

Когда ладонь его ударилась о землю, плечо пронзила острая боль. Закричав, он перекатился на бок, сжимая руку и судорожно хватая воздух в попытке справиться с болью. Когда Эдвард был подростком, то вывихнул плечо. И теперь инстинктивно чувствовал, что это случилось снова. Он сунул руку под куртку и ощупал плечо: шарик сустава вышел из своего гнезда и выступал наружу.

Он не осмеливался двигаться, не уверенный, что сможет выдержать сильную боль. Но, катаясь по земле, он промок; снег набился за ворот куртки и сочился вниз по спине. Эдвард дрожал от холода и потрясения. Он должен встать, иначе в считанные минуты замерзнет до смерти.

— Эй! Кто-нибудь меня слышит? — позвал он, зная, что один. Рождественские певцы, должно быть, ушли уже далеко. Но сама мысль о том, что никто не сможет прийти на помощь, была невыносима.

Еще с минуту он лежал на холоде, задыхаясь от боли. Нужно двигаться; здесь нельзя оставаться. Эдвард попытался привести мысли в порядок и успокоиться. Выбора не было: несмотря на боль, он должен подняться на ноги. До дома недалеко — лежа на земле, он видел свет висящего у крыльца фонаря. Если он сможет туда добраться, то позвонит в «скорую».

Он был кретином. За эту неделю он очень устал и был сильно расстроен. Не стоило выходить на улицу. Визжала не Хани. Возможно, другая собака. Или это было плодом его воображения. Ее здесь нет; никого нет. Когда он доберется до больницы, его жену найдут. Они где-то вместе с Хани. Просто нужно подняться, цепляясь за корни дерева, и быстро вернуться в дом.

Стиснув зубы, он перевернулся, и внезапно отчетливо услышал поблизости визг Хани. Его охватила паника. В конечном счете, он оказался прав. Она здесь, снаружи, на морозе, и она в ловушке. Он ощупал корни вокруг в поисках достаточно большого, чтобы подняться. Ничего. Опираясь на пятки, он елозил по грязи, цепляясь за темноту, пока, наконец, не наткнулся на толстый корень. Застонав, он приподнялся, схватившись за него замерзшими руками. Ему удалось встать на одно колено, затем на другое. Наконец, он поднялся на ноги.

Постоял немного, чтобы успокоиться, потом, стараясь не обращать внимания на соблазнительную близость дома, направился туда, где визжала Хани. Он просто не мог оставить ее здесь; она замерзнет до смерти. От боли кружилась голова. Сжав руку, он снова принялся звать Хани, желая, чтобы она дала знать, где находится. Взгляд его зацепился за крытый бассейн. Шагая так быстро, как позволяли дрожащие ноги, он, наконец, добрался до него и приложил руку к запотевшему окну. Какое-то время ничего не происходило — сад погрузился в полную тишину — затем он услышал изнутри тихое скуление.

— Хани? — он бросился к двери. Боль в плече так сильно прострелила руку, что из глаз брызнули слезы. Но образ любимого спаниеля, попавшего в беду, гнал вперед. — Хани, держись, я иду.

Он с силой надавил на ручку, но дверь не сдвинулась с места. Расстроенный, он колотил по ней, яростно пинал. Дверь была заперта. Ключи находились в доме. В его состоянии поход туда займет уйму времени. Хани снова тихо заскулила. Эдвард стукнул по двери здоровой рукой. Если собака в бассейне, она могла утонуть. Он осмотрелся вокруг в поисках чего-то полезного, и подобрал камень. Как можно выше подняв руку, он бросил его в дверь, вдребезги разбив одно из стекол. Потом просунул руку внутрь, в зазубренную дыру, чтобы открыть замок. Щелк. Он оказался в теплой комнате.

— Хани? Хани, ты здесь? — прокричал он, включая свет.

Он двинулся вокруг бассейна в неудобных сапогах, крепко прижимая к себе поврежденную руку.

Из-под крышки бассейна раздался панический визг, и Эдвард увидел, как что-то движется.

— Держись, Хани, я иду.

Нетвердой походкой он направился к ней, дважды поскользнувшись по пути. Эдвард видел ее мокрые лапы, отчаянно цепляющиеся за край бассейна. Крышка была плотно закрыта, и ему с трудом удалось приподнять ее одной рукой и отодвинуть. Наконец, появилась маленькая, промокшая коричневая мордочка с выпученными, испуганными глазами. Он сдавленно вскрикнул.

— Хани? Какого черта ты здесь делаешь?

Собака цеплялась за край бассейна явно в состоянии крайнего изнеможения. Эдвард наклонился, чтобы вытащить ее.

И слышал позади шаги. Но, прежде чем он смог хотя бы повернуть голову, кто-то толкнул его сзади. Так сильно, что не было даже шанса удержать равновесие. Эдвард свалился в бассейн.

Вода накрыла его с головой, наполнила уши, глаза, рот. С одной рукой было невероятно трудно снова всплыть на поверхность; каждое движение, словно нож, впивалось в больное плечо. Наконец, кашляя и задыхаясь, он вынырнул и схватился за бортик. Эдвард отчаянно осматривался, ища того, кто его толкнул. В поле его зрения, на уровне земли, возникли ноги в гладких черных кожаных ботинках, насквозь промокших от воды. Но когда он поднял взгляд, то увидел лишь крышку бассейна, опускающуюся ему на голову. Эдвард попытался толкнуть ее вверх, но у него не было сил.

— Пожалуйста... нет, — пробормотал он. — Стойте, что вы делаете?

Он еще пытался бороться, но любое движение отдавалось в руке мучительной болью. После падения сил больше не осталось. Хани все еще была здесь, цеплялась когтями за его поврежденную руку. И вскоре ее паника начала передаваться ему. Эдвард пытался держать голову над поверхностью воды. Но крышка продолжала давить на него. Теперь оставался открытым лишь один угол. Эдвард онемевшими пальцами вцепился в край бассейна.

— Держись, Хани, — проговорил он. — Мы выберемся отсюда. Просто держись.

Когда Хани, вскарабкавшись по вывихнутому плечу Эдварда, взобралась вверх, а потом соскользнула вниз по руке, его вырвало водой. Он в жизни не испытывал подобной боли.

Внезапно в воде появилась рука, схватила паниковавшего спаниеля и вытащила наружу. Еще одно движение, и оставшийся угол крышки бассейна упал над головой Эдварда.

Он начал колотить по винилу. Уже не в силах контролировать панику, Эдвард бессознательно всхлипывал. Через неделю Рождество; в голове его возникли образы дочек, сбегających вниз по лестнице рождественским утром. Теперь это Рождество, да и все последующие, для его жены и дочерей будут испорчены. Он выкрикнул их имена, зовя Салли изо всех оставшихся сил; цеплялся за крышку, пока пальцы не начали кровоточить, окрашивая воду в красный.

Он соскользнул под воду, поначалу пытаюсь бороться: вверх-вниз, тонуть-плыть, тонуть-плыть. Тонуть. Тонуть-плыть. Тонуть... задержать дыхание, бороться ради девочек, бороться.

Не поступать так с ними... задержать дыхание... вернуться на поверхность за воздухом.

Тонуть.

Тонуть.

В легкие начала поступать вода. Слепой ужас заставил снова всплыть на поверхность, где он вновь наткнулся на толстую, непроницаемую крышку. Эдвард вновь и вновь молился, чтобы появилась Салли и нашла его.

Потом погас свет.

И Эдварда поглотил ужас, какого он в жизни не испытывал. Никто не знал, что он здесь. Могли пройти часы и даже дни. И когда, наконец, его обнаружат, в воде будет плавать раздутое тело.

Разум Эдварда метнулся к бумагам на полу кабинета. Вот что обнаружит Салли, когда вернется домой и пойдет его искать. Она позовет его, а потом поднимется в кабинет и найдет несколько коробок с записями о смерти. Последняя, которую он прочитал, навсегда запечатлелась в его мозгу: «24 года, роды затянулись на два дня. Ягодичное предлежание, эпизиотомия ^[43]. Кровоизлияние. Мать скончалась. Дети-близнецы выжили».

Когда Эдвард вновь погрузился под воду, то услышал голос Матушки Карлин: «Их боль — это часть наказания, доктор. Если они не страдают, то не учатся. Мы позовем вас, если будет нужно».

Он пытался ей помочь. Его вины не было; он просто ничего не мог сделать. Делая последние вдохи, доктор Джейкобсон слышал, как его любимый спаниель царапает дверь крытого бассейна. Еще несколько секунд он боролся, в приступе кашля бормоча имя Салли. А в голове его вновь и вновь звучала их свадебная песня... «Мечтай, лишь немного мечтай обо мне».

Понедельник, 6 февраля 2017

Лифт в «Уайтхоук Эстейт» не работал. Китти Кэннон скользнула взглядом по извещающей об этом надписи, затем, изогнув шею, уставилась на лестничный пролет. Десятый этаж.

Поднимаясь по благоухающей лестнице, она вспомнила, как впервые увидела одиннадцатилетнюю Аннабель в брайтонской средней школе. Это случилось в первый день осенней четверти, когда Китти пошла в старший, шестой, класс [44]. Она тогда услышала шум на спортивной площадке и подняла взгляд. В центре, вокруг чего-то или кого-то, столпилась группа первогодок. Обычно она бы на такое и внимания не обратила, но во всем этом чувствовалась какая-то напряженность. Насмешки были особенно громкими, толпа — необычно большой.

Так что Китти спрыгнула со стены, на которой сидела, и медленно двинулась на шум. Когда она подошла ближе, то смогла разобрать слова: «Рыжая имбирная печенюшка, катись обратно в свою коробушку».

Когда Китти подошла ближе, некоторые обернулись и замолчали. Многие шестиклассницы могли бы одернуть первоклашек, сделать замечание, но Китти сама по себе выглядела внушительно. Высокая, с длинными, прямыми волосами цвета воронова крыла и кожей, присущей скорее жителям Средиземноморья, она смотрела на происходящее большими карими глазами.

В центре круга находилась девочка-первоклассница. Она сжалась в комочек, прикрыв голову руками, словно давно уже оставила попытки сбежать и защищалась по мере сил от того, что последует дальше. Ее волосы и в самом деле были примечательными: длинные, вьющиеся и огненно-рыжие. Когда Китти нависла над ними, большинство собравшихся замолчали один за другим. Но тощий оборванный мальчишка с грязными ногтями в потертых штанах был слишком возбужден преследованием добычи, чтобы ее заметить. Он резко отвел ногу назад, словно собирался пнуть девочку, как футбольный мячик на поле. Когда нога его двинулась вперед, Китти подошла ближе и с силой толкнула мальчишку.

Он не заметил ее, так что потерял равновесие. У него даже не было времени выставить руки для защиты. Но, пытаясь смягчить падение, ему удалось вытянуть руку за несколько мгновений до удара о бетонную площадку. И весь его вес пришелся на странно хрустнувшее запястье. Повисла полная тишина. Поступок Китти внезапно полностью изменил настроение толпы: охотник превратился в добычу. Потом мальчишка поднял недоуменный взгляд на Китти и закричал.

Она не обратила на него внимания и, подойдя к его жертве, взяла ее за руку, чтобы помочь встать. Когда одиннадцатилетняя девочка, выпрямившись, взглянула на Китти, у той кровь застыла в жилах. Интуитивно она поняла, что перед ней Роза, дочь Айви. Большого сходства просто быть не могло. Пока Китти потрясенно молчала, девочка застенчиво ей улыбнулась, вытерла нос тыльной стороной ладони и побежала на урок навстречу раздававшемуся звонку.

В последующие недели Китти обнаружила, что внутреннее чутье ее не подвело. Рыжеволосая, голубоглазая девочка действительно оказалась дочерью Айви. Она рассказала

Китти, что ее удочерили, да и вообще говорила о своих несчастьях. Когда они бок о бок шли домой, — Китти ежедневно делала огромный крюк, только бы побыть с девочкой, — Аннабель Роза постепенно открывала ей свои печали. Она изо всех сил старалась быть хорошей дочерью, но ее родители вечно были чем-то недовольны. Девочка призналась, что постоянно чувствовала себя квадратным кольшком, который пытается втиснуться в круглое отверстие.

Она так сильно напоминала Китти Айви, что старые воспоминания ожили вновь и заиграли яркими красками. Будто бы сама Айви вернулась. Аннабель улыбалась так же, как и Айви, — лишь глазами, не разжимая губ. Крутила в пальцах волосы, когда чувствовала неуверенность. Поворачивала голову, и длинные рыжие вьющиеся локоны падали ей на глаза. Она могла бы быть Айви.

Конечно, Китти не делилась этим с Аннабель. Она так и не осмелилась открыть кому-либо правду, и это грызло ее. Но они говорили о том, что чувствовали обе. Об одиночестве и всепоглощающей тоске, что постоянно жила у обеих внутри — по тем, кого они любили, но кого им так и не довелось узнать. Китти тосковала по сестре-близнецу, а Аннабель — по своей биологической матери.

В последующие недели и месяцы Китти показала Аннабель ту часть своей натуры, которую всегда ото всех прятала. Сперва медленно и осторожно она прощупывала почву. Ожидая, что Аннабель отвернется от нее, — ведь так поступали все, с кем сталкивала ее жизнь, — Китти поведала ей ту же историю, что и отцу. Что увидела Эльвиру за надгробием, и та потом отвела ее в сарай. Что Эльвира была слишком напугана, чтобы уйти. Что Эльвира умерла, потому что Китти, ища помощь, заблудилась.

Выслушав, Аннабель утешала ее, а потом призналась, что тоскует по женщине, подарившей ей жизнь. Девочка страстно желала узнать, кем была на самом деле ее мать и почему решила от нее отказаться. Так они вместе нашли Мод. И тогда все начало рушиться.

Китти собиралась тихонько посидеть в доме Мод Дженкинс, чтобы поддержать Аннабель, когда та впервые встретится со своей бабушкой, однако, почувствовала, что ее трясет от ненависти, как только женщина в возрасте открыла дверь.

В коробке с вещами Айви обнаружилась пачка писем и, несмотря на протесты старой женщины, Китти села в уголок и прочитала их.

После этого она мало что помнила. Лишь то, как сказала матери Айви, что та виновата в смерти дочери. Как вытащила Аннабель на улицу, отдала ей письма Айви и велела их прочитать. «Мод должна была спасти Айви». Китти помнила, как, схватив Аннабель Розу за плечи, твердила ей об этом и предупреждала не видеться больше с Мод, или она ее убьет. Она не помнила, как вернулась домой той ночью, но, когда она проснулась, ее накрыла неодолимая паника.

Следующим утром, как обычно, она ждала Аннабель у школьных ворот. Но девочка не появилась. В последующие недели Китти пыталась с ней поговорить, но Аннабель от нее отгораживалась. Во взгляде ее сквозил холод, в улыбке — пустота. Китти чувствовала, будто она снова потеряла Айви.

Она пыталась оставаться в стороне, но чувствовала, словно ее сердце расколосось надвое, а ночные кошмары, прекратившиеся после встречи с Аннабель, вернулись с удвоенной силой.

И однажды, часа в два ночи, бродя вокруг дома Аннабель, Китти постучала в дверь. Ей открыл приемный отец девочки в крайне возбужденном состоянии.

— Простите, что разбудила вас, мистер Крид, но мне нужно увидеть Аннабель. — Китти попыталась улыбнуться, чтобы смягчить исходящую от мужчины неприязнь.

— Это уже переходит все границы. Не понимаю подобного интереса к моей дочери от девочки намного старше ее. Но Аннабель неделю ходила в слезах. И я подозреваю, что это как-то связано с тобой.

— Пожалуйста, мне просто нужно с ней поговорить и все объяснить. — Китти почувствовала подступающие слезы и зло смахнула их.

— Уходи отсюда. И если я узнаю, что ты снова беспокоишь мою дочь, то позвоню в полицию. — Он вспыхнул от ярости, костяшки стиснутых пальцев побелели, из-под шелковой пижамы торчали тонкие лодыжки.

— Она не ваша дочь, — бросила Китти. — Вы ее украли. И она ненавидит вас за это.

И она зашагала прочь от дома, потом повернулась и взглянула на спальню Аннабель. У окна стояла юная девушка, настолько похожая на Айви, словно та сама вернулась к жизни.

Все следующие недели Китти отказывалась принимать происходящее. Она чувствовала, словно теряет разум. Прочитанные письма не давали ей покоя. Желание поквитаться с теми, кто был в ответе за смерть Айви, стало непреодолимым. У нее в мозгу часто возникали яркие сцены, преследуя днем и ночью; словно немое кино. Никаких слов, лишь образы того, как она мстит за жизнь Айви.

Визиты к матери в больницу, давно превратившиеся в ежедневную рутину, стали невыносимо мучительными. Теперь Китти боялась их с того самого момента, как утром открывала глаза. Запах смерти в коридорах, слабые улыбки медсестер, лежащая в кровати Хелена, раздувшаяся и беспомощная. Китти устала от ее сварливости, трубок, боли, бесконечно долгой смерти женщины, в конечном счете, ответственной за то, что ее бросили в обители Святой Маргарет.

Китти много раз заговаривала с ней об Эльвире. Но по кратким, сжатым ответам Хелены, по тому, как та отворачивалась и меняла тему, было ясно, что она ничуть не раскаивалась.

Китти устала быть обязанной женщине, которая о ней не заботилась.

Устала ждать, когда ее мать умрет.

Ей нужно стать свободной, чтобы сосредоточиться на главном.

Среда, 3 июля, 1968

Хелена Кэннон внезапно проснулась. В маленькой больничной палате было темно. Лишь слабый свет прикроватной лампы освещал влажную от пота подушку. Июль выдался необычайно жарким, и, хоть солнце недавно село, в комнате царил духота. Обильная влажность, скопившаяся за день, все еще висела в воздухе. Было тихо, лишь снизу, из родильного отделения, доносился слабый детский плач.

Машина для диализа, похоже, давно закончила работать. Стрелки на циферблате замерли. В тусклом свете устройство походило на робота, смотрящего на Хелену пустыми глазами. В последнее время ночная медсестра стала очень небрежной: редко появлялась, когда заканчивалась процедура, чтобы избавить Хелену от трубок и отвезти обратно в палату. Ее ночная рубашка и простыни на кровати промокли от пота; во рту же, напротив, было сухо, как во время бури в пустыне.

Хелена повернула голову к окну, и ее накрыла волна тошноты. Несмотря на постоянные просьбы его открыть, рамы по-прежнему оставались плотно закрытыми. Хотя ее постоянно осматривали, втыкали в тело иглы, канюли [\[45\]](#) и катетеры [\[46\]](#), ее разум, похоже, не волновал ни одного из докторов, что вели бесконечные разговоры возле ее кровати. Понимая, что и другие здесь не меньше нее нуждаются в помощи, Хелена запаслась терпением. Но постоянно остро ощущала необходимость чувствовать, что ее слышат. Иначе она просто спятит.

Хелена страшилась ежедневных визитов в комнату диализа. Когда ее день за днем приковывали к трясущейся машине, она чувствовала, как вокруг нее смыкаются стены. Вскоре все четыре сдавят ее распухшие конечности, потолок ее гроба опустится, щелкнув, закроются задвижки.

Хелена взглянула на будильник на прикроватном столике, чтобы понять, сколько спала, но циферблат был повернут в сторону. Не дотянуться, пока она подключена к машине, как и до красной кнопки вызова, на которую она нетерпеливо поглядывала. Покрывшаяся мурашками кожа и возрастающая тошнота убеждали, что она проспала больше часа, положенного между проверками кровяного давления. Либо же она слишком вымоталась, чтобы вырваться из дурмана все более мучительных снов. Ей снился Джордж, настолько реальный, что она могла коснуться его, ощутить его запах. И их прежняя жизнь: свободная от боли, больничных свиданий и бесконечных уколов, когда они были влюблены и безумно счастливы. Сны были настолько яркими, что, просыпаясь, Хелена чувствовала, будто бы снова его потеряла.

Лежа в кровати в отделении, пытаясь изгнать из утомленного сознания нахлынувшую тоску, она с болезненной ревностью наблюдала за чужими мужьями. Они появлялись, чтобы забрать поправившихся жен и уходили прочь, счастливые уже оттого, что единственный визит в больницу остался позади, и в мире вновь царил порядок.

Ей хотелось прокричать им: «Это нам с Джорджем следовало уйти. Мы должны были состариться вместе».

Он умер больше семи лет назад, но окружающие были не правы: легче не становилось. Прошедшее время означало лишь то, что друзья больше не спрашивали о Джордже,

перестали упоминать о нем, из страха снова вызвать у нее слезы. Она знала, все ждут, что она будет двигаться дальше. Но куда? Время ее не исцелило, а печаль лишь медленно превратилась в ярость, живущую внутри подобно невзорвавшейся бомбе.

Хелена осмотрела комнату, отыскивая то, что могло бы помочь ей дотянуться до кнопки вызова. Взгляд упал на стоявший на тумбочке вентилятор. Его принесла Китти, чтобы охлаждать ее во время долгих сеансов диализа. Прошло всего несколько часов, но она отчаянно скучала по дочери. Если бы Китти была здесь, она бы отправилась кого-нибудь искать, раскритиковала бы медсестер и удостоверилась, что ее мать в целости и сохранности вернули обратно в отделение.

Лежа в тускло освещенной комнате, Хелена думала о Китти. В последнее время та была подавлена и постоянно спрашивала об Эльвире. Хелена настолько устала от этой темы, что при одном упоминании о девочке ей становилось плохо. Она приложила невероятные усилия, чтобы простить Джорджа, и позволить принести домой из обители Святой Маргарет даже одну из близняшек. Решение о том, кого из двоих взять, на тот момент было очевидным: у Эльвиры наблюдались проблемы с дыханием. Сам Отец Бенджамин сказал, что ей нужен специальный уход. Джордж не смог бы его обеспечить. Ему хватало забот и с одним ребенком.

— Ты когда-нибудь думала об Эльвире, пока я росла? — спросила Китти этим утром; взгляд ее застыл, как и всегда при упоминании о сестре. — Просто хочу знать, беспокоилась ли ты вообще о ней.

Комната закружилась, Хелена сглотнула поднимающуюся к горлу тошноту. В тот момент ей просто хотелось, чтобы Китти ушла. Но сейчас, когда девушки не было рядом, Хелена отчаянно желала ее вернуть.

— Медсестра, — прохрипела она.

Ей почти не давали пить, пытаясь прекратить дальнейшее накопление жидкости в ногах и легких. Разрешенные дозы воды постоянно урезались, и во рту у Хелены было так сухо, что она едва могла говорить. Однако, толку от этого практически не было. Несмотря на то, что порой она даже дышала с трудом, ноги ее продолжали распухать. Теперь они почти не двигались и выглядели какими-то чужеродными. Кожа на них истончилась и стала настолько чувствительной, что, казалось, могла разорваться от легчайшего нажатия.

Тишина звоном отдавалась в ушах. Малейшее движение вызывало сильнейший приступ тошноты. Вскоре ее начнет рвать, она не сможет остановиться, и уровень обезвоживания станет критически низким. «Спокойно, кто-нибудь скоро придет». Ее мучила жажда, очень сильная. Последнее, что она пила — маленькую чашку воды за завтраком, и после сильно потела. Теперь кожа ее зудела так, будто по ней ползали насекомые, проникая до самых костей. Но, несмотря на мучительные ощущения, дотянуться до них не было никакой возможности.

Внезапно, без какого-либо предупреждения, рот Хелены наполнился жидкостью, и ее начало рвать. Она всхлипнула, масса потекла вниз по груди, горло обожгло кислотой.

С трудом подняв руку, чтобы вытереть рот, Хелена молилась, чтобы в коридоре раздались чьи-либо шаги. Но все было тихо; лишь сердце колотилось в груди. Она посмотрела на засевшую в руке толстую иголку. Самой ее не вытащить. Хелена оказалась в ловушке.

Борясь со второй волной тошноты, она снова услышала снизу, из родильного отделения, слабый детский плач. Она часто слышала, как дети плакали по ночам. Иногда сквозь пол

проникали стоны рожениц, с течением времени становясь все громче. Потом, наконец, наступала тишина, вскоре сменявшаяся криком новорожденного.

Для большинства это был сладчайший из звуков, но для Хелены — словно скрежет ногтей по классной доске. Невольное напоминание о сотнях девушек с пепельными лицами, стучащихся в дверь кабинета Матушки Карлин. Молча наблюдавшие, как ручка в ее руке скользит по тексту договора, окончательно решавшего судьбы их детей. А потом ей приходилось произносить заученную речь о том, что все делается к лучшему. Самые чувствительные подписывали сразу. Другие боролись дольше. Но, в конце концов, благодаря силе убеждения Матушки Карлин, соглашались все.

Хелена даже представить не могла, насколько было бы мучительно отказаться от ребенка. Она достаточно остро переживала уже то, что не могла сама выносить дитя. А девушки продолжали приходить, все более юные, бледные и хрупкие. Хелена много раз пыталась остановиться, поручить это дело кому-то другому, но Отец Бенджамин настаивал на ее участии. Он говорил, что у нее к девушкам особый подход, что ей они верили. Она же была молодым юристом-стажером в мире мужчин, и не хотела вылететь со своей первой работы.

Внезапно Хелена услышала, как в замке повернулся ключ. Она понятия не имела, почему заперли дверь. Возможно, про нее просто забыли, а сейчас пришла уборщица. Не важно, почему ее бросили; самое главное, что нашли. Когда дверь, скрипнув, открылась, и свет из коридора осветил комнату, Хелена почувствовала волну огромного облегчения. Поскольку кровать стояла к двери изголовьем, она не видела вошедшего, лишь слышала шаги.

— Эй! — прохрипела она, засохшая рвота разъедала краешки губ.

Ей не ответили. Хелена слышала, как стучат по полу ботинки, ждала, что кто-то появится возле кровати и позаботится о ней.

— Эй! — Она повысила голос, но могла лишь шептать. — Пожалуйста, ответьте. Ради Бога, помогите мне.

И опять тишина в ответ. Вошедший замер неподвижно где-то позади.

— Что вы делаете? — умоляла Хелена. — Я не могу двигаться. Пожалуйста, помогите.

Она повернула голову, отчаянно пытаясь рассмотреть, кто еще находился в комнате, и почувствовала на шее теплое дыхание. Чья-то рука протянулась к прикроватной лампе и выключила ее. Комната сразу же погрузилась во тьму.

Внезапно Хелена почувствовала, как дернулась воткнутая в нее иголка, и по руке поползла острая боль. От неожиданности она резко выдохнула, с трудом приподняла другую руку, пытаясь понять, что же случилось. На глаза навернулись слезы, когда пальцы нащупали сместившуюся в фистуле иглу. Крепившая ее лента оторвалась.

В панике ощупывая руку неуклюжими, раздувшимися пальцами, Хелена изо всех сил пыталась затолкать иголку обратно. Но лишь выдвинула ее еще дальше. И беззвучно закричала в агонии, обдирая покрытую синяками кожу. По полу зашуршали ботинки, быстро распахнулась и вновь закрылась дверь. Хелена почувствовала, как по руке и распухшим пальцам заструилась жидкость, образуя под ладонью лужицу.

Кровь. Так много крови. Хелена изо всех сил зажала отверстие, где находилась фистула, но понимала, что та встроена прямым в артерию, и кровотечение не остановить.

Крови становилось все больше. Теперь она сочилась по краю кровати и капала на пол. Хелена начала всхлипывать, умоляя хоть кого-нибудь помочь, но понимала, что ее слабый

голос никогда не услышат в конце длинного коридора. Растерянная, почти лишившаяся сил, она потянулась к кнопке вызова, но рука казалась очень тяжелой и едва слушалась. В отчаянии она толкнула прикроватную лампу, надеясь, что та, ударившись об пол, поднимет шум. Но лампа лишь свалилась на бок, катаясь туда-сюда на круглом основании. Теперь до нее было не дотянуться. Волнами поднималась тошнота. Хелену снова вырвало, на этот раз на край кровати, куда она сползла, неспособная дольше сдерживаться.

Уходили секунды. Вскоре комната начала кружиться. Перед мысленным взором Хелены возник Джордж. Вечер их первого свидания, ее желтое платье, танцы на пляже под звездами, расслабленность и нега в мягком свете летнего солнца. Она все еще чувствовала соленый морской воздух.

Хелена попыталась скатиться на пол, зная, что падение с кровати может ее убить, но надеясь, что вызванный шум привлечет чье-нибудь внимание. Но распухшие ноги были слишком тяжелыми. Всхлипывая и молясь, она старалась изо всех сил. Но вскоре у нее закружилась голова, и сил продолжать уже не осталось. Комната начала бесконтрольно вращаться, вновь и вновь, круг за кругом, и у Хелены возникло ощущение, что это никогда не кончится.

— Помоги мне, Джордж, — плакала она, цепляясь за промокшие простыни, молясь, чтобы там, с другой стороны, он ждал ее.

Острая боль начала подниматься по одному ее боку: по ноге, по руке, затем по лицу. Наползающий паралич. И больше она не могла двигаться.

И тогда Хелена закрыла глаза и слабо застонала, ожидая конца. Снова и снова она молила Господа о прощении.

Пожалуйста, Боже, прости меня.

Прости мне мои грехи.

Понедельник, 6 февраля 2017

Вдоль украшенных граффити стен коридора, мимо дверей, из-за которых доносились крики детей и звук орущего телевизора, Китти медленно направлялась к жилищу Аннабель Розы. Наконец, она добралась до квартиры 117 и, оглядевшись по сторонам, нажала на кнопку звонка.

Ответа не последовало. Китти сразу почувствовала приступ раздражения. Вздохнула, одернула пальто. Она обещала себе не нервничать. Прежде ей нужно услышать о происходящем из уст Аннабель. Сказывался недостаток сна, да и утро выдалось непростым. Нужно успокоиться. Китти вновь коснулась пальцем звонка. На этот раз изнутри послышалось движение.

— Минутку, — произнес знакомый голос.

Китти ждала, стиснув перед собой руки.

Дверь открыла улыбающаяся Аннабель. Но почти сразу в ее глазах мелькнуло узнавание, и выражение лица изменилось. Китти терпеливо ждала фальшивых любезностей, готовая в любой момент поставить ногу на порог, если Аннабель попытается захлопнуть дверь.

— Бог мой, Китти, я не знала... Ну, я не ждала твоего прихода, — проговорила Аннабель, медленно стирая фартуком с рук нечто, напоминавшее муку. Краска бросилась ей в лицо. — Столько времени прошло.

«Она выглядит просто ужасно», — подумала Китти.

Кожа Аннабель побледнела, а огромная одежда обтягивала жир, выступающий из каждой складки. Она выглядела лет на десять старше Китти, хотя на самом деле была на шесть младше. С их последней встречи, почти пятьдесят лет назад, Аннабель, похоже, поправилась на сорок фунтов. Скрепленные сзади сальные волосы открывали круглое, морщинистое лицо. Она стояла неуклюже, словно бедро или нога причиняли ей боль. Китти смотрела на Аннабель, и ярость вскипала в ней при мысли о ленивой, бесплодной жизни этой женщины. Почему Аннабель так мало заботило то, что случилось с ее собственной матерью? Почему Китти приходилось все исправлять? Она чувствовала, как пульсирует в ней гнев, готовый вырваться наружу.

— Может, пригласишь меня войти?

Аннабель выглянула в коридор, затем опустила взгляд на ногу Китти, застывшую в дверном проеме. Китти ждала, скрестив руки. Ее ярость усиливалась, сдавливая грудь. Ее всегда злила смущенная нерешительность Аннабель. Китти захотелось ее треснуть. Она подозревала, что Аннабель не обрадуется при виде нее. Однако внутри все еще тлело крошечное пламя надежды, что, несмотря на все случившееся, в сердце той еще жила любовь. И после разделенных на двоих секретов и всего, что Китти для нее сделала, их дружба может победить. Очевидно, что нет.

В коридоре раздались чьи-то голоса. Аннабель все еще продолжала колебаться, и Китти, шагнув вперед, застыла на пороге.

— Бога ради, Аннабель, дай мне войти, — прошипела она.

И женщина отступила назад, поморщившись от боли в бедре. Китти прошагала мимо, и характерный запах «Шанель № 5» окутал Аннабель, заставив закашляться. Она закрыла

глаза, молясь, чтобы не появилась Эмма. Прохромав мимо комнаты девочки, она тихо закрыла дверь, руки ее отчетливо дрожали.

Добравшись до гостиной, Китти замерла и осмотрелась. На лице ее появилось презрение. Телевизор был включен, и ведущие дневных программ с привычно льстивым видом мелькали на экране. Работал газовый камин, но комната оставалась холодной. Газеты, одеяла и детские игрушки усеивали пол. Аннабель, лихорадочно размышляя, застыла позади, в дверном проеме. Ей было не до фальшивых любезностей. Нужно выставить Китти прежде, чем проснется Эмма.

— Чем могу помочь, Китти? — спросила она, переступая с одной ноги на другую. Бедро болезненно пульсировало.

Аннабель взглянула на часы на каминной полке. Сэм звонила в шесть и сказала, что будет дома к одиннадцати; сейчас уже миновал полдень. Конечно, она не задержится надолго. Чудом было то, что Эмма вздремнула; подобное редко случалось. Но девочка болела и плохо спала ночью. «Спи, мой ангел, прошу тебя, спи».

— Вижу, ты достигла предела своих возможностей, — проговорила Китти, оглядывая ворох газетных вырезок и фотографий.

— Это дом, и я его люблю, — возразила Аннабель. — Чего ты хочешь, Китти? — Голос ее слегка дрожал, но, Китти, обернувшись, наткнулась на ее твердый взгляд.

Китти качнула головой и скрестила руки.

— Зачем ты рассказала обо мне своей внучке?

— Я не говорила, — произнесла Аннабель, зацепившись взглядом за телефон возле кресла-качалки. — Ни слова ей об этом не сказала. Она нашла письма Айви.

— Потому что ты бросила их на видном месте. — Китти подошла ближе. — Ты виделась с Мод?

— Нет. Я просто стала жить дальше. И тебе бы следовало. — Аннабель облокотилась на спинку стоящего рядом стула.

— Не могу позволить себе подобную роскошь. Кому-то из нас следовало этим заняться. А ты меня бросила.

— Нет, Китти. Мы были детьми, и росли порознь.

— Ты повернулась ко мне спиной в самый важный момент. Обитель Святой Маргарет завтра снесут. Если бы не я, им всем удалось бы выйти сухими из воды.

— Что это значит, Китти?

— Ты всегда была трусихой. Они убили твою мать и мою сестру. Разве они заслужили спокойную смерть в теплых кроватях?

Аннабель охватил страх.

— Китти, прошу тебя. С минуты на минуту вернется Сэм. И мы вместе сможем об этом поговорить. Ты права, я трусиха. Всегда слишком боялась. Но теперь, когда ты здесь, мы можем ей все рассказать. Мы тебе поможем.

— Ты обо мне не беспокоилась. Бросила меня, как и все. А я заботилась о тебе, любила тебя.

— Я тоже тебя любила, Китти. Но ты все усложнила. Мне не хотелось прожить в ненависти всю жизнь.

Аннабель обошла вокруг стула и села на него. Она чувствовала, как тяжело ей теперь давался каждый вдох. Она взглянула на Китти полными слез глазами.

— Мне плохо, Китти. Слабое сердце.

— Потому что ты сама слабая.

Позади Китти в дверях появилась Эмма, и комната начала кружиться. Аннабель почувствовала боль в руке.

— Не делай ей больно, Китти. Пожалуйста, не надо.

— А-а, так теперь это тебя волнует. — Китти подошла к ней.

Аннабель обмякла на стуле, краска полностью сползла с ее щек. Эмма метнулась к ней, чтобы обнять.

— Бабушка просто устала, — Китти улыбнулась малышке. — Давай прогуляемся и дадим ей поспать? Можем поиграть в прятки. Тебе они нравятся?

Эмма кивнула. Китти взяла ее за руку, и они вышли из квартиры, закрыв за собой дверь.

Понедельник, 6 февраля 2017

Остановив машину возле обители Святой Маргарет, Эльвира Кэннон выключила зажигание и обернулась к сидящей сзади малышке.

— Хочешь увидеть, где родилась бабушка? — поинтересовалась она.

Эмма вытащила изо рта леденец и кивнула. Эльвира вылезла из машины и открыла девочке дверь. Потом подошла к багажнику и достала канистру и фонарь. Закрыв машину, она взяла девочку за руку.

Когда они пролезли через дыру в изгороди, было два часа, и дневной свет уже начал угасать. Эльвира заметила, что возле дома болтают двое мужчин.

— Поиграем в прятки? — предложила она шедшей сбоку малышке.

Эмма кивнула, глядя на нее большими голубыми глазами. Волосы у нее были рыжеватыми, не такими яркими, как у Айви и Сэм. Айви ушла, и свет ее угас. Вскоре о ней совсем забудут. Как и обо всех.

— Я буду считать до десяти, а ты спрячься за одним из тех больших камней, — прошептала Эльвира, глядя на мужчин, полностью поглощенных беседой. — Один, два, три...

Малышка, хихикая, бросилась бежать к самому большому надгробию. Эльвира же, держа канистру, искала ведущий в дом люк. Наконец она его нашла и, поставив рядом тяжелую ношу, расчистила подлесок. Вытащила ключ из кармана и вставила в замок. Поначалу он не поддавался, забитый землей и строительным мусором, который приходилось вытаскивать. Наконец, щелкнув, ключ повернулся. И Эльвира потянула вверх дверь ловушки, что десятилетиями оставалась закрытой. Шедший из туннеля запах заставил ее отвернуться. Подняв голову, она увидела Эмму. Девочка, высунув из-за надгробия голову, махала рукой, чтобы привлечь ее внимание.

От этого образа кровь застыла в жилах. Тот же морозный зимний день, угасающий свет, как и в пятьдесят девятом, когда она впервые увидела Китти.

Прошло шестьдесят лет, но этот миг все еще был жив в памяти. Она чувствовала то же отчаяние и одиночество. И ничто из содеянного ею не в силах было этого изменить.

Воскресенье, 15 февраля 1959

Сжавшись за могильным камнем на кладбище престонской церкви, Эльвира Кэннон высматривала девочку в красном шерстяном пальто с лицом, как две капли воды похожим на ее собственное.

Она знала, что времени мало: вскоре девочка снова пойдет на автобус и тогда шанс будет упущен. Она весь день прождала в снегу, а до этого две ночи пряталась в сарае. Эльвира понимала, что больше не выдержит. Она не чувствовала рук и ног, а желудок, смирившись с отсутствием пищи, уже перестал молить о еде.

Зимний холод проник в каждую клеточку тела, вызывая дрожь. Дождавшись, когда девочка посмотрит в ее направлении, Эльвира высунула голову из-за надгробия и махнула ей рукой.

Потом, не в силах успокоить сбившееся дыхание, в ужасе от того, что ее мог увидеть кто-то помимо сестры-близнеца, метнулась обратно в укрытие. Поначалу она даже не была уверена, что ее заметили. Затем в тишину ворвался хруст снега. Шаги все приближались и, в конце концов, замерли рядом.

Инстинктивно Эльвира вцепилась в девочку. И, потянув за собой, помчалась со всех ног. За церковь, через поле, к стоящему на землях обители Святой Маргарет сараю.

Они остановились, лишь очутившись внутри, в безопасности. Все еще держась за руки, тяжело дыша, уставились друг на друга.

— Кто ты? — поинтересовалась Китти. И мягко улыбнулась, словно бы уже знала ответ.

— Эльвира, твоя сестра-близнец, — ответила Эльвира, тоже улыбаясь, хотя все ее тело болело.

— Не понимаю, — пробормотала Китти. — Как такое может быть?

— Мы родились в обители Святой Маргарет. Тебя отец забрал домой, а меня удочерили, но потом отослали обратно. У тебя есть что-нибудь съедобное? — спросила Эльвира.

Китти сунула руку в карман красного пальто и вытащила блестящее зеленое яблоко. Его она приберегла на обратную дорогу.

— Вот.

— Спасибо, — поблагодарила Эльвира, и глаза ее засветились, словно перед ней поставили полный стол еды. Она схватила яблоко и, усевшись на пол, жадно вгрызлась в сочную мякоть.

Китти посмотрела на грязное, дрожащее тело сестры, одетое в коричневую робу. Ноги в сандалиях с открытыми пальцами побелели от холода, а руки выглядели так, словно кровь внутри них превратилась в лед.

Китти сняла пальто.

— Вот, надень.

Эльвира покончила с яблоком и взяла пальто, сунув руки в рукава и застегивая пуговицы.

— Красивое, — проговорила она.

Сразу же ощутив отсутствие пальто, Китти обхватила себя руками. Через трещину в стене сарая она выглянула наружу. Свет дня угасал; скоро стемнеет. Впервые с момента

встречи она начала нервничать. Возможно, автобус уже уехал. И значит, она застряла в деревне на ночь. Она не оставила отцу даже записки. Просто не видела смысла. Думала, что окажется дома прежде, чем он вернется из больницы.

— Отец знает о тебе? — спросила она, усевшись рядом с Эльвирой и начиная слегка дрожать от холода.

— Не знаю.

— Нужно идти домой, — Китти встала и взяла сестру за руку, — почти стемнело.

— Я не могу отсюда выйти. Меня убьют. — Эльвира выдернула руку из ладони Китти и отступила назад, словно та собиралась тащить ее против воли.

— Убьют? Что ты имеешь в виду? — Китти смотрела на сестру, о существовании которой даже не подозревала, и не имела представления, что делать дальше. Она не понимала, что происходит; чувствовала страх и потрясение. — Знаю. Я пойду за отцом. Мы за тобой вернемся, — пообещала она, отступая к двери, через которую они вошли.

— Нет! Пожалуйста, не бросай меня, — умоляла Эльвира.

— Нужно идти сейчас, пока еще не поздно. Отец будет беспокоиться, — уговаривала Китти. — Все будет хорошо. Он тебе поможет.

Эльвира встала на колени и схватила руку Китти.

— Ты не вернешься. С тобой случится что-нибудь плохое.

— Ничего плохого со мной не случится. — Голос Китти дрогнул.

— Случится. Потому что я плохая. — Заплакав, Эльвира осела на пол. Китти опустилась рядом и обняла ее.

Лишь спустя час или два Эльвира позволила Китти уйти. Она слишком ослабела и больше не могла сопротивляться. Но прежде взяла с сестры обещание. Если Китти, вернувшись с отцом, не найдет Эльвиру здесь, то воспользуется ключом, открывающим доступ к туннелям на кладбище обители Святой Маргарет, и все равно ее отыщет.

— И не кричи. Обещай, что не будешь кричать.

— Обещаю, — заверила Китти. Когда Эльвира взяла ее за руки, она уже не чувствовала рук от холода.

Эльвира ждала возвращения Китти всю ночь. А потом, поняв, что что-то пошло не так, осмелилась покинуть безопасность сарая, выскользнув в рассвет в красном пальто сестры.

Она еще помнила струящийся по венам страх, адреналин горячил кровь. Она бежала так быстро, как только позволяли замерзшие ноги. Стремясь к церкви — ведь именно туда направилась Китти, чтобы поймать автобус и поехать домой за помощью. Эльвира понимала, что с сестрой что-то случилось. Если бы Китти добралась до дома, то уже бы вернулась.

Эльвира отчетливо помнила момент, когда его заметила. На замерзшей земле одиноко лежал черный ботинок Китти. Она стояла, глядя на него и страшась, что сестра упала и лежит где-то раненая, неспособная двигаться. Эльвира в отчаянии осмотрелась, высматривая какие-либо следы Китти. И когда бросила взгляд на обитель Святой Маргарет, то в свете восходящего солнца увидела второй ботинок. И все поняла.

До того момента подобное ей и в голову не приходило. Но с тех пор, как сестра ушла, Эльвиру никто не звал. Ее не искали в сарае. Они просто решили, что уже нашли. Наткнувшись ночью на сбившуюся с пути Китти, бредущую в направлении обители Святой Маргарет, подумали, что перед ними Эльвира. сестра заблудилась и отчаянно молила о помощи. И на ее крик откликнулись.

Стоя в лучах утреннего солнца, Эльвира смотрела на обитель Святой Маргарет и ее трясло. Если она сейчас направится туда, отец Бенджамин и матушка Карлин поймут свою ошибку и убьют ее, чтобы заставить молчать. Она должна поступить так, как хотела Китти. Это их единственная надежда. Найти отца и вернуться с ним, чтобы спасти сестру.

Ноги Эльвиры онемели и потрескались от холода. Она натянула ботинки Китти и побежала. Пытаясь добраться до церкви, несколько раз поскользнулась на обледеневшей земле. Последнее, что она помнила — видневшийся в тумане крест на церковной крыше. Всего лишь в двадцати футах; почти рядом. Она добралась.

А потом она упала.

Два дня спустя Эльвира очнулась в больнице. Рядом на стуле, держа ее за руку, спал отец, которого она никогда не встречала.

Понедельник, 6 февраля 2017

На парковке «Уайтхоук Эстейт» Сэм остановила машину рядом со «скорой», задние дверцы которой были открыты. На носилках лежала бабушка, рот ее закрывала маска.

— Господи! Бабушка! — Когда старушку поднимали в машину, Сэм бросилась, чтобы взять ее за руку. — Что случилось? Она поправится?

— Небольшой сердечный приступ. Ей нужна операция. Это вы вызвали полицию? — спросил парамедик, прикрепляя бабушку к монитору внутри «скорой».

— Я ее внучка. Где девочка, которая с ней была? Осталась в квартире? — спросила Сэм, пытаюсь не паниковать.

— Я не знаю. Поднимайтесь сюда, нам нужно ехать. Если не поедете с нами, тогда прошу вас отойти.

Сэм прыгнула со «скорой» и помчалась к зданию; вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. По коридору к квартире, которую так хорошо знала. В дверях стоял полицейский.

— Эмма! — воскликнула Сэм, проносясь мимо него.

— Минуточку, мисс! — проговорил мужчина, и двое полицейских в гостиной, обернувшись, взглянули на нее.

— Где она? Эмма! — закричала Сэм, мечась из комнаты в комнату. — Где моя дочь?

— Мисс, вам нужно успокоиться. — К ней подошла женщина-полицейский. — Кто вы?

— Внучка женщины, которая здесь живет. Сегодня утром она присматривала за моей дочерью. Когда у бабушки случился сердечный приступ, девочка должна была быть с ней. Где она? — Сэм снова бросилась в спальню, заглядывая под кровать. — Эмма?

— Понятно. Сколько лет вашей дочери? — спросила женщина.

— Четыре года. Боже, пусть она будет у Бена. Пожалуйста, Господи, пожалуйста, — бормотала Сэм, вытаскивая из сумочки телефон и набирая номер. Пока шли гудки, она ходила взад-вперед. — Бен, это я. Прошу, срочно перезвони. Мне нужно знать, с тобой ли Эмма. У бабушки случился сердечный приступ. А Эммы нет в квартире. Позвони мне.

— Может, она у соседки? У кого-нибудь из знакомых? — предположила женщина-полицейский, глядя на нервно шагающую Сэм.

— Нет, не думаю. Боже, — прошептала Сэм, когда телефон в кармане зазвонил. Вытащив его, она поспешно ответила. — Бен?

— Сэм, это Фред. Я у обители Святой Маргарет. Здесь Китти. И, похоже, с ней Эмма. Они только что влезли в какой-то люк на кладбище. Я пойду за ними.

Понедельник, 6 февраля 2017

Фред убрал телефон и включил фонарь. Со всей возможной осторожностью приподнял люк, сунув пальцы под тяжелую пластину из кованного железа, и несколько раз дернул ее вверх. Наконец она упала на покрывающий землю кладбища подлесок. Мужчина оказался на вершине лестницы, каменные ступени которой исчезали внизу, в темноте. Он подождал, чутко прислушиваясь, ловя любые признаки жизни помимо собственного панического дыхания. Где-то журчал ручей, капала вода. Больше ничего. Он наклонился вперед, пытаясь понять, как далеко вниз ведут ступени. И тут же отшатнулся, когда в нос ударил тошнотворно резкий гнилой запах.

Когда Фред узнал проезжавшую мимо дома доктора Джейкобсона Китти Кэннон, на некотором отдалении последовал за ее машиной. И приехал на стройку. В угасающем свете зимнего дня, остановившись на главной дороге, он наблюдал, как ее автомобиль, свернув на ухабистую тропинку, медленно движется вдоль обители Святой Маргарет. Не выключая двигатель, ждал, когда Китти остановится. А потом поехал следом и припарковался чуть позади.

Выйдя в холодную, быстро сгущающуюся тьму, Фред заметил неподалеку от машины Китти дыру в изгороди. Поначалу рабочих он не увидел, но приблизившись к дому, услышал, как хлопнула дверца автомобиля, и замер на месте.

— Пока, Энди. Завтра последний день. Увидимся на рассвете, — произнес мужской голос.

— Пока, Стэн, — ответил второй, и послышались шаги в направлении дома.

Взревел мотор машины, захрустел гравий. Потом воцарилась тишина. Пригнувшись, Фред наблюдал, как оставшийся мужчина, пройдя мимо дома, направился к фургону в дальнем углу площадки. Завтра последний день. Он легко мог представить, как вокруг соберется толпа, а висящий шар ударит в дом. Как внешние стены, наконец, рухнут, а люди в знак поздравления будут хлопать друг друга по спине. Приготовления были налицо: для сноса все готово.

Немного помедлив, чтобы успокоить дыхание, Фред взглянул на дом. В сумерках черты его угадывались с трудом, но было в нем нечто трагическое. Укрытый плющом викторианский особняк мог бы стать прекрасным, полным счастья домом. Но он, окруженный множеством машин, готовых стереть его с лица земли, казалось, размышлял о своей жалкой жизни. Заостренные башенки на крыше придавали его силуэту резкость и суровость. Фреду он показался похожим на гигантское существо, даже в последние минуты неспособное прекратить борьбу. Словно пронзенный копьем, умирающий на арене бык.

В отдалении залаяла собака, и Фред, обернувшись, увидел вспышку света в сердце кладбища. Он пролез сквозь дыру в изгороди возле припаркованной машины Китти и направился туда. Он заметил женщину на краю кладбища и понял, что она не одна. Китти держала за руку девочку, слишком маленькую, чтобы заметить ее прежде. Женщина начала спускаться по лестнице, а малышка замерла у входа. Фред видел, как Китти тянет ее за руку. Когда он приблизился, то услышал детский крик. И только тогда впервые внимательно рассмотрел девочку. За мгновение до того, как обе они исчезли внизу, мужчина с ужасом

понял, что перед ним Эмма, дочь Сэм.

Теперь же, спустившись на первую ступеньку, он осветил фонарем покрывающую ее зеленую слизь. И прежде чем двинуться дальше нащупал сырую каменную стену. Время от времени он замирал и прислушивался, надеясь уловить признаки жизни. И, наконец, спустившись в самый низ, очутился в тоннеле высотой в человеческий рост. Возле его ног, отвратительно воняя, оказалась лужа застоявшейся воды.

Хотя Фред оставил люк открытым, запах был невыносимым. Вытащив из кармана носовой платок, он прижал его ко рту. Шагая вдоль темного влажного тоннеля, в другой руке держал фонарь, освещая себе путь. Единственным его спутником было собственное сбившееся дыхание.

Каждые несколько шагов он останавливался и оглядывался назад, боясь, что кто-то может подойти к люку и захлопнуть его. Темнота ослепляла, но запотевшие очки еще больше сбивали Фреда с толку, и его дыхание в сделанной наспех маске все учащалось. Начинала кружиться голова. Не имея понятия, куда направляется, он потянулся, чтобы коснуться стен туннеля. Мужчина мог ориентироваться только на них, хотя и чувствовал, будто они смыкаются вокруг.

— Мать твою, — пробормотал он, наклоняясь и кашляя от испарений.

Помедлив, чтобы выровнять дыхание, Фред услышал детский крик, следом раздался громкий стук, словно захлопнулась тяжелая дверь. Резкий звук заставил его подпрыгнуть. Расстояние оценить было сложно, но шумели явно в противоположном от люка направлении. И, похоже, не дальше, чем футах в десяти.

— Куда это вы собрались? — прошептал Фред в темноту, обращаясь к Китти.

Перед мысленным взором вспыхнуло лицо Сэм, и он ускорил шаг, направляясь туда, где кричала девочка. Застоявшаяся вода проникала в замшевые ботинки.

Наконец, Фред достиг цели. Тоннель заканчивался кирпичной стеной, посреди которой находилась деревянная дверь в стальной раме. Когда он нащупал ручку и повернул ее, разум его начал мутнеть. Дверь медленно, со скрипом открылась, и на Фреда обрушилась стена дыма.

Понедельник, 6 февраля 2017

Сэм бежала через кладбище, лихорадочно выискивая люк. В ушах звенели крики полицейского, который пытался ее остановить. В обитель Святой Маргарет они приехали на полицейской машине с мигалкой и воющей всю дорогу сиреной. Но ворота оказались заперты. И Сэм, распахнув дверцу машины, бросилась бежать вдоль изгороди в поисках дыры в заборе.

Когда она, наконец, обнаружила на кладбище открытый люк, по земле стелился дым.

— Боже, вызовите пожарных! — попросила она полицейского, приложила ко рту шарф и начала спускаться по скользким ступеням.

— Стойте, не ходите туда! — прокричал полицейский, когда она исчезла во тьме.

Кашляя сквозь толстую ткань шарфа, Сэм влетела в лужу застоявшейся воды. Тоннель напоминал ад на земле: темный и сырой, несмотря на вздымавшийся вокруг дым. Она отодвинула от лица шарф.

— Фред, где ты? — заорала она как можно громче.

— Сэм! — донесся голос из темноты.

Бросившись к нему, Сэм представила в тоннеле Эмму, одинокую и испуганную.

— Фред! — снова позвала она, пробираясь сквозь плотный дым. — Эмма!

Внезапно в поле зрения возник кашляющий Фред. Похоже, его тошнило. Сэм бросилась к нему.

— Где Эмма?

— Она с Китти. Они прошли через дверь в конце тоннеля. Но сейчас там не пробраться. Дверь загорелась, — пояснил мужчина.

Сэм пыталась держаться, но плотная стена черного дыма, заполняющего все пространство, разъедала глаза и горло, мешала видеть.

— Мы не можем ее бросить, — в отчаянии пробормотала девушка. — Возможно, она оказалась в ловушке по ту сторону двери.

— Мы найдем другой путь. Нужно возвращаться.

Задержав дыхание, Сэм повернула назад, на ощупь пробираясь сквозь заполненный дымом тоннель, а добравшись до люка, жадно глотнула холодный воздух. Помогая друг другу, они с Фредом поднялись по ступенькам. И, дружно согнувшись пополам, закашлялись, избавляя легкие от дыма. А затем, пошатываясь, бросились через кладбище к дому.

— Как Эмма оказалась у Китти? — спросил по пути Фред.

— Это не Китти, а ее сестра-близнец Эльвира. Она знает бабушку, они ходили в одну школу. Должно быть, они были вместе, когда у бабушки случился сердечный приступ. Тоннель ведет к дому. Я должна попасть внутрь. — Сэм споткнулась, отчаянно стремясь добраться до дочери.

Как только дом показался в поле зрения, оба застыли на месте.

Весь первый этаж горел. Из входной двери вырывался дым. Сэм бросилась вдоль фасада. В каждой комнате плясали языки пламени. Внезапно раздался громкий взрыв, и из разбитых окон выплеснулись искры и клубы дыма. Испустив животный крик, Сэм бросилась к

входной двери, чтобы попытаться пробиться внутрь.

Когда Фред поймал ее, подбежали две женщины в полицейской форме.

— Там моя дочь! — закричала Сэм. — Эмма!

— Не ходите туда, мисс. Очень скоро здесь будут пожарные, — сказала одна из женщин.

Сэм не обратила на них внимания и бросилась вдоль дома, отчаянно желая найти путь внутрь. Но жар не позволял приблизиться.

Внезапно Сэм вскрикнула, и Фред, поймав ее полный ужаса взгляд, поднял глаза. Сквозь клубы дыма виднелась стоявшая на краю крыши фигура женщины. Сэм снова метнулась к дому, но женщина-полицейский перехватила ее и потянула назад.

— Я не могу позволить вам войти туда, мисс.

— Мы не можем ждать пожарных! Там моя дочь!

Пока Сэм дергалась, пытаясь вырваться, возле горящего дома остановились еще две полицейские машины с ревушими сиренами.

Фред взглянул на стоящую на крыше Китти, потом перевел взгляд на свою машину, припаркованную меньше, чем в ста метрах отсюда. Решение пришло мгновенно. Он бросился к ней через дыру в изгороди и, открыв багажник, принялся рыться в вещах в поисках альпинистских ботинок и головного фонаря. Спустя несколько мгновений, надев их, Фред кинулся обратно к дому.

Добежав, взглянул вверх, оценивая структуру кирпичей, через которые чувствовался жар огня. На мгновение он заколебался. Сэм начала звать Эмму, и спустившуюся ночь пронзили сирены пожарных машин — где-то вдали, в нескольких милях. Фред снова поднял взгляд и отступил на пять шагов, планируя, как будет подниматься по потрескавшемуся раствору. Затем вздохнул и, бросившись к дому, оторвался от земли. Но как только он ухватился за подоконник первого этажа и начал подтягивать вверх ноги, на траве под ним возник полицейский.

— Эй! Спускайтесь оттуда! — Он подбежал к Фреду, хватая его за лодыжки.

Из окна, на котором тот висел, ударила волна жара, и он, зацепившись каблуком за подоконник, потянулся вверх. Огонь внутри яростно бушевал.

— Сейчас же спускайтесь на землю! — снова прокричал полицейский, когда Фред, подтянув ноги, ушел от захвата.

Вцепившись в подоконник, нащупал его край правой ногой, затем нашел другой — левой и осторожно встал. Когда под ногами оказалась твердая опора, Фред, крепко держась за обшивку, начал раскачиваться слева-направо и сверху-вниз. И, выбрав подходящий момент, метнулся вверх к подоконнику, располагавшемуся на следующем этаже по диагонали. На секунду зависнув в воздухе, когда ничто не удерживало его от падения с двадцатифутовой высоты, он ухватился за выступ, сжавшись, как только гравитация потянула его вниз. Цепляясь за стену, искал щели для ног, проникая в них как можно глубже. Затем на какое-то время завис неподвижно, держась за скользкий выступ холодными пальцами, и осмотрелся в поисках того, что могло бы помочь.

Зацепился ботинком за оконный выступ и подтянулся вверх. Он уже видел крышу, хотя оставалось пролезть еще два этажа. От выступа наверху его отделяли пара футов. Пригнувшись как можно ниже, Фред подпрыгнул дважды, а потом метнулся вверх и уцепился за него. Небольшая передышка перед очередным рывком.

Он взглянул вверх. В небо поднимался густой черный дым. Фред почти добрался.

Однако следующее окно оказалось маленьким, чердачным, и находилось слишком далеко. Заметив висящую на стене кованную железную лампу, потянулся к ней, толкнув правой ногой. Просто чтобы проверить, что та держится достаточно крепко и выдержит его вес. Лампа не подвела. И Фред, уцепившись за нее ногой, вытянул руки вверх, нащупывая в стене щели для пальцев.

Раздавшийся снизу звук подъехавших пожарных машин ободрил, и он, тяжело дыша, подтянулся вверх. На мгновение перенес весь свой вес на лампу, а потом методично, словно паук, двинулся по стене дома, используя в качестве опоры сколы в кирпичной кладке.

Когда сверху появилось чердачное окно, Фред подтянулся к нему, упершись ногой о скобу водостока, обегавшего дом по периметру. На мгновение замер, разглядывая пожарные машины внизу. Отсюда они напоминали деревянные игрушки. Вокруг них суетились мужчины, вытаскивая рукава, разворачивая к дому лестницы. Словно герои, которых Фред представлял ребенком в своем маленьком мире. Он больше не слышал ни Сэм, ни кого-то еще. Лишь порывы ветра хлестали по пламени внизу, раздувая его неодолимую ярость.

Пожарные направили воду на дом со всех сторон. Фред осторожно вскарабкался на черепицу, нависавшую над чердачным окном, затем, пригнувшись, осмотрел крышу. Китти стояла от него футов в десяти, повернувшись спиной. Позади нее, опустившись на крышу, плакала и звала маму Эмма. Китти не обращала на нее внимания. Наклонившись вперед, она рассматривала суету внизу.

— Все они здесь из-за тебя, — проговорила она, повернувшись к малышке, — потому что любят тебя.

Когда Китти снова отвернулась, Фред тихо пополз к ним по крыше, страшась, что одна из черепиц может соскользнуть и наделать шума. Он видел, как один из пожарных тянет вверх лестницу, закрывая брешь между крышей и землей.

— Отойдите от края, — раздалось снизу из громкоговорителя. — Для вас поднимут лестницу. Кто-нибудь из пожарной команды поможет вам спуститься.

Фред осмотрелся. На другой стороне чердачной крыши виднелась башенка, и он медленно вскарабкался к ней, не спуская взгляда с Эммы. Девочка, сжавшись в комок, плакала. Раздался скрежет подъемного механизма, и возле Китти показалась верхушка лестницы. Эмма закричала, и Китти, схватив ее за руку, толкнула в направлении Фреда. Ноги девочки зацепили плитку, которая, полетев вниз, ударилась о землю.

— Не подходите! — крикнула Китти пожарному, который поднимался по лестнице.

— Мамочка! — закричала Эмма.

— Прошу, позвольте помочь вам спуститься. Мы знаем, вы не хотите навредить ребенку, — проговорил пожарный, пытаясь выбраться на крышу.

— Не подходите, или я прыгну, — прокричала Китти, оттаскивая Эмму дальше от лестницы. Девочка отчаянно кричала.

Фред опустил на корточки, сердце его яростно колотилось, руки дрожали. Он пытался мыслить здраво, надеясь понять, каким должен быть следующий шаг. Внезапно его накрыла волна паники. Что если сделает только хуже? Он вел себя заносчиво, вскарабкался наверх, чтобы добраться до Эммы лишь по одной-единственной причине. Потому что любил Сэм. И теперь, находясь здесь, мог совершить фатальную ошибку и погубить ее дочь.

Густой дым по-прежнему плыл мимо. Фред слышал, как лопаются внизу стекла, чувствовал жар огня.

— Прошу, вам нужно пойти со мной. — Пожарный протянул руку. — Мы сейчас

спустим вас и ребенка. Дом не устойчив.

— Где вы пропадали, когда были ей нужны? — выкрикнула Китти, а малышка в панике заплакала.

— Кому? — спросил пожарный.

— Айви. Я видела, как она выпрыгнула из окна спальни. Я была в поле и, обернувшись, увидела ее. Она вытянула руки, как птица, и пыталась улететь. Я хотела быть с ней. И сейчас хочу.

— Мы позаботимся о вас и девочке. Мы хотим вам помочь. Но вас нужно спустить отсюда сейчас же. Просто позвольте мне подняться на крышу, и я смогу помочь.

— Нет, не подходите! — закричала Китти.

Фред в отчаянии смотрел на пространство между собой и Эммой. Китти крепко держала малышку за руку. Если он попытается схватить девочку, Китти может дернуть ее к себе и, потеряв равновесие, упасть вниз в объятия смерти, потянув за собой и Эмму. Он видел, как с обратной стороны дома пожарные пытались подвезти еще одну лестницу, но отступили из-за жара.

— Прошу, просто дайте мне руку. Я больше не могу здесь оставаться. — Пожарный протянул обе руки, и Китти еще на шаг отступила к Фреду.

Раздался взрыв, и рация пожарного, затрепав, ожила. Когда Китти ослабила хватку на руке Эммы, Фред решил, что пришло его время, и вскочив на ноги, бросился к ним по наклонной черепичной крыше.

— Мы не можем потушить огонь, — произнес голос по рации, — поэтому увозим вас от дома, Джон.

— Здесь девочка. Я не могу ее бросить. Ради бога, прошу, дайте мне ребенка, — прокричал пожарный, и лестница начала удаляться.

Когда Фред добрался до Эммы, лестница была уже в пяти футах от здания. Снизу прогремел второй взрыв, встряхнув дом до основания. Китти споткнулась и выпустила малышку.

— Прыгай! Ради бога, сейчас же прыгай! — прокричал пожарный, заметив Фреда.

Почувствовав прилив адреналина, тот протянул руки к Эмме, и она инстинктивно бросилась к нему. Он поднял девочку с крыши и, крепко держа на руках, метнулся к лестнице.

На мгновение мир замер, воцарилась тишина, и Фред прыгнул.

Читая только что напечатанный текст, Сэм откинулась в кресле и потеряла виски.

Сегодня «Таймс» раскрывает невероятную историю рождения телеведущей Китти Кэннон, которая умерла в прошлом месяце, предположительно, покончив с собой.

Любимая многими ведущая «Пушечного удара», известная тем, что вытягивала правду из своих гостей, хранила свою собственную тайну, намного более сенсационную, чем можно представить.

Урожденная Эльвира Кэннон, она украла личность умершей сестры-близнеца. Всего в восемь лет ей пришлось выдать себя за Китти, чтобы сохранить жизнь.

Сегодня правнучка женичины, помогшей Эльвире выжить, раскрывает читателям газеты семейную сагу длиной в шесть десятилетий и четыре поколения. Журналист Саманта Харпер случайно наткнулась на историю своего происхождения, шокирующую больше чем любое из освещаемых ею прежде событий.

Кто-то скажет, что жизнь Китти Кэннон была соткана из лжи. Но я поняла, что порой бывает ложь необходимая. Как в случае с Эльвирой и моей бабушкой. Обeim еще в детстве пришлось многое пережить, так что ложь для них стала единственным вариантом.

Жизнь Эльвиры закончилась в обители Святой Маргарет. Там же умерла ее сестра Китти — настоящая Китти, на шестьдесят лет раньше.

И родилась моя бабушка Роза.

Сестры-близнецы появились на свет в 1950 году в доме матери и ребенка, носящем имя Святой Маргарет, в Престоне, Восточный Суссекс. Матерью их стала любовница отца. С первых дней жизни пути девочек разошлись. Китти родилась здоровой и крепкой. Эльвира же боролась за каждый вдох, и ее оставили умирать. Но потом обнаружили, что малышка выжила и забрали в лазарет. Отец близнецов Джордж Кэннон, жена которого в то время лежала в больнице в тяжелом состоянии, взял домой лишь здоровую девочку. Эльвиру же оставил в руках жестоких монахинь обители Святой Маргарет.

В то время, как Китти росла в атмосфере любви и тепла, не подозревая о биологической матери, трагическая история Эльвиры продолжалась. Девочку удочерила молодая пара. Но в шесть лет ее вернули обратно в обитель Святой Маргарет. И два ужасных года она как девочка-рабыня работала в прачечной, где, по жестокой иронии судьбы, познакомилась с моей прабабушкой, Айви Дженкинс.

Сэм отвлеклась от статьи и взглянула на письма Айви, лежавшие рядом на столе. Словно одержимая, она вцепилась в них, не обратив внимания, что с бабушкой что-то происходит. Отчаянно желая убежать от работы и необходимости жить вместе с Эммой в тесной бабушкиной квартире, Сэм обнаружила, что попала в свою же ловушку. Поиски «Святого Грааля» привели к тому, что теперь луч прожектора был направлен на ее собственную жизнь. История, начавшаяся в пятьдесят шестом с молодой, невинной, беременной девушки, заканчивалась неудавшейся жизнью самой Сэм, двадцатипятилетней матери-одиночки в процессе развода.

— Значит, будет расследование? — В последовавшие за пожаром в обители Святой

Маргарет недели Сэм трижды неудачно звонила в Управление медициной и здравоохранением, и, наконец, добралась до одного из инспекторов.

— Вы должны поговорить с пресс-службой. — Голос мужчины звучал взволнованно.

— Я не из прессы. Я родственница одного из вовлеченных в испытания детей, — солгала Сэм. — И просто хотела узнать, что происходит.

В конечном счете, от пресс-службы Скотленд-Ярда она добилась подтверждения, что по делу об испытании лекарств в обители Святой Маргарет будет проводиться расследование.

— Но пройдут годы, прежде чем они придут к какому-то заключению. Так что мы пока не можем упоминать об испытаниях, — проговорила она, подняв взгляд на Майлза, редактора новостей, усевшегося на край ее стола.

— А что насчет смертей тех, кто упоминался в письмах? — спросил он, изучая список имен в ее блокноте.

Сэм подумала о тех, чьи смерти, без сомнений, были на совести Эльвиры. Начиная с трагической аварии, произошедшей с ее отцом, Джорджем Кэнноном зимой шестьдесят первого, и заканчивая отцом Бенджамином, которого она, вероятно, заманила в тоннель под обителью Святой Маргарет почти пятьдесят лет спустя.

— Говорят, нет достаточных доказательств, чтобы вновь начать расследования. Полагаю, прошло слишком много времени.

— Ни одно? — Сэм покачала головой, и Майлз отвел взгляд. — Что насчет психиатра?

Сэм просмотрела разложенные на столе газетные вырезки и подняла одну, с фотографией Ричарда Стоуна под заголовком «Психиатр найден мертвым. Предположительно, самоубийство».

— Думаю, Эльвира приложила к этому руку. Но, как и всегда, чертовски хорошо замела следы. — Сэм слабо улыбнулась, мыслями возвращаясь в то утро, проведенное в суде. На котором сын Ричарда Стоуна рассказывал, как сильно на отца повлияла смерть матери.

— Вы знали, что Китти Кэннон была пациенткой вашего отца? — поинтересовался коронер у мужчины среднего возраста в сером костюме, белой рубашке и узком черном галстуке. Кожа его была бледной, а темные круги под ярко-синими глазами лишь оттеняли их.

— Нет. Но я знал о пациенте, с которым отец отказывался прекратить работу, несмотря на то, что ему было далеко за восемьдесят. Мама всегда пыталась заставить его полностью отойти от дел, но он говорил, что обязан приложить все усилия и помочь этой женщине. Полагаю, теперь понятно, почему, — пробормотал Джеймс Стоун в стоявший перед ним маленький микрофон.

— А вы знали об этой истории с испытанием лекарств в обители Святой Маргарет? — Глядя поверх очков-полумесяцев, коронер терпеливо ожидал ответа мистера Стоуна.

— Не совсем. — Джеймс прокашлялся и немного помедлил. — Я знал, что в его прошлом была какая-то недосказанность. И его сильно беспокоили отношения с моим дедом. Знаю, что они не разговаривали. Отец порой погружался в депрессию. Мама называла эти периоды «черными днями». Теперь, вспоминая об этом, я думаю, она знала, что его беспокоило, но защищала нас.

— Полагаете, версия о его самоубийстве оправданна, мистер Стоун? — Коронер снял очки, положил их на стол и что-то нацарапал в блокноте.

Джеймс Стоун прокашлялся прежде, чем заговорить.

— В документах говорится, что эта женщина, Китти Кэннон, родилась в обители Святой

Маргарет. Могла ли она участвовать в испытаниях и в какой-то степени винить в этом его? Я хочу сказать... есть ли доказательства, что она была в доме в момент его смерти?

— Насколько нам известно, нет, мистер Стоун. В комнате для консультаций есть ее отпечатки, но это вполне ожидаемо.

— Значит, он принял успокоительное, а потом, лежа в ванне, перерезал вены на запястьях? — спросил Джеймс Стоун, и голос его сломался.

Коронер кивнул, затем снова надел очки и заглянул в свои записи.

— Похоже, что так. И не просто успокоительное. За две недели до смерти ваш отец написал в «Краниум Фармасьютиклс», запрашивая с целью исследования образец коцинанола. Именно это лекарство тестировали в обители Святой Маргарет. — Он снова поднял взгляд. — Кажется, участие в этом деле мучило его больше, чем кто-либо предполагал, а после смерти жены им завладело чувство вины.

— Ну, известно, что под тем домом нашли массовое захоронение, — проговорил редактор новостей, вырывая Сэм обратно в настоящее. — Мы можем сообщить, что будет следствие по делу об испытании лекарств. И что есть подтверждение произошедшей подмены, а в резервуаре среди прочих нашли скелет восьмилетней девочки. Так ведь?

Сэм кивнула, закусив губу при мысли о том, что довелось пережить маленькой Китти той ночью в руках матушки Карлин. Ее останки обнаружили в резервуаре вместе с сотнями других. Их еще опознавали, опираясь на документы, найденные вокруг тела Ричарда Стоуна.

— Даже без учета смертей эта история сама по себе невероятна, — продолжил Майлз. — И хотелось бы опубликовать несколько слов от непосредственных участников, Сэм. Вы с бабушкой расскажете, как отнятый у матери ребенок влияет на поколения женщин.

— Но это же история Китти. Я не хочу быть ее частью, — сказала Сэм.

— Конечно, но Китти Кэннон мертва, а вы с бабушкой сможете все это возродить. Как представители сотен женщин, все еще не оправившихся от пагубного влияния того дома. Наверное, стоит начать со встречи между твоей бабушкой и матерью Айви. Приложи все усилия, Сэм, мне нужно это завтра, — добавил он, когда его окликнул коллега. Девушка посмотрела ему вслед.

Глядя на мигающий на экране курсор, Сэм ощутила, как на нее давит тяжесть ответственности перед сотнями женщин, у которых отобрали детей в обители Святой Маргарет. Те женщины, которым уже за шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, читали «Таймс», сидя за завтраком рядом с мужьями, которые, возможно, даже не подозревали об их боли и страданиях.

Сэм тяжело вздохнула и подняла лежащий сверху стопки лист. Первое письмо Айви, с которого все началось.

12 сентября 1956

Любимый,

мне страшно, потому что от тебя нет вестей. Все мои тревоги подтвердились. Я на третьем месяце беременности. Слишком поздно что-то делать. По воле Господа наш ребенок родится.

Бабушка. Этим ребенком была бабушка. Сэм все еще пыталась это осознать и до сих пор

злилась, что та с самого начала не рассказала ей правду о письмах.

Девушка понимала: бабушка случайно заснула, когда читала письмо Айви и не планировала, что Сэм найдет его подобным образом. Но потом она солгала о том, что отыскала второе письмо, и третье. И даже не попыталась предостеречь ее, когда девушка, сломя голову, ринулась навстречу катастрофе, способной глубоко затронуть обеих. Подобное было трудно принять. Ведь речь шла о бабушке. Сэм понимала, что старушке, должно быть, невероятно трудно было подобрать слова, чтобы все объяснить. Но ради Сэм и Эммы она должна была попытаться.

— Почему же меня не выпишут? — Через несколько дней после пожара бабушка все еще была в больнице. — Я хорошо себя чувствую. А кровать здесь маловато.

— Бабушка, у тебя был сердечный приступ, — тихо проговорила Сэм.

— Небольшой, — проворчала бабушка, — и случится еще один, если снова придется есть отвратительную больничную еду.

— Прости, но мне действительно нужно понять, что произошло с письмами Айви. — Сэм взглянула на бабушку, изучавшую недоеденный ланч. — Почему ты мне просто не рассказала?

— Просто? — Во взгляде бабушки читалось что-то незнакомое. — Какую часть? О письмах? Об угрозах Китти? Я никогда не говорила об этом даже дедушке. Когда все это завертелось, невозможно стало подобрать слова. Я знала, что у тебя будет много вопросов.

— Но я имела право знать. — Сэм почувствовала, как голос ее дрогнул; прежде она никогда не ссорилась с бабушкой. Яд обители Святой Маргарет отравил и их отношения.

— Конечно, имела. Прости. Я не читала эти письма тридцать лет. Просто вытаскала их, потому что у меня был день рождения, и я хотела подумать о женщине, что привела меня в этот мир, немного поплакать. И в первый раз не было дедушки, который начал бы задавать вопросы.

— Но была я, — тихо проговорила Сэм.

— Я не думала, что ты их найдешь, и не была готова к подобной реакции... Медсестра! — окликнула бабушка напряженную женщину, которая, не услышав, торопливо прошла мимо палаты.

— Нечестно пытаться винить меня, бабушка. Ты мне солгала. Прежде ты никогда так не поступала. — Сэм смахнула слезы тыльной стороной ладони.

— Я не пытаюсь тебя винить. Но те письма вызвали болезненные ощущения. А ты так на них отреагировала... просто поразительно. Ты напоминала голодную акулу. Милая, можешь найти медсестру? Мне нужно домой, я не могу спать в этом шуме, не могу есть. Я болею уже от самого этого места. — Бабушка попыталась поправить подушки под головой, с тяжким вздохом дергая и подтягивая их.

— Хорошо, бабушка. Ты еще хочешь увидеть Мод? Я могла бы привезти ее завтра.

— Ну, с божьей помощью, к тому времени меня здесь не будет. Так что придется ей прийти домой.

— Но ты в самом деле хочешь ее увидеть? — мягко спросила Сэм. — В конце концов, она твоя биологическая бабушка.

— Да, из любезности. Но я ничего не должна этой женщине. — И, словно давая понять, что разговор окончен, бабушка положила на колени и открыла книжку с кроссвордами.

И Сэм, больше не настаивая, отправилась искать медсестру, а в голове у нее крутилась беспокойная мысль: сколько же всего она еще не знает о своей бабушке. О ее жизни до их

знакомства. О бабушке, которая воспитывала дочь, ставшую матерью в подростковом возрасте, а потом умершую от алкоголизма. О боли, вызванной удочерением и знанием того, что ее биологическая мать пережила невыносимые мучения прежде чем покончить с собой. Девушка с трудом могла все это осознать.

Глубоко вздохнув, Сэм вновь вернулась к письмам, что зажгли внутри нее огонь и попыталась собраться с мыслями.

В письмах, написанных моей прабабушкой, открывается мир страданий и изнурительной работы, невообразимой для любой женщины, но совершенно недопустимой для девушки на восьмом месяце беременности.

«Монахини очень жестоки, — писала она в декабре 1956. — Они бьют нас тростью или тем, что попадет под руку, если мы осмеливаемся заговорить. Одна девушка так сильно обожглась о раскаленные докрасна стальные листы, что на руке появился волдырь. Теперь он уже заражен. Сестра Мэри-Фрэнсис просто подошла и отругала ее за напрасную трату времени. Нам разрешено лишь молиться или произносить: «Да, сестра». Молитвы перед завтраком, месса после завтрака, молитвы перед сном. А потом — черная пустота, пока колокол на стене не разбудит нас снова в шесть утра. Мы живем по колоколу, здесь нет ни часов, ни календарей, ни зеркал, ни ощущения времени. Никто не говорит, что будет, когда родится мой ребенок. Но я знаю, что здесь есть дети, потому что по ночам слышу, как они плачут».

После ужасных родов дочь Айви — мою бабушку — забрали у нее против воли. Айви медленно погружалась в уныние, не могла ни спать, ни есть. Ее единственной радостью стало знакомство с девочкой по имени Эльвира.

— Итак, расскажите еще раз, зачем вы два раза проникали в обитель Святой Маргарет. — Сэм вздохнула и мыслями вернулась к детективу, который взял их с Фредом под опеку после пожара. Она помнила, как он сидел, откинувшись на стуле, скрестив руки на выпирающем животе. Она старалась отвечать на вопросы, пыталась оставаться спокойной, хотела помочь, но детство, проведенное с матерью в полицейских участках, давало о себе знать.

— Говорю же, бабушка дала мне несколько писем. Их написала девушка, родившая ребенка в обители Святой Маргарет.

Полицейский не проявил особого интереса ни к письмам Айви, ни к тому факту, что все, кто в них упоминались, были мертвы. И навязчиво осуждал поступок Фреда, вскарабкавшегося по стене обители, пока все остальные стояли внизу и ничего не делали. Несмотря на то, что парень спас жизнь Эммы, его вновь и вновь расспрашивали, имел ли он какое-то отношение к началу пожара и как он быстрее всех оказался в обители.

— Да, я слышал, — проговорил детектив, глядя на часы, — но не понимаю, какое это дает право посягать на частную собственность.

Когда, наконец, им с Фредом, вынеся предупреждение, позволили уйти, Сэм поняла, почему Эльвира убила тех людей. Просто иначе они бы никогда не заплатили за содеянное и мирно умерли с чистой совестью в теплых постелях. А проявив терпение, Эльвира вышла сухой из воды.

И лишь устроенный ею пожар позволил обнаружить тела тех детей.

— Она поступила разумно, — проговорил детектив, провожая Сэм к выходу. —

Разлагающиеся тела вовсе не мертвы, они переполнены жизнью. Трупы выделяют метан. Он копился там десятилетиями и превратился в ожидающую взрыва бомбу. Будто бы все дети объединились, чтобы прокричать нам, где они.

Сэм подняла взгляд на трое часов, висящих на стене в отделе новостей «Таймс». Уже полдень. Через четыре часа ей нужно сдать первый набросок статьи.

В тот день, когда Айви приняли в психиатрическую больницу, она покончила с собой. Но прежде убедилась, что ее смерть отвлечет монахинь и позволит Эльвире сбежать, чтобы получить возможность жить.

Два дня Эльвира ждала на февральском морозе, одетая лишь в коричневую робу и сандалии. И, наконец, опрятная Китти в теплом красном пальто появилась у церкви. Девочки сразу узнали друг друга и убежали вдвоем, чтобы спрятаться. Но той ночью, когда Китти пошла за помощью, по жестокой иронии судьбы ее схватили монахини и, решив, что поймали Эльвиру, так зверски избили, что девочка умерла. Тело ее бросили в резервуар в обители Святой Маргарет. Там оно и лежало, сокрытое от глаз, пока его не обнажил огонь. Как и тела сотен других малышей и детей постарше, столкнувшихся с такой же жестокостью.

Проснувшись в больнице рядом с держащим ее за руку отцом, которого никогда не видела, Эльвира узнала, что ее сестра умерла. Испугавшись, что ее отправят обратно, объятая ужасом девочка ничего не сказала. Но много лет ее душа оставалась в ловушке в обители Святой Маргарет.

Дрожащие пальцы Сэм зависли над клавишами. Окружавшие ее ряды мониторов, блестящих, словно огни на посадочной полосе, тянулись к огромным черным буквам на белой стене: «Таймс» с гербом Ганноверов в центре.

Все здесь были довольно дружелюбны с самого первого дня, когда Майлз провел ее вокруг и представил толпящейся команде. Сэм вежливо улыбалась каждому новому лицу, но нервничала так, что забывала все имена практически сразу, как ей их называли.

Вздыхнув, пробежалась взглядом по совершенно незнакомым лицам. Некоторые уставились в свои экраны, другие оживленно болтали друг с другом. И испытала боль, ведь рядом не было Фреда, который потешался бы над ней и, проявляя заботу, приносил бесчисленные чашки водянистого кофе. Она скучала по нему намного сильнее, чем по Бену, с которым в последний месяц едва ли говорила о чем-то, не связанном с делами Эммы. Пару раз Сэм пыталась позвонить Фреду, но он уволился из «Южных Новостей» и исчез.

Она никогда не чувствовала себя настолько одинокой. Бездна, носящая имя Святой Маргарет, словно рак, разъедала их отношения с бабушкой. Сейчас они об этом не говорили, но нечто стояло между ними, подобно слону в комнате.

В действительности Сэм даже не стала обсуждать с ней статью, которая выйдет в «Таймс» в субботу на четырехстраничном развороте. Она понятия не имела, что новый босс захочет сделать их с бабушкой заметной частью истории. И сейчас фраза «предай свою бабушку» зудела в голове, как пойманная оса.

Сэм внезапно затошнило. Она не могла так поступить. Рассказывая эту историю так, как хотел Майлз, она чувствовала себя настолько незащищенной, словно находилась в офисе абсолютно обнаженной. Это было неправильно. Ей просто нужно сказать ему об этом. Даже если это означает потерю работы, за которую она так сильно боролась.

Сэм медленно выделила слова, которые писала последние два часа и собиралась нажать «Удалить», когда зазвонил ее мобильный. На экране вспыхнуло имя бабушки. Сэм взяла трубку.

— Привет, бабуль, — проговорила она.

— Ты в порядке, милая? У тебя усталый голос. — Сэм слышала, как на заднем фоне громко играла классическая музыка.

— Я в порядке. Небольшие трудности на работе. Как ты?

— Хорошо. Угадай, кто пригласил нас в воскресенье на ланч? — спросила бабушка. — Мод Дженкинс. Разве не мило?

— Мило. — Сэм почувствовала, как дрогнул голос и, отпихнув стул, направилась к тихому местечку в дальнем конце отдела новостей.

— Мод говорит, ей сложно столько готовить, так что всем заправляет ее соседка. Кажется, вы встречались. Миссис Коннорс. Когда умер ее отец, ты была к ней очень добра, — весело продолжила бабушка. — Думаешь, Бен захочет прийти?

Сэм покачала головой. И прежде, чем смогла сдержаться, глаза ее наполнились слезами.

— Нет, — выдавила она, — не думаю, что он придет. Мы едва разговариваем, бабушка. Он винит меня в том, что Эмма оказалась на месте пожара.

— Ну, это абсурд. Твоей вины в том не было. Ты вообще ни в чем не виновата. Если уж кого и обвинять, то меня.

И обе замолчали. Сэм слышала дыхание бабушки в телефонной трубке.

— Бабуль, мне нужно с тобой поговорить. Мой новый босс в «Таймс» хочет, чтобы мы появились в той статье о Китти. Мы с тобой. Чтобы я написала, как на нас повлияла обитель Святой Маргарет.

Повисло долгое молчание. Опустив голову, Сэм разглядывала свои туфли. На них капнула слеза, и девушка вытерла лицо тыльной стороной ладони.

— А что ты сама об этом думаешь? — поинтересовалась бабушка вмиг ослабевшим голосом.

— Не знаю, бабуль. Наверное, я боюсь. Однако я так устала от тайн. И чувствую, что мне вроде как нужно это сделать. Но не смогу, если тебя не будет рядом. — Сэм закусил губу. Слезы все еще струились по ее лицу.

— Тогда я думаю, мы должны. — Голос бабушки звучал мягко. — В память о тех девушках мы обязаны быть храбрыми. Мы в долгу перед Айви.

— Правда, бабуль? Ты уверена? — Сэм едва могла говорить.

— Да, милая. Я уверена.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

«Руф Гарденс» (“Roof Gardens” — сад на крыше) представляет собой комплекс из ресторана, ночного клуба и садов на двух верхних этажах здания в престижном лондонском районе Кенсингтон, совсем рядом с Холланд-парком.

Би-би-си (BBC, от англ. British Broadcasting Corporation — «Британская вещательная корпорация») — британская общенациональная общественная телерадиовещательная организация

Дженни Пэкхем (англ. Jenny Packham) — британский модный дизайнер, известная, прежде всего, своими свадебными нарядами и коллекциями готовой одежды.

Уорнер Бразерс (Warner Bros. Entertainment, Inc., обычно называется Warner Bros.) — один из крупнейших концернов по производству фильмов и телесериалов в США

«Династия» (англ. Dynasty) — американская прайм-тайм мыльная опера, транслировавшаяся на канале ABC с 12 января 1981 года по 11 мая 1989 года

Джон Фримен (англ. John Freeman; 19 февраля 1915 — 20 декабря 2014) — британский политик, дипломат и журналист

«Лицом к лицу» — телевизионная программа «Би-би-си» в стиле интервью, первоначально транслировавшаяся в 1959–1962 годах, созданная и продюсируемая Хью Бернеттом, которая состояла из 35 выпусков

«Чем я занимаюсь?» (ориг. What's My Line?) — игровое шоу, которое изначально транслировалось в США в сети телеканалов «Си-би-эс» с 1950 по 1967 год с дюжиной международных версий и последующих возобновлений в США. В игре задавались вопросы участникам-знаменитостям с целью установить их род занятий. Их соперники, приглашаемые, чтобы определить еженедельного знаменитого «загадочного гостя», участвовали в игре с завязанными глазами

«Оскар» (англ. Oscar) — американская кинопремия, созданная в 1929 году и традиционно вручаемая деятелям киноискусства за их вклад в создание кинофильмов

Брайтон (англ. Brighton) — город на южном побережье Англии в графстве Восточный Суссекс, на берегу пролива Ла-Манш. Удалён на 50 миль (80 км) по железной дороге от Лондона.

«Легкие развлечения» включают в себя широкий спектр телевизионных и радиопрограмм, таких, как комедии, эстрадные шоу, игровые шоу, викторины и тому подобное

Болезнь Паркинсона — медленно прогрессирующее хроническое неврологическое заболевание, характерное для лиц старшей возрастной группы. Своим названием обязана французскому неврологу Жану Шарко. Он предложил назвать её в честь британского врача и автора «Эссе о дрожательном параличе» Джеймса Паркинсона, чей труд не был должным образом оценён при жизни

Или «Пушечный снаряд». Англ. Cannon — пушка

Уайтхок — восточный пригород Брайтона

Мик Джеймс Хакнелл (англ. Mick James Hucknall) — британский певец и автор песен в стиле поп, ритм-н-блюз и соул.

«Пуарó» (или «Пуарó Агáты Крiсти», англ. *Agatha Christie's Poirot*, 1989–2013) — британский детективный телесериал по произведениям Агаты Кристи о бельгийском сыщике Эркюле Пуаро. Главную роль сыграл Дэвид Суше.

Суссекс или Сассекс (англ. Sussex) — историческое графство Юго-Восточной Англии. Площадь — 3776 кв. км. Для местного управления разделён на графства Западный Суссекс, Восточный Суссекс и город Брайтон

Относящийся к эпохе правления королевы Виктории, 1837–1901 гг.

Прэстон (англ. Preston) — поселение в окрестностях Брайто

Экстракорпоральное оплодотворение (от лат. *extra* — снаружи, вне и лат. *corpus* — тело, то есть оплодотворение вне тела, сокр. ЭКО) — вспомогательная репродуктивная технология, чаще всего используемая в случае бесплодия. Синонимы: «оплодотворение в пробирке», «оплодотворение *in vitro*», «искусственное оплодотворение», в английском языке обозначается аббревиатурой IVF (*in vitro fertilisation*)

«Таймс» (англ. The Times; переводится как «Времена») — ежедневная газета в Великобритании, одна из самых известных мировых газет. Выходит в печать с 1785 года

Темазепам (Temazepam) — седативный препарат бензодиазепинового ряда. Применяется для борьбы с бессоннице

Рапунцель (нем. Rapunzel) — сказка о девушке с очень длинными волосами, которая была заточена в высокой башне. Была записана братьями Гримм

Кокни (англ. Cockney) — один из самых известных типов лондонского просторечия, назван по пренебрежительно-насмешливому прозвищу уроженцев Лондона из средних и низших слоёв населения. В соответствии с поверьем, истинный кокни — это житель Лондона, родившийся в пределах слышимости звона колоколов церкви Сент-Мэри-ле-Боу (звон их слышен на расстоянии не больше пяти миль от церкви). Для диалекта кокни характерно особое произношение, неправильность речи, а также рифмованный сленг

Диализ — искусственная фильтрация крови при невозможности почек выполнять свою функцию

Старший суперинтендант — высший полицейский чин; подчиняется помощнику главного констебля, либо (в лондонских районах) начальнику полиции метрополии или полиции Сити

Жидкая унция — единица измерения объёма жидкости, равная $1/20$ пинты или 28,4 см³

Георгианский стиль зародился в XVII веке, в эпоху правления короля Великобритании Георга I. Его характеризуют сочетание симметрии и пропорций, утонченность и изысканность. Он не имеет ярко выраженной индивидуальности, но является гармоничной комбинацией нескольких других направлений; в нем можно узнать мотивы рококо, готики, а также вкрапления французской и китайской культур

Скалы Харрисон — утес из песчаника примерно в 1,5 км к югу от деревни Грумбридж в Восточном Суссексе. Пользуются популярностью среди скалолазов

Суфражистки (или суфражётки, фр. suffragettes, от фр. suffrage — избирательное право) — участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав. Также выступали против дискриминации женщин в целом в политической и экономической жизни

А́ве Ма́рия (лат. *Ave Maria* — Радуйся, Мария) — католическая молитва к Деве Марии. Эту молитву называют также ангельским приветствием (лат. *angelica salutatio*), так как её первая фраза представляет собой приветствие архангела Гавриила, сказанное им Марии в момент Благовещения

Большинство британских детей поступают в начальные школы в возрасте 5 лет

(Калпол — средство, относящееся к группе анальгетиков-антипиретиков, обладает обезболивающим и жаропонижающим свойством)

Нáчос (исп. nachos) — закуска мексиканской кухни, в основе которой лежат чипсы из кукурузной тортильи с различными добавками

Площадь Пикадилли (англ. Piccadilly Circus) — площадь и транспортная развязка в центральном Лондоне

Септический резервуар представляет собой водонепроницаемый герметичный бак, изготовленный из ПВХ, пластика, стекловолокна или металла, либо емкость из бетонных колец или кирпича, большого размера, в которую попадают сточные воды из дома для отстаивания и первичной очистки специальными анаэробными бактериями

Джерми Кайл — английский телеведущий популярного дневного ток-шоу

«Фулхэм» (полное название — Футбольный клуб «Фулхэм») — английский футбольный клуб, старейшая команда Лондона. Назван по имени лондонского района Фулхем (Fulham), в котором расположен домашний стадион команды «Крейвен Коттедж», открытый в 1896 году

«Вентолин» — медицинский препарат, который назначают при бронхиальной астме и хронической обструктивной болезни легких. Основное действующее вещество — сальбутамол

Галлон (мера жидких и сыпучих тел; английский галлон = 4,54 л

Блейзер (англ. blazer) — однобортный или двубортный пиджак с накладными карманами без клапана. Часто имеет металлические пуговицы, нашитую на рукав или грудь эмблему

Куртка или пальто из вощёной х/б ткани, обычно зелёного цвета от фирмы J Barbour&Sons

— хирургическое рассечение промежности и задней стенки влагалища женщины во избежание произвольных разрывов и родовых черепно-мозговых травм ребёнка во время сложных родов

В средней школе в Англии дети учатся с 11 до 16 лет

Каню́ля — трубка, предназначенная для введения в полости человеческого организма. Широко применяются в медицине для подачи или отвода различных веществ

Катéтер — изделие медицинского назначения в виде полóй трубки, предназначенное для соединения естественных каналов, полостей тела, сосудов с внешней средой с целью их опорожнения, введения в них жидкостей, промывания либо проведения через них хирургических инструментов

(eBay Inc. (произносится ибэй) — американская компания, предоставляющая услуги в областях интернет-аукционов и интернет-магазинов

Кристиан Лубутен (фр. Christian Louboutin) — французский дизайнер-модельер обуви. Отличительный знак обуви Лубутена — красная подошва туфель

Кристиан Диор (фр. Christian Dior) — французский модельер, основатель модного дома Christian Dior

Танбридж-Уэллс (англ. Tunbridge Wells) — район в юго-западной части графства Кент (Англия). Административный центр — город Роял-Танбридж-Уэллс

Макинтош (англ. mackintosh) — плащ из непромокаемой прорезиненной ткани